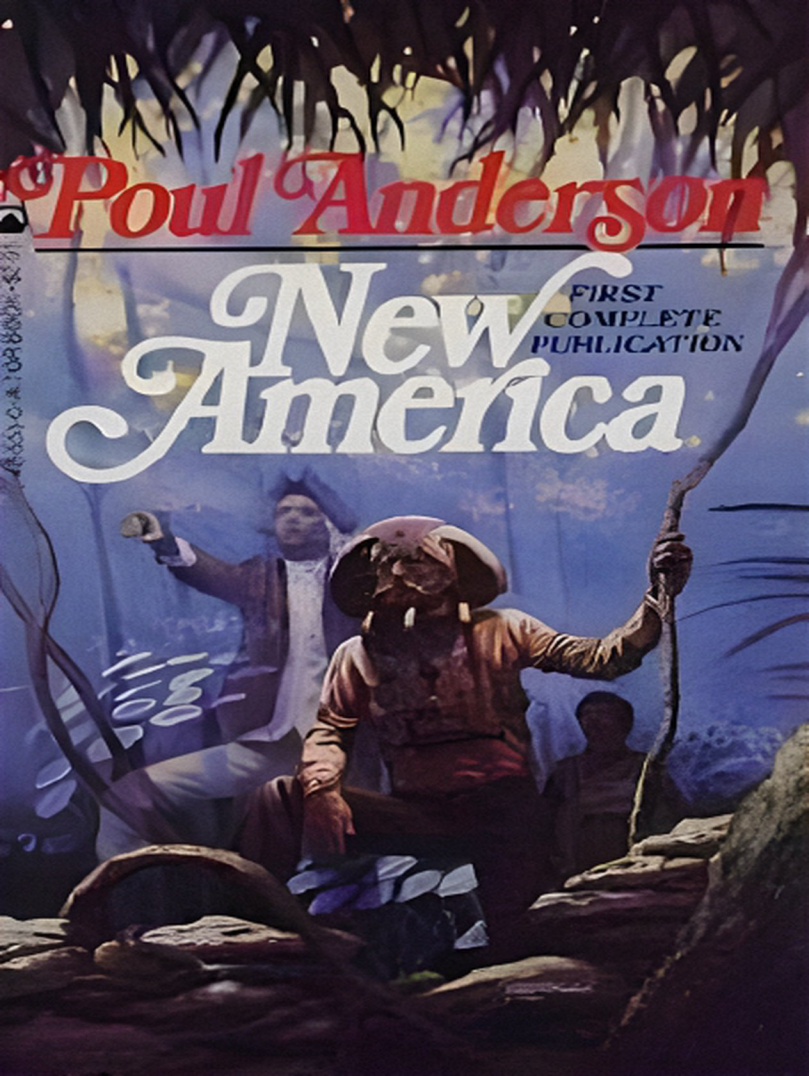
Poul Anderson

New America

FIRST COMPLETE PUBLICATION



Новая Америка

Пол Уильям Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. Новая Америка
МОЙ КРАЙ, МОЙ МИЛЫЙ КРАЙ
ТАКОВЫ ЖЕНЩИНЫ
ДОБРАЯ СДЕЛКА
ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА

Аннотация

Продолжая историю Orbit Unlimited, New America является следующей главой в истории планеты Рустум, где конституционалисты продолжают свою миссию по построению более совершенной нации. С гравитацией в 1,25 раза превышающей земную и множеством несъедобных растений, Рустум наиболее пригодный для жизни в высокогорье, в результате чего низменности мало заселены, что создает большой дисбаланс на планете.

Дэн Коффин, один из первых поселенцев Рустума, соглашается присоединиться к экспедиции в низменности, где он является одним из немногих, кто может выжить в плотном воздухе без шлема. «Новая Америка» следует за усилиями Коффина по построению новой жизни с женой, детьми и эффективным органом управления, который может помочь жителям низменностей не только выжить, но и процветать.

My Own, My Native Land (1974)

Passing the Love of Women (1974)
A Fair Exchange (1974)
To Promote the General Welfare (1975)

Пол Андерсон
Новая Америка

МОЙ КРАЙ, МОЙ МИЛЫЙ КРАЙ

Пилот-разведчик из числа первопоселенцев потерпел аварию во время очередного исследовательского рейда. И он, и его серьёзно раненый напарник выжили и добрались до колонии. На борту разрушенного самолёта осталась куча ценных приборов и иного дефицитного имущества, но главное — ленты с записью различных наблюдений (сейсмологических, метеорологических и проч.), а также — картографической информацией. Чтобы вернуть всё это, пилоту требуется помощь наиболее приспособленного к существованию в местных условиях человека…

1974

На рассвете мальчуган стоял на краю своего мира. По ущелью, врубившемуся в край плато, стекали пенящиеся потоки облаков. Вершины облачных груд горели в первых солнечных лучах. Пел ветер — прохладный и удивительно свежий.

Птица-меч вырвалась из туманных глубин ущелья, чтобы лечь на крыло в стремительном вираже — величественное чудо с крыльями цвета стали. На мгновение мальчуган застыл без дви-

жения. Ужас сковал его. Затем он пронзительно вскрикнул и побежал.

В поисках убежища он забился в самую чащу и сидел там, пока не успокоилась сотрясавшая его тело дрожь и не высохли слезы. Мальчишки никому, а особенно тем, кто их любит, не говорят, что они напуганы до полусмерти.

— Иду на посадку! — сказал Джек О'Малли в радиофон и принялся разрабатывать процедуру сложного спуска.

В северо-восточной части континента это огромное плато, получившее название Верхняя Америка, не спускалось постепенно холмами и долинами, чтобы наконец достичь уровня моря, которое лежало в восьми километрах внизу. Здесь плато обрывалось вниз утесами и крутыми откосами, пока брызги океана не скрывали его с глаз. Только в одном месте и можно было преодолеть этот страшный обрыв — там, где гигантский разлом врубался в плато, образуя Расщелину. И ветры, которые гуляли там, были в высшей степени опасны и непредсказуемы.

Когда аэрокар косо пошел к поверхности планеты, О'Малли ясно увидел и береговой обрыв плато, и колоссальный рубец, рассекающий его. К вечеру вечно клубящиеся здесь облака стали

опускаться. Горный обрыв, темный и влажный, громоздился над океаном, протянувшимся до линии горизонта. Яркая белизна облаков разнообразилась золотисто-огненными цветами заката и длинными полосами теней. Солнце Эридана стояло низко на востоке, чуть не задевая за острые пики Кентавровых гор. Иллюзия его большой величины могла бы поразить человека, еще помнящего Терру, ибо на самом деле его диск в диаметре составлял лишь около половины диаметра Сола. 1Д красноватый оттенок его менее раскаленной поверхности — звезда относилась к типу 0–5 — сейчас можно было наблюдать гораздо лучше, чем в полдень.

А дальше взор О'Малли мог наслаждаться видом обширного пространства от Кентавровых гор до Расщелины и от Геркулесовых гор до озера Олимп, где зелень степей, лесов и фермерских полей, лежащих между этими ориентирами, орошалась реками и ручьями, берущими начало у далеких снежных пиков. Там, где реки Быстрая и Тихая сливались, образуя Императорскую реку, он мог бы отыскать и пятнышко Анкертауна, но лучи солнца, отражаясь от воды, слепили глаза.

Вместо этого О'Малли полюбовался бесконечным разнообразием красок, от изумрудно-зеле-

ного цвета фермерских полей до более мягкого голубовато-зеленого тона туземной растительности. Весна приходила как взрыв — как это обычно и происходило на Рустаме.

Ракш — главная из лун — находилась в своей половинной фазе и стояла в небе, которое уже приобрело оттенок царственного пурпура. Примерно на половине пути между самой дальней и самой близкой точками ее эксцентрической орбиты она казалась сходной по размерам с земной луной; только цвет ее был скорее медным, чем серебряным. На это чудесное зрелище О'Малли только скривился. Ракш сближалась с Рустамом, а значит, планете грозило увеличение приливо-отливных течений в плотном воздухе низменных районов, а это приведет к возникновению еще более грозных бурь ко времени равноденствия.

Автопилот предупреждающе пискнул, и О'Малли принужден был переключить внимание на управление аэрокаром. В самом лучшем случае управление можно было назвать сложным: в этой неустойчивой атмосфере, при силе тяжести на четверть выше, чем на Терре, сконструированная и построенная по земным меркам машина была не особенно надежна. О'Малли подумал: а наступит ли когда-нибудь день, когда эта колония

начнет строить собственные летающие машины, в которых будут учтены достижения собственного опыта? Три тысячи людей, ютящихся в мире, который природа явно для них не предназначала, вряд ли могли в короткий срок создать у себя промышленное производство.

Снижаясь, он увидел, как ферма Джошуа Коффина постепенно вырастает четким черным силуэтом на фоне неба и кучевых облаков. Здания фермы были низки, но выглядели массивными, какими и должны были быть, чтобы выдержать здешние ураганы. Ни гимовых деревьев, ни перистых дубов здесь не вырубили, во-первых, потому, что они давали густую тень, а во-вторых, выполняли роль ветрозащитной полосы. Они тоже смотрелись как силуэты, кроме одного, на котором фосфоресцировало гнездо феникса-шалашника.

О'Малли приземлился, поставил аэрокар на тормоза и выпрыгнул из машины — крупный веснушчатый мужчина атлетического сложения, несмотря на то что время уже успело посеребрить его рыжую шевелюру и добавить жирка на талии. Он носил весьма щеголеватый комбинезон, заметно отличающийся от суровой простоты одежды Коффина. Хозяин фермы был уже здесь

и, согласно законам гостеприимства, помогал укрепить ремень безопасности аэрокара на швартовочной тумбе. Это был высокий костлявый человек с грубыми и суровыми чертами лица, выдубленной солнцем кожей и серо-стальной щетиной на голове.

— Привет тебе, — сказал он, и мужчины крепко пожали друг другу руки. — Что такое приключилось, чего нельзя было бы обсудить по телефону?

— Мне нужна помощь, — ответил О'Малли. — Дело может оказаться то ли конфиденциальным, то ли нет. — Он тяжело перевел дух. — Господи, да когда же мы обзаведемся настоящими лазерами, а не этими дурацкими уоки-токи, которые могут прослушиваться любым соседом-сплетником!

— Не верю я, что в нашем хозяйстве есть секреты, которые надо охранять, — сказал несколько резко Коффин. Хоть он за последние годы и помягчел, но О'Малли сразу вспомнил, что его хозяин был и остается убежденным пуританином. Обстоятельства заставили этого космического капитана поселиться на Рустаме, и среди них немалое значение имело желание избавиться от перенаселенности, коррупции, нищеты, загрязнения среды и тирании на Земле. Он никогда не принимал участия в движении конституциона-

листов. Больше того, их рационалистическая, свободолюбивая философия, близкая к гедонизму, до сих пор, без сомнения, раздражала его суровую религиозность.

— О, я вовсе не это имел в виду, — торопливо поправился О'Малли. — Дело в том... Скажите, а нельзя ли нам где-нибудь уединиться на несколько минут?

Коффин долго вглядывался в лицо гостя сквозь сгущающиеся сумерки, прежде чем кивнуть головой в знак согласия. От взлетной полосы они пошли по гравийной дорожке между декоративными кустами. Звездочник уже зацветал и теперь наполнял воздух ароматом корицы, смешанным с чем-то еще — возможно, с запахом свежего сена, скошенного в прохладный день. О'Малли заметил, что Тереза Коффин наконец добилась своего: ее розы тоже зацвели. Сколько ж пришлось ей потрудиться над этим, отрывая редкие свободные минуты от забот по дому, от воспитания детей и от главного: необходимости заложить фундамент будущей жизни — менее суровой, чем теперешнее существование на Рустаме. Помимо знаний и изобретательности, чтобы заставить земные растения расти здесь, требовались еще упорство и терпение. Жизнь в

своей основе была тут сходной с терранской, но это вовсе не означало, что экология или почва, созданная этой экологией, были идентичны.

Мелкий гравий скрипел под ногами.

— Что-то новенькое — посыпанная гравием дорожка, — заметил О'Малли.

— Прошло уже два года, как мы ее сделали.

О'Малли стало неловко. Неужели прошло столько времени с его последней встречи с этими людьми? Хотя что у него общего с этими фермерами — такими, как этот, — у него, профессионального искателя приключений? Его удивило другое — в последний раз он ходил по гравийной дорожке в поместье на Терре, в Ирландии, на островке лужаек и цветников среди тяжелого сельского труда и нищеты наступающего мегалополиса. А скрип гравия там бьш потише, верно? Нет, конечно. Просто его ноги там ступали на гравий с тяжестью, равной четырем пятым здешней. И даже в Верхней Америке воздух куда плотнее, нежели на морских побережьях Земли, и он туг лучше передает звук, а также превращает такой простой обряд, как приготовление чая, в своеобразный вид искусства...

Диск Раюйа пересек летун — теплокровное создание, покрытое перьями, несущее яйца, но

со столь странными особенностями физиологии, что его никак нельзя считать птицей — разве что по названию. Где-то издала трель поющая ящерица.

— Ну, — сказал наконец Коффин, — так что же у вас за дела?

О'Малли подумал, что невежливо заставлять Терезу так долго ждать гостя, да и молодежь тоже, пожалуй. Он поглубже вдохнул воздух и начал:

— Фил Херцкович и я проводили научные исследования на низких равнинах вокруг залива Ардашир. Помимо картографических работ, мы снимали старую стационарную аппаратуру, уже отработавшую свое, и устанавливали новую… Понимаете, рутинные процедуры. Циклонический шторм захватил нас на средних высотах, где такие вещи нередки. Наш кар потерял управление. Пилотом был я. Я попробовал посадить его на воду на поплавках, но это у меня не получилось. Самое лучшее, что я мог сделать, — совершить вынужденную посадку в береговых джунглях. Во всяком случае, верхушки деревьев смягчили удар. Но и тогда Фил обзавелся парой сломанных ребер — фюзеляж треснул прямо рядом с его креслом.

Лес мы не очень повредили. Кроны над облом-

ками кара сомкнулись сразу же. Посадочных площадок поблизости нет. Мы послали сигнал бедствия, а потом пятьдесят километров перли пехом, пока не нашли лужайку, где спасатели смогли сесть.

Это случилось пять дней назад. Несмотря на то что я не был ранен, я до сих пор не оправился от шока и переутомления.

— Хм… — Коффин почесал подбородок и искоса глянул на гостя. — А почему об этом инциденте не передавали в новостях?

— По моей просьбе. Понимаете, я подумал… О том, о чем хочу просить вас…

— А именно?

— Я не думаю, чтобы можно было спасти обломки, черт бы их побрал, но все же хотел бы попытаться. Вы же знаете, как это много значит для колонии — вернуть хотя бы мотор или что другое. Спасатели не могут расчистить посадочную площадку; у них нет оборудования, чтобы убрать срубленные стволы, а именно они представляют наибольшие препятствия. Но можно построить фургон и прорубить тропу для него. Это позволит хотя бы вывезти оттуда инструменты и ленты с записями… во всяком случае быстрее, чем если ходить туда и обратно с рюкзаками…

— Инструменты и ленты с записями, — задумчиво произнес Коффин. — Вы считаете, что, независимо от того, можно ли будет извлечь обломки, инструменты и данные самописцев следует добыть обязательно?

— Господи, да конечно же! — ответил О'Малли. — Вы только подумайте, сколько квалифицированного труда затрачено на их производство, потом на установку приборов, демонтаж и так далее… и это в нашей бедной трудовыми ресурсами и техникой экономике. Не говоря уже о ценности самой информации. Данные о почвенных бактериях необходимы для земледелия. Метеорология, сейсмология… Не мне вам об этом говорить, Джош. Вы знаете, как мало нам известно и как много нам надо знать о Рустаме. Это же целый *мир!*

— Верно. Чем я могу помочь?

— Вы можете отпустить со мной своего приемного сына Дэнни.

Коффин остановился как вкопанный. О'Малли — тоже. Они долго смотрели друг на друга… Медленно сгущались сумерки.

— Почему именно его? — очень тихо спросил Коффин. — Он еще совсем мальчик. Мы отметили его девятнадцатилетие… всего дважды десять

дней назад. Если бы это было на Земле, то ему еще не хватило бы двух месяцев до пятнадцати лет.

— Вы знаете почему, Джош. Он еще юноша, согласен, но он самый старший из всех экзогенов.

Коффин так и застыл.

— Мне это слово не нравится.

— Извините. Я не хотел…

— Только потому, что он выращен в искусственной среде, а не в матке, и из присланных с Терры клеток, а не от прибывших сюда родителей, Дэнни вовсе не стоит на низшей…

— Конечно! Бесспорно! Как могут три тысячи человек создать достаточно большой генетический фонд для будущего, особенно если они живут в условиях такой среды обитания, если они не привнесут…

— …еще и потенциал миллиона родителей. Когда вы женитесь, вас все равно обяжут взять в семью на воспитание одного из таких детей.

О'Малли поморщился. Его Нора умерла в год Эпидемии. Как-то получилось, что он с тех пор не имел ничего, кроме нескольких коротких связей. Возможно, это потому, что он сам никогда подолгу не задерживается на одном месте. Ведь здесь такое обширнейшее поле для открытий и так мало людей, способных эти открытия совершать.

А это необходимо, если человек вообще хочет выжить на Рустаме.

И вот он — О'Малли — живет на Рустаме и в известном смысле перекладывает свои общественные обязанности на других — на женатиков. На Земле исчисляемый миллиардами человеческий род — просто ржа, просто чума для планеты, а на Рустаме человек — существо редкое и одинокое, он еле-еле ухитряется здесь выжить. Его численность должна расти, и расти с максимальной скоростью. И не только для того, чтобы обеспечить планету такими необходимыми рабочими руками или даже умами. Существуют гораздо более тонкие последствия недонаселенности, которые могут оказаться губительными для местного человечества. Если, например, родителей слишком мало, то значительная доля их биологической наследственности теряется, поскольку отнюдь не всегда она воплощается в детях, зачатых ими в течение жизни. Спустя несколько поколений люди делаются все более и более похожими друг на друга. А именно разнообразие есть ключ к способности адаптироваться, а адаптация в конечном счете — ключ к выживанию.

Частное, хотя и важное решение проблемы лежит в усыновлении. Космические корабли

были переполнены поселенцами. Они, конечно, не могли везти много растений и животных. Но ведь можно везти семена — и тех и других. Замороженные сперма и яйцеклетки могут храниться очень долго — до тех пор, пока не настанет время соединить их и вырастить новый организм в пробирке. Все это полностью оправдалось в отношении собак и домашнего скота, а поэтому могло быть применено и к человеку. Вырастет в пробирке, женится и будет размножаться обычным путем, а следовательно, передаст своим уникальные хромосомы всей расе.

Однако это лишь частичное решение. Первопоселенцы и их потомки тоже должны выполнять свой долг.

Коффин увидел, как омрачилось лицо О'Малли, и заговорил уже мягче:

— Неважно. Я понял вас. Вы вспомнили, что Дэнни может хорошо выносить природные условия низменностей.

Второй мужчина тоже взял себя в руки.

— Да, — ответил он. — Я думаю, что в данном случае доноры были выбраны именно с учетом этого. И надо сказать, нам с ним здорово повезло — ведь это была одна из первых таких попыток. Слушайте… Это путешествие наверняка будет

трудным. Так бывает всегда, когда вы отправляетесь туда, где все не похоже на Терру, да вдобавок и вообще никому ничего толком не известно. Вот почему я держал в тайне, что Дэнни будет для этой экспедиции наилучшим партнером из всех возможных. Не думаю, что риск будет слишком уж большим. Тем не менее множество любителей совать свои носы куда не следует поднимут крик, что мальчика нельзя подвергать таким опасностям, особенно если об этом станет известно заранее. Вот я и подумал… чем поднимать шум в общине… Я счел, что решение должны принять вы… И, конечно, Тереза.

— А почему бы не Дэнни?

— А? — О'Малли ужасно удивился. — Я… ну… я почему-то решил, что он наверняка захочет пойти. Приключения… и настоящие весенние каникулы… К тому же, когда он был еще малышом, он один-одинешенек отправился к Расщелине…

— И заблудился, — холодно закончил Коффин. — Его еле спасли — чуть ли не вырвали из когтей гигантской меч-птицы, которая уже нацелилась разобрать его на части.

— Да, но все-таки он спасся. И это доказывает, что он был, вернее сказать, есть первый коренной рустамец, то есть человек, который может на

этой планете жить где угодно. Я не забыл, что этот случай сделал его настоящей знаменитостью.

— К счастью, мы вернулись обратно в честную неизвестность, и он, и все мы, — сказал Коффин. — Я не стал доводить до сведения общества тот факт, что с тех пор он никогда больше не хотел спускаться ниже слоя облаков. Он славный парень, не трус, не слабак, но, когда ему предлагали спуститься вниз, даже на небольшое расстояние, он всегда находил повод остаться дома. Мы с Терезой на него не давили. Для малыша это было жуткое потрясение. И хотя он стал на время знаменитостью, его больше года мучили кошмары. Не удивлюсь, если они и сейчас ему снятся время от времени.

— Понятно, — О'Малли закусил губу. Он стоял в свете Ракша, чей красноватый блеск становился все ярче по мере того, как небо темнело. Зажглась, подмигивая, вечерняя звезда. Ветер стал свежее, и листья зашелестели громче. Время спать еще не наступило: близилось равноденствие, и ночь в Верхней Америке сейчас длилась тридцать один час. Но мужчины чувствовали себя так, словно их хорошо натренированные мышцы, кровеносные сосуды, кости заново ощутили бремя гравитации и атмосферы планеты.

— Что ж, самое время ему повзрослеть и позабыть о своих страхах, — вырвалось у О'Малли. — Перед ним лежит карьера, сделанная в Низинах.

— А зачем? — ответил Коффин. — Нам потребуется немало поколений, чтобы полностью заселить только это плато. У Дэнни найдется работенка и здесь. Можно даже логически доказать, что он просто обязан хранить набор своих уникальных хромосом, живя спокойной жизнью в безопасном месте и создавая многодетную семью. А вот его потомки пусть спускаются в низины.

О'Малли только головой покачал:

— Вы же прекрасно знаете, что все это не так, Джош. Мы никогда не добьемся безопасности, сидя на этом жалком кусочке суши… Во всяком случае до тех пор, пока не будем знать несравненно больше и об этом континенте, и о всей планете, частью которой он является. Помните? Нам удалось бы подавить Эпидемию в самом зародыше, если б мы знали, что вызывающий ее вирус заносится одним видом планктона, который поднимается к нам с Низин вместе с туманом. Мы никогда не создадим надежных систем оповещения о штормах или землетрясениях, если не будем иметь полную информацию о нашей среде обитания в целом. А кто может

предсказать, какие сюрпризы готовит нам еще Рустам?

— Да…

— Кроме того, Низины имеют большое общественное значение. Мы ведь прибыли сюда потому, что это была наша последняя надежда на создание свободного общества. За те несколько поколений, о которых вы только что упомянули, Верхняя Америка сможет стать столь же перенаселенной, как Терра сейчас. Свобода же немыслима без пространства, чтобы люди постоянно не толкались локтями. Мы обязаны начать освоение нашего Пограничья уже теперь.

— Ну, я не убежден, что политические теории стоят хоть одной погибшей жизни, — ответил Коффин, но тон его заметно смягчился. — Однако практическая необходимость, о которой вы говорили… тут вы правы. Так почему же вам нужен именно Дэнни?

— Неужели не ясно? Хотя, возможно, и не ясно, если вы никогда не бывали в тех краях. Можете мне поверить на слово, что люди, которым постоянно приходится таскать на себе редукционные шлемы, никогда ничего не добьются в этих дебрях. Я же рассказывал вам, что мы с Филом еле-еле доплелись до места рандеву со

спасательной машиной, а ведь у нас была только одна задача — двигай копытами. Спасателям придется работать куда больше.

— А кто пойдет с ним?

— Я. У нас нет больше никого, кто мог бы пожертвовать временем; действовать нужно немедленно, пока погода не разрушила весь груз. Думаю, мой опыт и способности Дэнни дадут нам хороший шанс добиться успеха в этой работе.

Я договорился об оплате и о приличной премии за каждую ценную вещь, которую мы доставим с места крушения. Колледж будет в восторге и набьет ему карманы золотишком. То оборудование и та информация… в них овеществлено столько часов человеческого труда, да к тому же, весьма возможно, они спасут немало жизней в будущем. Так что списывать их просто так — рука не поднимается.

Коффин снова помолчал, потом сказал:

— Пошли в дом, — расправил плечи и зашагал к дому.

В доме их встретил теплый уют, книги, картины и простор, который на Земле был уделом лишь кучки самых знатных и богатых. Тереза подала чай и закуски. В этой семье не употребляли ни табака, ни алкоголя. Первый — не большая

потеря, с усмешкой подумал О'Малли — на этой почве он вырастает таким, что жжет почище крапивы. Семеро хорошо воспитанных подростков поздоровались с гостем и устроились поудобнее, чтобы слушать разговор взрослых. (На Терре они наверняка стали бы членами уличных банд или были проданы в рабство… или сделались бы членами какой-нибудь узкой секты.) Шестеро — стройные, темноволосые и белокожие (в тех местах, что не обожжены солнцем).

Дэнни отличался от них далеко не одним старшинством. Он был коренаст, рост имел средний. Хотя его черты свидетельствовали о принадлежности к кавказской расе — прямой нос, большой узкий рот, глаза цвета ржавчины, — все же его высокие скулы, черные волосы с синеватым отливом и смуглая кожа ясно говорили о примеси восточной крови. О'Малли в голову пришел бессмысленный вопрос: кем были его генные родители, что заставило их отдать свои клетки для хранения в холодильнике космического корабля, на палубу которого они никогда не вступали, и встречались ли они когда-нибудь в жизни на Земле? Впрочем, сейчас они почти наверняка уже умерли.

Разговор перескакивал с одного на другое.

Недостатка в темах не ощущалось. Три тысячи первопоселенцев не составляют поселения, где каждый знает каждого и все, что у него готовят на обед, особенно если эти три тысячи человек расселены на площади, равной Минданао[1]. Конечно, часть жила в Анкере, но в целом сельское хозяйство Верхней Америки пока еще не могло бы обеспечить нужды более плотного расселения.

Тем не менее определенная напряженность в разговоре ощущалась. О'Малли почувствовал облегчение, когда Тереза неожиданно спросила, зачем он прилетел. Он рассказал. Взгляды присутствующих блуждали по комнате, пока наконец не сконцентрировались на Дэнни.

Мальчик не дрогнул, но как бы окаменел, стал похожим на своего приемного отца. Его ответ был еле слышен:

— Я не хотел бы.

— Должен признаться, определенный риск, конечно, есть, — сказал О'Малли. — Однако… — Туг он широко улыбнулся, — скажите мне, а где его нет? Я, например, очень высоко ценю свою рваную шкуру, сынок, а я буду всегда рядом с тобой.

Тереза хрустнула пальцами.

---

[1] Примечания: 1

Остров в составе Филиппинского архипелага, площадь 94,6 тыс. км^2(Здесь и далее примеч. пер.)

Голос Дэнни сделался чуть громче. Он звучал как-то надтреснуто.

— Мне не понравилось там — внизу.

Коффин сжал губы.

— И это все? — жестко спросил он. — Ведь вопрос идет о долге, который надо выполнить.

Мальчик пристально посмотрел на него, отвел глаза и съежился на своем стуле. После долгого молчания он произнес:

— Как скажешь, отец.

Прошло много часов после того, как О'Малли покинул ферму, чтобы отправиться к себе и подготовиться к экспедиции. А пока на плато лежала долгая ночь. Ракш заметно вырос по величине и по фазе и стоял сейчас низко над морем облаков, а крошечная Сухраб быстро догоняла его. Обе луны пересекали небо навстречу движению солнца. Темноту неба прорезал свет звезд. Их созвездия не так уж отличались от видимых с Терры, если учесть разницу в расстоянии, измеряемую десятками световых лет. И хотя ось Рустама была наклонена немного сильнее земной, но в общем звездное небо выглядело знакомо. О'Малли нашел обе Медведицы, Дракона, а около Волопаса — крошечную тусклую пылинку: солнце Терры. Более сорока лет полета на космическом корабле,

думал он, с человеческим грузом, погруженным в сон в холодильных камерах, вместе с семенами растений, зародышами домашних животных и будущих приемных детей поселенцев, и все это спит в течение четырех десятилетий, пока не придет время быть разбуженным. Но летают ли еще и сейчас эти космические коробки? Возможно, колонизация Рустама была последним усилием, ради которого собрали целый космический флот, доставивший первопоселенцев сюда, усилием, с помощью которого правительство (с их собственного согласия) отделалось от конституционалистов, от этих неслухов и бунтарей, которые все еще бормотали что-то о таких глупостях, как, например, свобода. Ушли ли когда-нибудь эти корабли снова в полет? Радиоволны еще не успели доставить ответы на вопросы, отправленные по лучу много лет назад. А люди, живущие на Рустаме, не имеют пока возможности построить свои корабли, которые могли бы улететь отсюда, да и вряд ли сумеют построить их в ближайшем будущем. А может, и никогда... О'Малли вздрогнул как от холода и прислонился к своему аэрокару.

Роксана — обширный континент, а лететь придется почти из самого его центра к южному

побережью. Для Дэнни время тянулось мучительно медленно. Летели высоко — большей частью высоко: на высоте чуть ниже среднего уровня облачного слоя. Именно поэтому часто возникали турбулентные потоки, машина проваливалась в воздушные ямы, и они теряли из виду картину лежащей внизу суши. Но затем машина выходила из полосы дурной погоды, и снова перед ними возникали виды планеты — чистые и незамутненные. Такие можно было видеть только на Рустаме.

О'Малли сделал несколько попыток завязать со своим компаньоном обычный живой разговор. Дэнни пытался отвечать, но слова не шли с языка. Наконец беседа окончательно увяла. Кабину заполнял лишь рев ракетных двигателей, а иногда в нее врывался вой ветра или канонада грома, разносимые в плотной атмосфере планеты на огромные расстояния.

О'Малли попыхивал трубочкой, иногда насвистывал какой-то незатейливый мотивчик, но всегда оставался настороже, чтобы успеть перехватить в случае нужды управление у автопилота. Дэнни сжался на сиденье рядом с ним. *Ну почему я не захватил с собой хотя бы какую-нибудь книжку!* — повторял про себя мальчик одно

и то же. *Тогда бы мне не пришлось сидеть здесь и таращиться в иллюминатор на то, что лежит там — снаружи.*

— Великолепно, как считаешь? — сказал О'Малли своему спутнику. А Дэнни еле удержался от того, чтобы не выкрикнуть ему прямо в лицо:

— Нет, это ужасно! Неужели вы не понимаете, как это отвратительно!

Небо над ними было перламутрово-серого цвета, и только на востоке пятнышко света говорило о том, что там скоро появится солнце. Внизу громоздились горы — необычайно высокие, особенно в непосредственной близости от мест, заселенных человеком. Их вершины терялись в небе. Потом горы резко снижались, превращаясь в дикий лабиринт утесов, ущелий, каньонов, огромных затопленных туманом долин, расселин, где сталью отсвечивали обнаженные лезвия рек, крутых обрывов, где черные горные породы прорезались белой проволокой водопадов. А впереди лежали предгорные холмы, за которыми еще западнее начинались прерии, тянущиеся до самого круглящегося горизонта. Там бушевали бури, крутилась белая кипень облаков, в которых полыхали и гасли молнии, там свирепствовали безжалостные ливни, гонимые сильными, но

медленными штормами с низин. Краски отличались большим разнообразием — растительность покрывала все, кроме самых каменистых вершин. Но преобладали тона голубовато-зеленые, коричневатые, желтоватые, которые глазам Дэнни представлялись столь же мрачными, как и одноцветная пелена над их головами. Даже всплески крыльев миллионоголовых косяков птиц, трассы которых они пересекали, заставляли его думать только о том, как чужда ему вся эта жизнь, кипящая внизу.

Взгляд О'Малли снова остановился на мальчике.

— Жаль, что тебе все это не по душе, — пробормотал он. — Это ж твоя страна, верно? Ты приспособлен к ней так, как я никогда не смогу приспособиться.

— Не нравится, и все тут, — выдавил из себя Дэнни. — Не будем говорить об этом. Пожалуйста, сэр, не надо.

Если мы станем разговаривать, мне не удастся спрятать от него правду, я задрожу, начну заикаться, не смогу скрыть страх, который сейчас леденит мои ладони и подмышки, который течет у меня из носа; и все вырвется наружу, и он увидит, что я просто трус. О Господи, как я

боюсь! Может, я даже расплачусь, и отец будет краснеть за меня. Отец, мой отец, который пошел за мной в тот низинный ужас и выхватил меня из рук смерти.

Этот страх беспочвен, уговаривал себя Дэнни. Он повторял себе это год за годом, когда сон, или телепередача, или чье-то нечаянное слово переносили его ночью в те же джунгли. Это было как клеймо, которое носишь всю жизнь. Нет, не жара, не влажность, не сумрак. И не голод и жажда (желудок все-таки заставил его есть какие-то фрукты, которые не походили на известные ему ядовитые). И не шорохи, не потрескивания, не стрекотание, не рев и завывания, даже не маниакальное хихиканье. Все это было спасением от оглушающей тишины. И не та зубастая тварь, которая гонялась за ним, и даже не… нет, даже не та гигантская хищная птица, чей разинутый клюв был нацелен на него. Страх заключался в самой бесконечности этих джунглей, через которые он плелся часами, складывавшимися в дни и ночи… особенно в ночи…

Иногда Дэнни казалось, что какая-то часть его так и не вернулась домой, что она навеки обречена скитаться где-то там, плача среди высоких древесных стволов.

Нет,Л ты слишком впечатлителен, бранил его разум еще до того, как он нашел убежище в собственном доме, в своей родной Верхней Америке.

Когда наступал день, небо тут было необыкновенно синим и ясным, оно просто сверкало после ночной темноты с ее звездами и зорями; все было омыто чистыми дождями, а если и приходил оглушительный ливень, то и он был бодрящим. А зимой на землю ложилась белая незапятнанная пелена. Поля пшеницы отливали золотом, когда легкий ветер гладил их, цветочное многоцветье раскрывало чашечки под звонкие птичьи трели. И еще туг были никем не покоренные холмы для восхождения, леса, распахнутые навстречу солнцу. Были реки, чтобы плавать, испытывая тысячи прохладных ласковых прикосновений, или чтобы грести, а потом пустить лодку на волю течения куда глаза глядят, наслаждаясь сладостным покоем. И была ширь озера Олимп — всего в двух часах лета на аэробусе, что было вполне доступно в любое свободное от занятий или от работы в поле время. Дело стоило того — там был шлюп, который они построили вдвоем с Тоширо Хираямой. Были даже опасности, когда налетевший неожиданно шторм чуть не утопил их. Но

даже это было прекрасно — и вызов, брошенный им, и доказательство, что они опытные мореходы и прочно встали на путь, который сделает их мужчинами… хотя, конечно, вряд ли следует рассказывать родителям о том, как близко к краю они подошли…

И всего этого я должен лишиться. Только потому, что у меня не хватило мужества признаться: меня до сих пор терзает страх. Неужели до сих пор? Ведь в последнее время кошмары, которые мне снятся уже много лет, стали не так страшны.

Да и задача, поставленная перед ним, вовсе не обязательно окажется невыполнимой, говорил он себе. Нет, «самом деле, вовсе не обязательно. На этот раз с ним будет рядом сильный и опытный спутник, у них есть радиосвязь с миром людей, будет хорошая еда, одежда и оборудование, а там и быстрое возвращение домой, как только работа будет закончена, обещанная высокая плата за нее и еще более щедрые премиальные. *И все, что мне нужно сделать, — это прожить несколько тяжелых, полных неудобств дней. И ничего больше. Ничего. Господи, да, может быть, такая жизнь поможет мне стряхнуть с себя остатки детских страхов. Но сюда я больше все*

равно никогда не вернусь.

Он поудобнее устроился в своем кресле, подтянул ремни безопасности и постарался расслабиться.

Их машина — большой грузовой самолет — почти полностью загромоздила лужайку, на которую они сели. Высокие, с листьями, похожими на вайи папоротников, голубовато-зеленые стебли — растения из того многочисленного и плохо изученного семейства, которое невежественные колонисты нарекли просто „травой“, — почти полностью скрыли колеса и даже большую часть поплавков. Стеной стояли деревья, окружая лужайку со всех сторон. В большинстве это были так называемые „золотые деревья“ с рыже-красной корой, но кое-где виднелись тонкие, с перистой листвой мыльные деревья, мрачные псевдососны — приземистые колючие гномики. Меж древесными стволами переплетение кустов и лиан образовывало сплошную массу — оно было похоже на толпу, ожидающую немедленной атаки. Несколько метров вглубь, и в лесном сумраке многие миллиарды листьев сольются в сплошной зеленый фон, на котором не увидишь хоть сколько-нибудь различимые тени. Какие-то инсектоиды яркими вспышками пронзают

вечный сумрак. Где-то вверху хлопают крылья — что-то огромное бьется в этой непереносимо давящей атмосфере. Жизнь здесь отличается от той, что существует в Верхней Америке, вернее, она не имеет с ней ничего общего. Там и тут среда обитания слишком различна.

В воздухе не ощущается никакого движения, он был жарок и тяжел. Полно запахов — отвратительных, сладких, резких, горьких, а главное — ничем не похожих на запахи дома. Звуки необычайно громки — щебет, шелест, жужжание, шорохи, журчание воды, шаги, — и на этом фоне первые неожиданные звуки человеческой речи.

Дэнни делает вдох, другой. Жилы на шее напрягаются, но он все же заставляет себя оглянуться. *Каким бы страшным ни выглядел этот куст, но он не прыгнет на меня и не укусит. Надо почаще напоминать себе об этом.* Немного помогало и то, что они постепенно повышали давление в кабине, прежде чем решились выйти наружу: у Дэнни была возможность дать своим легким и кровеносным сосудам привыкнуть к новым ощущениям.

Джеку О'Малли подобный переход ничего не давал. Такую концентрацию газов он мог выдерживать лишь короткое время, если это было

жизненно необходимо, без особых последствий, если не считать жестоких головных болей. Но если он будет вдыхать этот воздух слишком долго, то отравится углекислым газом, азотный наркоз нарушит работу его мозга, а слишком высокое содержание кислорода начнет медленно сжигать его ткани. Поэтому его герметически закрытый комбинезон был снабжен гласситовым шлемом с редукционным насосом, с крайне неудобной трубкой для пбдачи воды и специальным клапаном для подачи пищи, а также с особым прибором для предотвращения образования внутри шлема тумана из пота, уже сейчас выступившего у него на лице.

И все же почти все его годы, проведенные на Рустаме, были отданы исследованию Низин, думал Дэнни. *Что могло заставить этого человека так бессмысленно растрачивать свою жизнь?*

— О'кей, давай-ка разгружать наше барахлишко, а потом и по коням! — Голос О'Малли гулко ухал из динамика, пробиваясь сквозь помехи. — Даже в самом лучшем случае мы не доберемся до Чгеста назначения до темноты.

— Не доберемся? — удивился Дэнни. — Но вы же сказали, что это всего около пятидесяти километров, да еще по хорошо утоптанной звериной

тропе. И к тому же у нас остается еще почти двадцать часов дневного времени. Даже с остановками для сна никаких проблем не должно возникнуть.

На губах О'Малли промелькнула легкая усмешка.

— Для тебя, вероятно, дело обстоит именно так. Но я-то уже не молод. А еще хуже вон та штука, что у меня на голове и на плечах Этот насос приводится в действие расширением моей грудной клетки при дыхании, как тебе известно. Но ты не знаешь, сколько сил отнимает этот процесс, ты же у нас счастливчик, тебе не приходится таскать на себе такую штуковину.

Счастливчик!

— Однако, — продолжал О'Малли, — мы можем идти и после захода солнца, так что мне думается, мы доберемся до места, имея немалый запас времени, чтобы провести подготовительные работы, которые должны быть выполнены до наступления дня.

Дэнни кивнул. Иногда он удивлялся, почему это люди не попытаются адаптироваться к медленному вращению Рустама вокруг своей оси. Что бы там ни говорили медики, он был уверен, что можно приучить свой организм проводить сорок

часов без сна, а затем спать двадцать подряд. Не являются ли мощные электрические фонари единственной причиной того, что подобная попытка никогда не была сделана?

— А когда придет восход, мы начнем строить фургон, с помощью которого доставим сюда то, что нам удастся спасти от крушения.

— Если это у нас получится, — пробурчал себе под нос Дэнни.

Он не хотел быть услышанным, но вышло иначе. Будь она неладна, эта плотная атмосфера! О'Малли насупился, сразу было видно, что недоволен.

Потом более пожилой путешественник пожал плечами.

— Вполне возможно, что нам придется отказаться от самых тяжелых вещей, например от мотора, — сдался он. — Может, даже просто от всех крупных — от объемистых приборов, например, если моя идея насчет фургона не сработает. Но как минимум мы обязательно должны вывезти отсюда ленты с записями приборов. Хм… Что такое?

Дэнни вдруг прижался к металлу поплавка.

— Н-н-ничего, — выдохнул он, стараясь подавить рвущийся из горла визг. Только вот дрожи,

сотрясавшей его тело, он подавить не мог.

Над лужайкой кружилась птица-меч. Не тот горный хищник, а его колоссальный кузен — крылья восемь метров в размахе, обладающий силой, достаточной, чтобы поднять в воздух мальчугана, а потом и растерзать его.

Ветви нависали над тропой. Ничто не летало под этим высоким-высоким пологом — бронзовым, янтарным, бирюзовым, — если не считать множества мелких летунов, вспыхивающих, как живые радуги. А когда стайка тарзанов проскочила мимо, прыгая с ветки на ветку, болтая и корча смешные рожи, Дэнни вдруг обнаружил, что хохочет вместе с О'Малли. Удивительной казалась открытость леса. Джунгли — слово, мало подходящее для него. Роксана лежит не в тропической зоне, и сколько бы энергии ни получал Рустам от своего солнца, Ардаширский берег охлаждается морскими ветрами. Погода туг не жаркая, а скорее теплая, а еще лучше сказать — теплая и сухая. Кустарник густо разрастался лишь на открытых пространствах, получавших много света. А меж стволами деревьев попадались лишь отдельные небольшие кустики. Почву устилал мягкий гумус, обладавший резким специфическим запахом.

Нет, этот лес не был мрачным. Подобная харак-

теристика могла появиться лишь по контрасту с открытым пространством. Зрачки человеческих глаз туг расширялись, и они улавливали что-то вроде мягкого сияния, которое позволяло различать множество тонов и оттенков листвы, хотя они тут же таяли в таинственном кафедральном сумраке.

Кафедральный? Дэнни видел рисунки и фотографии, он читал описания соборов на Земле. Он всегда думал об огромных соборах как о чем-то замкнутом, давящем. Если так оно и есть, то такое слово не слишком подходит к этим лесам, которые гудели, пели, журчали — то ли от ветра, то ли от топота лап, взмахов крыльев, бега быстрых ручьев, чьих-то призывов и песен. Так где же та мрачная жестокость, которая запомнилась ему?

Может быть, все дело в том, что теперь он не один, что он не потерялся? У него был и надежный друг, и пистолет на боку. А может, его страх не так уж и крепко укоренился в нем? Может быть, то, чего он так боялся, не было чем-то вещественным, а всего лишь воспоминаниями и снами, годами преследовавшими того ребенка, которого уже давно не существует?

Тропа была удобная, широкая, утоптанная почти до твердости мостовой. Дэнни не ощущал

тяжести груза за спиной. Ноги шли сами собой, они едва касались поверхности тропы, пока наконец он не остановился, поджидая задыхающегося О'Малли, который все время отставал от него.

Более высокое содержание кислорода, ясное дело. И аппетит начинал разыгрываться — до чего же вкусным покажется обед! Что отличало его от шефа — помимо возраста — так это то, что дышать здешним воздухом не было для того совершенно естественной вещью. Дэнни, конечно, никакой не мутант — ничего подобного. Будь это так, он не смог бы вынести жизни на плоскогорье. Но благодаря своим генам он оказался на самом конце кривой распределения некоторых биохимических показателей.

Я не обязан любить эту страну, твердил Дэнни про себя. Просто, как любила говорить мама, всегда следует дать оппоненту возможность дважды повторить свои доводы.

Когда они остановились на ночлег, Дэнни даже не захотелось, как О'Малли, сразу же после еды уснуть глубоким сном. Он долго лежал в своем спальном мешке без сна, смотрел, принюхивался, прислушивался. Они остановились чуть в стороне от тропы, но так, чтобы не терять ее из виду. Это решение оказалось верным, ибо стадо тех,

кто проложил тропу, прошло мимо них.

Дэнни схватился за ружье. Он хотел позаботиться о провизии — мясо диких животных годилось в пищу. Жизнь на Рустаме не имела ряда питательных веществ, нужных человеку, а питательные таблетки, дополняющие диету, весили гораздо меньше, чем сухие или мгновенно замороженные продукты.

Однако он тут же опустил оружие, так и не выстрелив. Если бы он убил одного из этих животных, то смог бы воспользоваться лишь ничтожной частью туши. А уничтожать зря эту гордую красоту с раскидистыми рогами было бы непростительным грехом.

А потом Дэнни заснул. И вновь оказался в могильном молчании бесконечных древесных стволов, где в непомерной высоте кружила птица-меч. Он проснулся и удержал рвущийся из горла вопль. И хотя ему удалось подавить страх, но до самого конца их путешествия к месту крушения его сопровождали жуткие воспоминания.

Последние несколько километров они шли очень медленно. И не только потому, что компас, детектор металла и светящиеся зарубки на стволах, сделанные О'Малли после крушения, увели их с проторенной тропы, но и потому, что отдель-

ные участки леса были более разреженными и кустарник в них разрастался особенно пышно. Такие участки не были достаточно велики и удобны для безопасной посадки. О'Малли показал Дэнни, как надо работать мачете, которые они захватили с собой. И мальчик извлекал из этой работы какое-то жестокое наслаждение: *Л ну-ка получай, черт бы тебя побрал*! Когда наконец они достигли цели, Дэнни еле стоял на ногах; зато на этот раз ничто не нарушало его сон.

Позже они проанализировали ситуацию. Изящный каркас аэрокара лежал скрученный и раздавленный меж массивных древесных стволов. Лучи фонарей выхватили из темноты оторванное крыло, застрявшее среди сучьев высоко вверху. Они обратили внимание на мощную аритмичную пульсацию, которая прорывалась сюда сквозь дурманящую жару. Она шла с юга, где поверхность почвы постепенно понижалась на протяжении четырех-пяти километров, образуя как бы пандус, ведущий к берегу моря.

Дэнни изучил аэрофотоснимки, сделанные спасательной экспедицией. В своем взвинченном состоянии он раньше не уделял им особого внимания. Теперь же он спросил у О'Малли:

— Сэр… э-э… а почему вы пошли в глубь кон-

тинента… вы и мистер Херцкович? Почему не к берегу, к пляжам, где вас могли бы подобрать спасатели?

— Здесь нет пляжей, — объяснил О'Малли. — Я знаю — ходил до самой границы огромного соленого болота, затопляемого во время самых высоких приливов. В остальное время это просто жидкая трясина. Колеса или понтоны наверняка, черт бы их побрал, завязнут в этом дерьме. А если ждать прилива, то оказывается, что в это время воды, особенно у рифов, закрывающих выход из залива, бурные и опасные, так что ни один пилот не захочет рисковать своей машиной, не говоря уж о собственной шкуре.

— Понятно, — сказал Дэнни, немного подумав. — А с раненым мистером Херцковичем вы, конечно, не могли бы доплыть туда, где бы вас можно было подобрать без риска. Но разве мы не могли бы доставить наш груз до спокойных открытых вод? Вы и я?

— Когда придет рассвет, можешь сходить туда сам. Потом расскажешь мне.

Дэнни пришлось вести себя к берегу чуть ли не за шиворот. Опять он один в дебрях! О'Малли все еще спал, а когда проснется, то тут же захочет начать работать. Сейчас у него единственный

шанс разведать более легкий путь, чтобы покончить с этой проклятой работой. Он крепко сжал зубы и кулаки и зашагал вперед сквозь туманную предрассветную дымку.

На берегу он обнаружил, что все, о чем говорил ему О'Малли, вполне соответствует действительности. Из двух лун только Ракш создавал существенные приливо-отливные течения, но они могли иногда в несколько раз превышать по высоте волны, поднимающиеся на глубоководных пространствах океанов Терры. (Терры, такой знакомой по историческим книгам, картам и легендам, но которая выглядит крошечной звездочкой в небе, а иногда и вообще кажется несуществующей.) Притяжение солнца тут тоже незначительное.

С вершины дерева Дэнни обозрел сверкающий покров жидкой грязи. За ней отливали оружейной сталью волны океана, покрытые белыми гребнями пены и бешено крутящиеся. В водяной пыли и громовых раскатах вздымались черные скалы. Мутный рассвет все же позволял разобрать сложный рисунок течений и противотечений, стоячую зыбь и жуткие водовороты, в глубине которых прятались зубчатые скалы, сейчас уже наполовину скрытые начинающимся приливом.

Дальше бухта расширялась, переходя в круговерть белых валов, а еще дальше лежала гряда шхер, вокруг которых волны прыгали в приступах вечной ярости. И только дальше сверкал куда более спокойный залив Ардашир.

Без сомнения, при отливе волнение в проходе будет менее сильным, чем сейчас, но гарантии безопасности — никакой. Конечно, двое мужчин не могут надежно управлять довольно большим и тяжело нагруженным плотом или паромом в этом водяном хаосе. А тратить топливо и жертвовать интересами грузоотправителей, чтобы привести сюда моторку или даже лодку с подвесным мотором, тоже вряд ли кто захочет. Потенциальная цена груза, который они надеются спасти, вряд ли достаточно велика, чтобы рисковать столь высоко ценимыми на Рустаме машинами.

Не было смысла и в проведении рекогносцировки в других местах побережья. Фотоснимки показывали, что и к востоку, и к западу отсюда километр за километром береговая линия становилась еще менее доступной — скалы, утесы, обрывы, мели, где дикие силы этой атмосферы разрушали берега, круша и выбывая горную породу.

И над всем этим нависало бесцветное небо, на котором смутным пятном светлело солнце планеты; лишь там, где верхний слой облаков ненадолго разошелся, проступала такая яркая голубизна, что тоска по дому взяла Дэнни за глотку.

Он вернулся в лагерь. После того как он отдохнул немного, эта страна уже не казалась ему каким-то обиталищем демонов. Но, Боже, как хотелось ему бежать отсюда!

О'Малли встал, подвесил над огнем котелок с чаем и отправился получше поглядеть на груду обломков аэрокара.

— Удовлетворен?в— спросил он. — О'кей, займись-ка теперь завтраком. Понравился видик?

— Жуть, — пробурчал Дэнни.

— Да ну? А я-то считал его весьма внушительным и даже по-своему прекрасным. Впрочем, должен признаться, на нервишки он действует так, что хочется почесать в затылке даже под шлемом. Боюсь, нам удастся сделать меньше, чем мы думали.

Сердце Дэнни затрепетало при мысли, что они просто могут сделать несколько ходок между местом крушения и аэробусом, захватывая каждый раз только ленты самописцев и не особенно

тяжелые приборы. От этих радостных мыслей его оторвал голос О'Малли:

— В лучшем случае это будет медленная работа, особенно если учесть, что мои возможности очень ограничены. Нам вряд ли удастся быстро завершить постройку фургончика. Погляди только, какую строительную площадку нам придется подготовить, прежде чем мы начнем плотничать. — У них были с собой легкие колеса и тормоза, а также инструменты, чтобы соорудить корпус фургона из местных материалов и изуродованных металлических листов. — Потом начнется тоже очень тяжелая работа — прокладка просеки до звериной тропы, и эта просека будет длиннее, чем мне думалось после крушения. Да и подъем вверх по холму оказался круче. Нам придется затратить несколько дней только на то, чтобы втащить нашу добычу на этот холм.

— А как вы думаете, что можно будет сложить в наш фургон?

— Возможно, толвко научные материалы. Черт побери! Я ведь и в самом деле надеялся, что нам удастся вырезать реактивные сопла и турбину и с помощью лебедки втащить их в фургон. И то и другое в весьма приличном состоянии.

Дэнни удивился:

— А почему мы не взяли больше людей? Или хотя бы маленький трактор или даже упряжку мулов?

— Колледж не может оплатить такие расходы, особенно сейчас — во время посевной. Кроме того, аренда большого аэробуса стоила бы дороже, чем весь груз разбившегося кара. Знаешь, у нас ведь повсюду не хватает и того и этого, а спрос на то и это все время растет. То, что лежит здесь, — это безусловно ценность, это так, но не такая, чтобы оправдать подобные расходы. — О'Малли помолчал. — Во всяком случае, я сомневаюсь, что владелец большого аэробуса решился бы рискнуть им за подобную цену.

— А нами, значит, можно рискнуть, — пробурчал себе под нос Дэнни. *Я не боюсь*, внушал он себе. *Совсем не боюсь*. Однако… ведь вся выгода, которую они получат, не стоит ничего в сравнении с шансом погибнуть в этом аду.

О'Малли услышал его шепот и неожиданно расхохотался:

— Это уж точно! Ты да я — все, чем общество может рискнуть при таких ставках. Что ж, Бог никогда не гарантировал человеку выдачи бесплатных пирожных.

А отец всегда говорит, что труженик должен

получать достойную плату, вспомнил Дэнни. *Как он говорит, труженик должен существовать.*

А дни шли. Работа была тяжелая — с мачете и с топором, рубка, сварка, возня со сверлом, молотком, клещами, пилой и множеством инструментов, которые мальчику были неизвестны. Тем не менее все это ему было интересно, и он увлекся. О'Малли был отличным учителем. Больше того, сам факт, что дело шло, что они приближались к победе, хотя бы даже и не совсем полной, над Низинами, вызывал подъем душевных сил, содействовал выздоров лению.

Дэнни не понравилось, когда ему пришлось заниматься расчисткой дороги, а О'Малли отправился добывать мясо. Он смолчал, но О'Малли прочел его мысли по недовольному выражению лица:

— Охота в здешних местах совсем не похожа на охоту в Верхней Америке. Виды животных тут совсем другие, да и вся экология тоже. А ведь мы не хотим торчать в лесах лишнее время, верно?

— Нет, — сказал Дэнни, хотя это потребовало от него кое-каких усилий.

Но босс, без сомнения, был прав. Разве нет? Чем более эффективно они организовывали работу,

тем скорее должны были оказаться дома. Но дело в том… Словом, охота куда интереснее. *Все что угодно интереснее этого тяжелого физического труда.* Руби, обрубай ветви кустарника — вон он стоит на пути — и в дождь, и в туман, круши, пока не изойдешь потом, пока колени не подогнутся, пока каждая мышца не завоет от своей — особенной — боли. Трудно поверить, что все это требует куда меньше усилий, нежели просто расчистка посадочной полосы для грузового аэробуса. И все же это так. Площадку, на которую можно совершить посадку в таком густом лесу, можно построить только при наличии большого количества тяжелой Техники, ну хотя бы бульдозера. От дороги же требуется одно — она должна быть проходима. Пусть себе вьется между стволами деревьев, пней, валунов, пусть обходит серьезные препятствия. Только если это означало большой выигрыш в завтрашней работе, Дэнни разрешал себе удовольствие — подорвать препятствие с помощью заряда фульгурита.

Вернувшийся с охоты О'Малли был обрадован тем, как много Дэнни успел сделать.

— Я никогда не смог бы продвинуться за такое время так далеко! — воскликнул он. — Наверняка ты и сам не смог бы сделать столько в более

разреженной атмосфере.

Он подсчитал, что еще через два дня и две ночи, или через два километра, дорога соединится со звериной тропой. А там уж останется только одно — медленно и с тяжкими усилиями толкать фургон через лес к аэробусу.

Во время полдника О'Малли вызвал свое начальство в Анкере. Компьютер далекого аэробуса был запрограммирован на то, чтобы усиливать и ретранслировать сигналы, полученные от маленького передатчика О'Малли. Атмосферные условия были очень плохие, использовать частотную модуляцию на таких расстояниях было трудно. Но те слова, которые прорвались через визг, жужжание и писк атмосферных разрядов, походили на прикосновение дружеской руки. *Как бы тяжело ни было на Рустаме,* подумал Дэнни, *но он — Наш край*. Его самого удивила, как он додумался до таких слов.

Коща Дэнни и его начальник проснулись от послеобеденного сна, пошел дождь, тот характерный для Низин дождь, который не давал иного выбора, как сидеть под тентом палатки, слушать ре» водяных потоков, грызть неразогретый рацион и разговаривать. О'Малли обладал бесконечным запасом всяческих побасенок о годах

своих скитаний, которые не просто повествовали о делах и чудесных спасениях, но превращались в своеобразные пьесы, в странные и необычайные трагедии, бесконечно увлекательные или трогательные. В первый раз Дэнни понял, сколько он потерял, чуть ли не умышленно уклоняясь от того, чтобы получить знания о планете, которая была его планетой.

Ливень окончился только к вечеру, и они смогли выйти из своего убежища. Дэнни чуть не задохнулся от восхищения. Казалось, он дышит густым прохладно-упоительным ароматом цветов, расцветших в одно мгновение. Весь лес сверкал дождевой капелью, которая с шумом падала на мокрую траву и дробилась в последних лучах заходящего солнца в мелкую алмазную пыль. Небо прояснилось, оно было почти чистым, маняще высоким, если не считать нескольких облачных громад, похожих на снежные горы, отражающих золотистый закатный свет большого солнца. В этом освещении листва уже не казалась тусклой, она горела пламенем и светилась. На вершинах деревьев веселилась всякая животная мелочь.

О'Малли взглянул на лицо мальчика, хотел было что-то сказать, но передумал и деловито

произнес:

— Пожалуй, схожу проверю приборы…

Приборы все еще оставались под грудой металлического лома и, хотя они были упакованы в ящики, могли сильно промокнуть из-за множества дыр в фюзеляже.

О'Малли взобрался на нечто похожее на стремянку, которую сам же соорудил из нескольких тонких стволов с обрубленными ветками, прислонив ее к двери фюзеляжа, зиявшей на уровне нижних ветвей деревьев. Во всем дальнейшем виновата была скользкая листва. Позже, правда, Дэнни решил, что ливень не только сделал все скользким, но давлением косо падавших струй сдвинул вещи с их привычных мест. Он услышал крик, увидел, как гнется и падает лестница и как О'Малли всем своим весом, на четверть большим по сравнению с земным, рушится вниз.

Ночь длилась. Верхний слой облаков еще не занял свое обычное место, звезды и маленькая Сухраб сверкали в вышине, хотя далеко не так ярко, как это бывало в Верхней Америке; зато тем более недоступными и непознаваемыми они казались. В палатке было жарко и душно, О'Малли тщетно мечтал о ветерке, который освежил бы его мокрую от пота грудь. Поэтому он устроился в

своем спальнике снаружи, подложив под голову и спину рюкзак. Свет пары фонарей падал на его лицо, одновременно высвечивая листья, стволы, блеск металла; дальше лучи поглощались ненасытной глоткой глухо квакающей темноты.

— Ладно. — В его голосе все еще слышалась дрожь, хотя былая сила уже возвращалась к нему. — Дай мне отдохнуть до рассвета, и я смогу отправиться к аэробусу пешком. — Он опустил взгляд к левой руке, положенной в лубки, забинтованной и висящей на перевязи. Все-таки счастье не совсем покинуло его — перелом был чистый и оказался единственным серьезным результатом падения. Все остальное — синяки, ушибы, шок от удара о землю. Дэнни неплохо освоил приемы первой помощи, что являлось обязательной частью образовательного минимума на Рустаме. Хирургические инструменты и лекарства входили в обязательный набор вещей путешественников.

— Вы уверены? — Мальчуган даже испугался. — Если мы вызовем помощь… парочку санитаров с носилками…

— Ни в коем случае, говорю я тебе! Их помощь может потребоваться в других местах. Филу Херцковичу было куда хуже, чем мне, когда он

шел с переломанными ребрами. — Гордость и не вполне спокойная совесть делали тон О'Малли особенно напряженным. — Хватит и того, что мы провалили свое задание.

— А разве мы его провалили? Я вернусь сюда с кем-нибудь другим и докончу начатое.

— Извини... — Мужчина сжал зубы, но далеко не только от боли. — Я не имел в виду тебя, сынок. Это я провалил дело. — Он отвернулся. — Помоги мне лечь, ладно? Попробую поспать немного.

— Конечно. — Дэнни подбежал, чтобы Тпомочь своему напарнику. — Хм-м... извините, сэр, а что мне делать пока? Я могу продолжать прокладывать дорогу?

— Если хочешь. Делай все что вздумается. — О'Малли закрыл глаза.

Дэнни встал. Он бросил долгий взгляд на заросшее щетиной бледное измученное лицо. Прежде О'Малли мог на короткое время снимать шлем, чтобы помыться, побриться и причесаться. Но сейчас Дэнни не считал возможным заставлять и без того больного человека делать такие усилия. Высохший уже пот серебристыми ручейками лежал в глубине морщин, проложенных болью. Было страшно смотреть на этого большого, сильного и доброго человека, потерпевшего со-

крушительное поражение.

Спал ли он или просто скрывал свой позор под покровом сна?

А что, собственно, позорного в невезении?

Пробираясь по жидкой грязи, Дэнни размышлял, пытаясь понять, в чем тут, собственно, дело. Джек О'Малли — легендарный первопроходец — что-то неверно рассчитал и угробил аэрокар. Он мог бы поправить дело — ведь такое может с каждым случиться, не так ли? — организовав экспедицию, чтобы спасти большую часть особо ценного груза. Но оказалось, что, во-первых, мотор вызволить нельзя, а он, как известно, сердце машины. А затем, может быть, потому, что он стал слишком беззаботен, О'Малли упал и сломал себе… *Ну хорошо. Его гордость, его тщеславие пострадали.*

Но почему он переживает так сильно? Он же не мелочный. Что из того, что кто-то другой закончит его проект? Конечно, дело тут даже не в денежной премии, полагающейся за спасенный груз. О'Малли — достаточно состоятельный человек. Нет, тут должна быть какая-то другая, очень важная причина. Но в чем она?

Дэнни огляделся вокруг, посмотрел на звезды, злорадно подмигивающие ему — это поднима-

лись пары с вод океана и влажной почвы, — а потом и на темноту, подстерегающую его. Деревья были еле различимы, они походили на затаившихся громадных троллей. Они бормотали угрозы, уносимые вдаль вместе с тихим, но отчетливым свистом ветра, и здоровенными лапищами-ветвями хватали воздух. Страх и одиночество снова навалились на него, невзирая на прошедшие с тех пор годы.

Но я могу побороть это! — бросил он почти что вслух. *Именно это я делаю сейчас!*

Застонал О'Малли. Затрепетали ресницы, а потом снова крепко сомкнулись. Он положил здоровую руку на шлем, будто старался отгородиться от ночи, отпихнуть ее.

Понимание пришло к Дэнни как удар в челюсть. *Он тоже боится! Он боится этой чужестранности, таящей в себе вечную угрозу. Он боится еще сильнее, чем боялся я. Он одержал победу над собой, одержал очень давно. Но одна жалкая глупая неудача может развязать тот туго завязанный узел внутри О'Малли. Неужели Джек О'Малли так же одинок и беззащитен, как любой напуганный мальчуган?*

Дэнни погрозил лесу кулаком. *Ты не победишь его! Я не допущу этого!*

Но уже минутой позже он понял, что ведет себя как герой мелодрамы. Его уши запылали. И все же, будь оно все проклято, должен же тут быть какой-то выход! Фургон построен. Несколько оставшихся километров кустарника могут быть расчищены за считанные часы. Но у О'Малли нет сил, он не сможет помочь ему толкать фургон вверх по склону.

Делай что хочешь, сказал ему этот раздавленный несчастьем человек, у которого гордость была уязвлена куда больше, чем кости.

Вверх по склону?

Дэнни заорал как полоумный.

О'Малли зашевелился, открыл глаза и потянулся за пистолетом:

— В чем дело?

— Пустяки, — заторопился Дэнни. — Ничего серьезного, сэр. Спите спокойно. *Ничего? Или — все?*

Строить дорогу между лагерем и морским побережьем было делом куда более простым, чем в глубь материка. Мало того, что земля тут была поката в нужном направлении, но еще и высокое содержание соли в почве делало ту менее плодородной. Кустарник обычно рос на болотистых участках, где колеса, не будь его тут,

почти наверняка застревали бы. При ярком свете фонаря, укрепленного на плече, Дэнни закончил строительство тропы ко времени, когда пора было ложиться спать.

— Ты прямо какая-то пчелка-хлопотунья, а? — сказал ему О'Малли, когда Дэнни забежал на минутку в лагерь, чтобы поглядеть на него. — Чем это ты занят?

— Работаю, сэр, — ответил Дэнни правдиво с формальной точки зрения и весьма уклончиво по существу. О'Малли снова погрузился в дрему, частично естественную, частично вызванную лекарствами; она помогала телу О'Малли поскорее приступить к самоизлечению.

Позже Дэнни оттащил к берегу фургончик. Тот передвигался легко, хотя время от времени и приходилось приводить в действие тормоза. Освобожденный от груза фургон был достаточно легок, чтобы мальчик мог притащить его и обратно. Но теперь — Дэнни улыбнулся — ему потребуется большая грузоподъемность, особенно если груз будет тяжелее, чем они предполагали раньше. С помощью своих электрических инструментов Дэнни быстро нарастил шпангоуты, подстраховал их с помощью металлического листа, вырезанного ацетиленом из обломков

аэрокара. Соорудить парусное вооружение будет потруднее, но… что ж, придется порезать мешки и палатку.

Работал Дэнни в дальнем конце лагеря, вдали от глаз больного. К утру О'Малли почувствовал себя гораздо лучше и потребовал отчета о том, что происходит. Когда Дэнни рассказал ему о своей идее, он воскликнул — Ни в коем случае! У тебя что — крыша поехала?

— Мы можем сделать попытку, сэр, — умолял мальчик. — Послушайте, я сделаю несколько пробных ездок порожняком, чтобы поглядеть, что получается, освоить дорогу, внести необходимые изменения в конструкцию; все это мы сделаем до того, как начнем погрузку. А вы, вы сможете и одной рукой управлять аэробусом, верно ведь? Так что нам терять?

— Твою жизнь, дурачок, а может, и больше…

— Сэр, я опытный мореход, и…

Без особого стыда Дэнни воспользовался своим цветущим здоровьем для того, чтобы одержать победу над ослабленным болью О'Малли.

Подготовка заняла еще двое суток. Часть этого времени ушла на охотничий поход Дэнни. Он нашел, что советы О'Малли касательно охоты полезны, дичи много и она совсем непугана. Хотя

идея убивать животных не привлекала Дэнни, но она и не ложилась на его совесть тяжким бременем. А сами походы были отличным отдыхом; потом стали и развлечением.

Однажды гигацтская птица-меч пролетела на расстоянии выстрела из его ружья. Он поймал это животное в оптический прицел и следил за ним, пока оно не улетело. И только тогда понял, что не убил его потому, что в этом не было нужды. Какое величественное создание!

О'Малли хозяйничал в лагере, хотя и не очень ловко. Иногда необходимость заглушить боль в руке заставляла его прибегать к болеутоляющим лекарствам. С вернувшейся к нему лихостью он категорически отказался вернуться в Верхнюю Америку, чтобы получить нужное лечение, как отказался и от разговоров с доктором по радио.

— Я отлично поправляюсь. Ты меня первоклассно подлечил. Даже если окажется, что мое крылышко работает не так, как надо, они его быстро подправят в больнице. А пока, если я сейчас сообщу им об этом, какой-нибудь идиот-бюрократ наверняка навалится на нас. И если он не отправит нас в обязательном порядке домой, то бросит к нам на помощь все свои наличные резервы, а потом потребует доли в наших преми-

альных — в твоих деньгах!

— Но вы действительно способны выдержать все это, сэр?

— Да. Я, без сомнения, такой же псих, как и ты. Нет, куда более психованый, так как в мои годы мне полагалось бы быть умнее… Но мы с тобой схватим эту страну за рога… Слушай, меня же не даром зовут Джеком![2]

Нагруженный всем, включая мотор, фургон двигался куда медленнее, чем во время пробных ездок. Затем уклон местности увеличился, тормоза стали дымиться, и Дэнни даже испугался, что экипаж выйдет из-под контроля, покатится под откос и разобьется. И все же он довел фургон до черты наивысшего прилива. После этого Дэнни оставалось лишь ждать, пока О'Малли вернется к аэробусу, неся на себе ленты самописцев, которыми рисковать было нельзя. Дэнни прошел бы этот путь быстрее, но босс сказал, что лучше, если тот получше изучит местные воды и их характер.

Дэнни к тому же получил шанс изучить и местную растительность, и животных, и ароматы, и ветры, и родники этой волшебной лесной страны.

---

[2] Примечания: 2

Имя Джек в английском языке имеет еще значение «ловкач».

Гребни волн прилива проникали все дальше и дальше в глубь суши, достигая уже того места, куда докатились колеса фургона. Дэнни вдруг ощутил, как тот качнулся, и понял — фургон на воде. Он сказал в свой маленький переносной передатчик:

— Я на плаву!

— Тогда — вперед! — Голос О'Малли звучал как туго натянутая струна.

Вряд ли можно сказать, что у Дэнни в этот момент сердце не было готово выскочить из груди от возбуждения. Он вдруг вспомнил слова своего товарища: «Ты еще слишком молод, чтобы понимать: ты можешь потерпеть неудачу, ты можешь погибнуть», однако значение этих слов воспринималось им как абстракция, далекая от реальности. А реальность — вот она — в эту минуту поднимала парус, вкладывала в руки Дэнни румпель и шкот, помогала поймать бриз и направляла «судно» к проходу в залив.

Оказалось, что, несмотря на многочисленные усовершенствования, несмотря на репетиции, это плавсредство, переделанное из фургона, было весьма утлым и неуклюжим. Впрочем, иначе и быть не могло. Дэнни слишком хорошо разбирался в парусных судах, чтобы представить

себе такую возможность — он спускает в воды озера Олимп нечто, сляпанное кое-как из совершенно неподходящих материалов. Парусное вооружение было сплошным издевательством над аэродинамикой, корпус — непрочный, плохо сбалансированный и перегруженный; вместо настоящего киля просто шверцы. Ко всему этому добавлялось еще сопротивление, которое оказывали торчащие колеса.

Но туг вам не Верхняя Америка. И человек, который автоматически решал, что здешние воды слишком опасны для аэрокара и моторки, не мог, разумеется, и предположить, что сундук под парусом, построенный без помощи техники, может обладать качествами, соответствующими местным условиям, отличным от условий на плоскогорьях.

Здесь воздушные массы перемещаются медленно, хотя и обладают большой силой инерции, так что им трудно прийти в быстрое движение, образуя шквалы или ветры, дующие порывами. Здесь прилив, достигнув наибольшей высоты, поднимает корпус плоскодонки и проносит ее над рифами и мелями, за исключением тех, что торчат над водой. А при нынешнем периоде обращения Ракша вокруг Рустама спад воды будет

происходить медленно и постепенно. Устойчивость водных и воздушных течений как раз и была тем, что нужно.

Конечно, опасностей хватало! Хоть стихийные силы, контролирующие движение, и помогали Дэнни, было необходимо и умение, чтобы провести лодку мимо рифов, не дать ей попасть в мертвую зыбь, обойти те опасные участки, о которых его предупредит парящий в высоте напарник.

Небо было не свинцовое, оно светилось серебром. Маленькие случайные облака, поймав свет полускрытого солнца, вспыхивали блеском стали с фиолетовым отливом внизу. Суша, остававшаяся за кормой, поражала многоцветным праздником жизни. Над лесом кружилось невероятное множество птиц, звучали клики перелетных стай, вспугнутых барабанным грохотом прибоя на рифах. Дул ветер, насыщенный запахом соли и ощущением мощи. Он то посвистывал, то баюкал, то, как бы резвясь, целовал вашу кожу. И плавание превращалось в веселый танец со всем миром в качестве партнера.

А вот и рифовый барьер. Накаты волн ослепительно сверкали белой пеной. Рев прибоя сотрясал тело до мозга костей.

— Бери вправо! — вопил голос О'Малли из динамика. — Ты собьешься с фарватера, бери вправо!

Правый галс! Дэнни усмехнулся и положил руль к ветру. Он и сам отлично видел фарватер впереди — чистый и зовущий. Хорошо иметь в воздухе впередсмотрящего, но в этих местах в нем не было такой уж необходимости. И в этих местах хозяин он — Дэнни!

Он прошел полосу рифов и оказался в заливе Ардашир. Отсюда дорога вела в океан Урании, а далее — в открытый мир. Волнение было не очень сильным. Судно переваливалось с одной волны на другую. Его движения повторял и аэробус, который О'Малли посадил на воду на поплавках. Теперь им предстоял один из самых сложных этапов их операции — лечь в дрейф бок о бок и заняться перегрузкой. Дэнни подал условленный сигнал.

Когда оба «судна» были соединены, О'Малли высунулся из своего грузового отсека и восторженно прокричал:

— Мы добились своего! — И тут же с не меньшей радостью поправился: — Извини! Ты сделал это!

— Мы оба сделали это, Джек! — ответил Дэнни. — А теперь, давай, я сначала передам тебе приборы. Знаешь, нам чертовски трудно придет-

ся с мотором. Можем и потерять его.

— Ничего, перебьемся. Если цепи крепки, эта лебедка потянет и втрое большую тяжесть. Но, разумеется, сначала займемся наукой, она полегче.

Дэнни уперся ногами в ограждение и начал передавать ящики. О'Малли принимать их было жутко неудобно. Тем не менее перегрузку кончили благополучно. О'Малли крикнул, покрывая шум волн и ветра:

— Какая жалость, что нам приходится бросить туг это поразительное судно!

Дэнни оглядел дело рук своих, потом перевел взгляд на сушу и тихо ответил:

— Ничего! Мы еще вернемся за ним.

ТАКОВЫ ЖЕНЩИНЫ

После трех часов тревожного сна Дэн Коффин проснулся с той же неотвязной мыслью: *Они так и не вышли в эфир!*

Или вышли? — спрашивал его мозг и отвечал: *Нет, не выходили. Я же строго-настрого распорядился, чтобы меня известили сразу, как только будет что-то новое. Каково бы оно ни было.*

Итак, он не слышал голоса Мэри с самого наступления сумерек. Она заблудилась, она в опасности. Дэн заставил себя добавить: *Л может быть, уже умерла.*

Неужели же навсегда исчезла та радость, которую несло ему — именно ему — радио: «Помни же, Дэн, у нас с тобой свидание ровно через три десятка дней, начиная с сегодняшнего. А пока — до встречи. Я буду ждать!»

Разум тут бессилен, и, повторяя себе, что надо бы еще отдохнуть, Дэн все же вылез из койки. Коврик — шкура церотера — щекотал босые подошвы, а глиняный пол холодил. Воздух был полон тепла и звуков — трелей, кваканья, плеска волн. Донесся и грозный рев какого-то хищника.

Но ничего этого Дэн не замечал. Из окна сочился белесый свет, но в самой хижине было темно. Он не стал зажигать свет, чтобы одеться. Когда проживешь в дебрях достаточно долго, обязательно научишься делать такие простые дела и без флюоропанели над головой.

Дэн ощущал накопившуюся в нем томительную усталость. Каждая его косточка чувствовала лишнюю четверть силы земного притяжения. *Но это же пустяк,* подумал он. Ведь он провел на Рустаме всю свою жизнь. Ни одна клетка его тела не знала Земли — за исключением той изначальной, с набором хромосом, конечно, с заключенной в них памятью о миллионах лет совсем другого эволюционного процесса. *Просто я погибаю от тревоги.*

Когда Дэн вышел наружу, ветерок взъерошил ему волосы так же нежно, как это делали пальцы Мэри, и ночная прохлада влила в него новые силы. А может, это сделали ароматы, принесенные бризом — запахи почвы, воды, буйно растущей зелени. Дэн наполнил ими свои легкие и прислонился спиной к надежной прочности бревенчатой стены, продолжая вдыхать спокойствие своей родной страны. Несколько тысяч человеческих существ, изолированных в мире,

который не был родиной расы Дэна, должны всегда быть начеку. Но кое-кто сделал эту необходимость частью своей натуры, и теперь не было мира в их душах.

Среди двух дюжин строений, из которых состояла станция, были не только бревенчатые домишки, но и современные сборные здания из металла и пластика, казалось, ставшие частью этого ландшафта, но на самом деле просто терявшиеся в его беспредельности. За ними, вплоть до темной стены леса, простирались пастбища и поля. А рядом тихо ворковали воды озера Мунданс — озера Танцующей Луны. Они простирались до невидимого сейчас горизонта — границы мира, за которой вздымались высокие горы, уходя все выше и выше, пока их вершины не исчезали в плотной пелене облаков.

Прямо же над головой Дэна небо было чистым, как это нередко бывало в летние ночи. Оба спутника видны как на ладони — Ракш сейчас находился на максимальном удалении — маленький медный серпик, а Сухраб, как всегда, смотрелась крошечной искоркой. Поэтому свет давали в основном звезды. Они горели ярче и казались более многочисленными, чем обычно, когда смотришь сквозь плотный воздух Низин.

Дэну даже удалось обнаружить среди них солнце Терры. Оба спутника все же давали достаточно света, чтобы вызвать игру бликов на озере; их отражения скользили по воде быстро, как летающие светляки.

Это даже напоминает Верхнюю Америку, думал Дэн. Воспоминание о прогулках под небесами плоскогорья рядом с Мэри Локабер ударило его как нож. Быстрыми шагами он направился к радиорубке. Обычно тут не было круглосуточных дежурств, но те, кто был в дозоре, охраняя поселок от псевдокошек — медтных хищников, муравьев-чингизов или чрезвычайных ситуаций, возникновение которых предсказать невозможно, забегали сюда: поглядеть, не поступили ли какие-нибудь новые сообщения. Дэн сразу бросился к регистратору передач.

Да! Есть! Он нажал клавишу обратной перемотки. «Говорит Центр погоды, — донесся голос из Ангера. — Вызываем озеро Танцующей Луны. Внимание! У нас есть основания считать, что штормовой фронт формируется вблизи побережья океана Урании, но нам нужны данные по более обширной территории. Не могли бы вы сообщить нам обстановку в вашем районе…» Что было дальше, Дэн не расслышал. К горлу подсту-

пила тошнота.

Чьи-то шаги вернули ему ощущение времени и места. Он не просто повернулся, он крутанулся как волчок. На пороге стояла испуганная Ева Спейн. Какое-то мгновение они со страхом и подозрением смотрели друг на друга в тусклом свете лампочек приборов.

— Ох! — Она попыталась выдавить улыбку. — Я же не медведище, что ищет себе ужин, клянусь тебе, Дэн. Честное слово, не медведище.

— А тогда какого черта тебе тут надо?! — рявкнул Дэн.

Ах, если б это была Мэри — высокая и тонкая, с волосами цвета солнца, если б это она стояла в проеме двери. Но это была всего лишь Ева. В таком же грубом комбинезоне, как и он сам, с теми же пистолетом и ножом — обязательным набором — на поясе, она, подобно Дэну, не нуждалась в редукционном шлеме; ее головка с заплетенными косами почти красных волос, курносым носом и веснушками была ничем не прикрыта. Подобно Дэну, девушка отличалась плотным сложением, но явно не имела тех восточных генов, которые делали его волосы черными, а кожу — смуглой. И лет ей было поменьше, чем ему, тогда как Мэри — его ровесница. Впрочем, все это мелочи. А вот что

важно, так это то, что на пороге стояла не Мэри.

Так Ева же в этом не виновата, укорил себя Дэн. *Она девочка что надо*. Он говорил себе это уже множество раз, а если быть точным, то с самого первого дня, когда они познакомились, и все окружающие были уверены, что в самом недалеком будущем эти двое поженятся. С практической точки зрения Дэн вряд ли мог пожелать себе лучшую жену.

Будь она неладна, эта практическая точка зрения.

Глаза Евы — большие и зеленые — мигнули. Дэн заметил, как в навернувшихся на глаза слезах блеснул свет лампы. Однако ответила она сухо и сурово:

— Я могла бы задать тебе тот же вопрос. Только куда вежливей.

Дэн сглотнул слюну:

— Извини. Я вовсе не хотел грубить.

Она слегка оттаяла, подошла ближе и потрепала его по руке. Конечно, ее ладонь была не такой твердой, как у Дэна; она — биолог, а не исследователь-поисковик, который с недавних пор занимается еще и сельским хозяйством. Но он ощутил мозоли — следствие возни с оборудованием и упряжью животных, чем приходилось

заниматься практически всем понизовщикам.

А вот у Мэри прикосновение нежнее пуха. И не потому, что она лодырь. Даже в Верхней Америке работать должны были все взрослые, и Мэри занималась весьма ответственным делом — вела всю больничную документацию. Но ей не приходилось ни рубить кустарник, ни принимать роды у коров, ни готовить еду на костре для целой бригады лесорубов, ни сдирать шкуру с животного, убитого ею же, ни выделывать эту шкуру. Зато все это входило в повседневные обязанности понизовщиков; попытка заставить Мэри выполнять подобные работы наверняка довела бы до смерти эту жительницу Верхней Америки, так же как сейчас ей грозит гибелью блуждание в дебрях где-то неподалеку от озера Танцующей Луны.

— Разумеется, — уже мягче ответила Ева. — Я понимаю. Просто у тебя разыгрались нервы.

— Так что же привело тебя сюда в такую рань?

— То же, что и тебя. — Ева нахмурилась. — Ты что же, думаешь, меня это не касается? Билл Свобода и Локаберы — и мои друзья, а не только твои.

Дэн несколько раз с силой ударил себя кулаком по ладони.

— Так что же можем мы сделать?

— Начать поиск.

— Ага! Имея всего один несчастный аэрокар, чтобы прочесать много тысяч квадратных километров! А для того чтобы собрать поисковую эскадрилью, потребуются дни. У них этих дней нет. Еще у Билла, может, и есть, а вот у Мэри и Ральфа… у них, похоже, нет.

— Почему нет? Если их шлемы в порядке…

— Ты не видела того, что доводилось видеть мне. Нужно быть очень сильным мужчиной, да еще прошедшим специальную тренировку, чтобы носить эти штуковины практически постоянно. Редукционный насос приводится в действие движениями грудной клетки при вдохе и выдохе, но нетренированный человек в этих условиях спать в шлеме не может. Бессонница и мускульная усталость делают человеческий организм подверженным интоксикации, вызываемой высоким атмосферным давлением, а отчаявшийся нередко доходит до того, что сбрасывает с себя шлем, чтобы хоть немного отдохнуть.

Дэн говорил все это быстрым, раздраженным тоном. Ева ответила более спокойно:

— Ну, они не так уж давно отсутствуют. Да и вообще они уже возвращались сюда.

— Но ты же знаешь, что они — эти Локаберы — хотели повидать как можно больше, и Билл пообещал им проложить для этого специальный маршрут. Они должны были лететь зигзагами, чтобы охватить территорию побольше. Они могли сесть где угодно, чтобы взглянуть на что-нибудь интересное, и там попали в аварию. Даже если мы пролетим совсем рядом с ними, то кроны деревьев, скалы или туман вполне могут скрыть машину от наших глаз.

— Я прекрасно осведомлена о том, что мы живем на обширной и почти не закартированной территории. — Ответ Евы был намеренно сух, но сухость туг же сменил гнев. — Но почему ты шляешься тут, опустив руки? А еще Дэн Коффин — знаменитый исследователь! Почему ты ничего не делаешь?

Дэн с трудом подавил собственный гнев.

— Я собираюсь вылететь на восходе солнца. Заверяю тебя, что летать ночью — бессмыслица, пустая трата горючего. Система ночного видения не способна определить мелкие детали среди этого необычайно разнообразного ландшафта, где самый маленький блик на экране может оказаться именно тем, что мы ищем. А шансы, что мы увидим костер, или с помощью металло-

искателя, или… — Он запнулся. — О Боже, Ева, ну чего я валяю дурака! Ты же летала больше, куда больше меня! Это огромная территория, **и** тем все сказано. Если б только у меня был хоть какой-то след…

— Ты прав. — Тон Евы снова смягчился. Немного подумав, она произнесла: — А может, все-таки стоит поискать такой ключ? Например, указание на то, каким курсом они могли воспользоваться с наибольшей долей вероятности? Возможно, Мэри… может быть, она в разговоре с тобой случайно упомянула какое-нибудь место, которое ее особенно интересовало?

— Ну… гейзеры в Аримане, — ответил Дэн безнадежно. — Но в последнем сообщении, которое мы от них получили, говорилось, что они только что там побывали и теперь направляются дальше.

— Верно. Я сама прослушивала эту пленку несколько раз.

— А может, ты подала им какую-нибудь мысль, Ева? Ты ведь с ними много общалась, пока они были тут?

— Это верно. Но я много что рассказывала им о местных чудесах. Ральфа, например, особенно интересовали здешние крупные животные. — Она

вздохнула. — Я даже предложила ему поискать стадо теразавров. Мы слетали в Айронвуд, откуда пришло сообщение, что они там появились, но к тому времени стадо ушло на север, и хотя следы были весьма отчетливы, впереди образовался грозовой фронт. Я с большим трудом уговорила Ральфа, что в таких условиях лететь в том направлении просто глупо. Только потому, что воздушные потоки в Низинах движутся медленно, эти верхнеамериканцы считают, что их сила невелика… Нет, Ральф, конечно, умен, он понимает, что правильно, а что нет, но и в нем есть эдакая беззаботная удаль. Но чего это я разворчалась? Мы… — Она внезапно оборвала фразу. — Что с тобой, Дэц? — спросила она почти шепотом.

— Возможно, это и есть тот ключ, который мы ищем! — Ветер почти заглушил его слова.

— О чем ты? — Ева крепко схватила его за руку. Только позже он обнаружил, что ее ногти слегка поцарапали ему кожу.

— Теразавры… Ты же знаешь, летом они откочевывают в более высокие места. Билл мог пообещать Локаберам отыскать стадо, может, даже то самое, которое вам найти не удалось. Сверху ведь следы стад видны великолепно. —

Дэн прижал к себе девушку. — Ты замечательная девчонка, Ева! Может, это и ложный след, но сейчас это все, чем мы располагаем. И это не мало! С наступлением утра я вылетаю.

У Евы брызнули слезы, но голос даже не дрогнул.

— Я тоже лечу. Тебе понадобится помощь.

— Что? Конечно, я возьму напарника.

— Этим напарником буду я. Я отлично вожу машину и из пистолета стреляю и оказываю первую помощь не хуже любого другого. А потом, разве я не заработала свое право лететь?

За несколько лет работы исследователем Дэн Коффин не раз возвращался в Верхнюю Америку. И не только потому, что ученые и планировщики нуждались в его информации о планете, которую они надеялись заселить своими потомками; у него и самого нередко возникала необходимость обсудить задачи новых экспедиций и договориться об их снаряжении. Кроме того, там жила его семья и его друзья.

Да и вообще в тех краях он отдыхал и телом, и душой. Верхняя Америка лежала выше пелены облаков, окутывающей почти постоянно большую часть планеты. Небо Верхней Америки отличалось необычайной чистотой, ее зимы

были снежными, а летом прохладные бризы умеряли жару. По сравнению с Низинами это была почти что Терра.

Вернее, так казалось Дэну, пока постепенно его не стали посещать сомнения в правомерности подобных сравнений. Он ведь получил образование, и ему были известны различия. Солнце Терры было меньше по размерам, хотя и более активное, его свет был скорее желтым, чем оранжевым. Терре требовалось 1,7 рустамских года, чтобы обойти вокруг солнца: но зато оборот вокруг своей оси она совершала за 24 часа. У нее была всего одна луна, огромная, но расположенная дальше, чем луны Рустама, и она казалась вдвое меньше, нежели Ракш, и ей требовалось 11 дней (или 30.земных суток), чтобы пройти все фазы. Если здесь Дэн весил сто килограммов, то на Терре его вес равнялся бы всего восьмидесяти. В своей основе жизнь на Земле и Рустаме была сходна, но далеко не идентична. Например, на Терре листва не имела того синеватого отлива, как здесь, и никогда не бывала желтой или коричневой, кроме как в период увядания.

Роясь в памяти и задавая точно сформулированные вопросы, Дэн вскоре понял, как плохо пожилые люди — даже те, которые достигли

зрелости на Терре, даже когда они пользовались книгами или кинолентами, — умели передавать другим свои впечатления о том, какова же она была — эта Матушка-Земля. Может быть, реально существующие различия между обеими планетами усиливали чувство отчужденности, благодаря чему восстановить полностью память о прошлой жизни становилось практически невозможным. И если это так, то что же говорить о тех рустамцах, которые родились уже туг? А как будет с теми детишками, которые уже начали появляться у этой молодежи?

Так нужна ли в действительности Дэну Коффину эта самая Верхняя Америка?

Большинству людей на планете она была жизненно необходима. Давление воздуха в Низинах было для них слишком высоким, они быстро заболевали, если проводили в этих условиях хотя бы короткое время. Долгое же пребывание в Низинах вызывало неизбежную смерть. Но тело Дэна прекрасно переносило эти условия, оно великолепно в них функционировало. Фактически при каждом возвращении в Верхнюю Америку он ощущал, как ему не хватает того убыстренного обмена веществ, который обусловливал особую жизнестойкость его организма, не хватало чисто-

ты звуков и богатства запахов. К тому же Верхняя Америка была чрезмерно населена. О, конечно, на тамошних фермах еще и сейчас было много необработанной земли, но будущее принадлежало тем, кто сможет селиться в Низинах. Уже сейчас этот дикий, дивный и бесконечно заманчивый мир принадлежал таким людям.

Дэн продолжал получать радость от своих приездов домой, ему нравилось менять темп жизни, встречаться с новыми людьми, наслаждаться удобствами цивилизации, нравилось даже бражничать в тех немногих заведениях, которые Анкер содержал специально с этой целью. Но возвращение в Мунданс было всегда счастьем. Особенно ясным это стало, когда сюда прибыла Ева Спейн.

Подобно Дэну, Ева была экзогенным ребенком; ее родители были подобраны специально с таким расчетом, чтобы их потомство могло переносить плотную атмосферу. Результат оказался в высшей степени удовлетворительным. Дэн и Ева могли спускаться к берегу океана и чувствовали себя там отлично. Это делало их естественными партнерами. Большинство из тех, кто начинал заселять Низины, даже не пытались спускаться так низко. Станция Мунданс находилась на

высоте двух километров над уровнем океана. Когда-нибудь человечество будет жить на Рустаме повсюду, и эта эволюция не потребует особо долгого времени. Ибо те немногие, которые и сейчас уже не имеют никаких ограничений, наверняка будут передавать свои качества по наследству.

Дэн и Ева… Они прекрасно вместе работали, они нравились друг другу, у них не было страстного романа, но зато между ними существовало все возрастающее притяжение, и их брак со всех точек зрения был желателен и естествен. Но тут впервые после окончания школы Дэн встретил Мэри Локабер.

Летнее солнцестояние приближалось, и на этих высотах день продолжался сорок два часа. Поисковая партия намеревалась не потерять ни минуты этого времени. Их аэрокар поднялся в воздух еще до того, как первые лучи солнца слегка подсветили изнанку облаков на востоке.

Тучи опять покрывали небо. Дэн вспомнил, как Мэри удивлялась тому, что он легко переносит эти почти вечные сумерки.

— Да нет, тут совсем не темно, — ответил он. — Это еще одно обстоятельство, которое тебе необходимо испытать самой, чтобы понять.

И вот наконец-то она прилетела сюда и… — Его

пальцы побелели, сжав рукоять управления.

Ева оторвала взгляд от леса. Под этим серебристым небом, в отсутствие четких теней, цвета древесных крон были чрезвычайно разнообразны и нежны. Их бесконечность нарушалась лишь то появлением высокого вулканического пика, то блеском водопада или широкой реки. К северу открывался великолепный вид на более высокие районы Низин. В нескольких километрах от них в воздухе крутился вихрь бесчисленных птичьих стай.

— Ты и в самом деле так сильно страдаешь, Дэн? — тихо сказала она.

Он услышал свой голос — хриплый и неустойчивый:

— Бывало, я приходил в восторг от невероятной громадности этой земли. Сейчас, когда мы должны найти в ней песчинку, затерянную в необъятности, меня это приводит в ужас.

— Не позволяй себе так думать, Дэн. Мы или приучимся жить рядом с мыслью о близости смерти, ийи никогда не обретем здесь счастья.

Он вспомнил ту безумную сумятицу волн, в которую попала их лодка, когда они собирали биологические образцы на берегу Гефеста. Наполовину оглушенный, он утонул бы, не приди

к нему на помощь Ева. А вот Тоширо Хираяма, которого они с Евой любили как брата, погиб. Остальные члены экспедиции несколько часов продержались, ухватившись за киль перевернувшейся лодки, пока их не разыскал спасательный флайер. К Еве к первой вернулась обычная жизнерадостность так же быстро, как и к остальным, но именно она время от времени приносит венки из цветов к подножию крошечного надгробия Тоширо.

— Отличный ты человек, Ева, — сказал он.

— Спасибо, — тихо ответила она. — И тем не менее у тебя на уме другая девушка, не так ли?

— И Ральф, и Билл.

— Но главным образом — она. Так?

Воспитанный в традициях своего приемного отца, считавшего, что мужчина не должен обнажать свои истинные чувства перед посторонними, Дэн долго боролся с собой, прежде чем смог кивнуть и выдавить из себя:

— Да.

— Что ж, она очень красива. — В голосе Евы отсутствовали какие-либо эмоции. — И она очень милое и грациозное создание. Но годится ли она тебе в жены?

— Мы… еще не обсуждали этого… пока.

— Но ты много и серьезно думал об этом. И она тоже.

Его сердце, казалось, остановилось.

— Насчет ее я ничего не знаю.

— А я знаю. По тому, как она смотрит на тебя, по голосу, каким говорит, когда ты рядом. Это очевидно. — Ева прикусила губу. Но так ли все это серьезно с обеих сторон? Насколько истинны эти чувства?

Он припомнил долгие беседы, прогулки, поездки верхом по землям ее отца, танцы в Вулф-Холле, как он провожал ее домой под холодными звездами, быстрой Сухраб и бронзовым Ракшем над неумолчно звенящей рекой. Были поцелуи, не больше. Были слова вроде «А знаешь, ты мне нравишься», не больше. И тем не менее, когда он приходил к ним обедать, то ее родители и Ральф (ее брат, унаследовавший ту же светлую красоту и яркий темперамент) изучали его с явной, хотя и дружелюбной, настойчивостью.

А она?

— Не уверен, — вздохнул он. — У них там… в Верхней Америке… совсем другой образ жизни.

Ева кивнула.

— Может, на Земле он и за приличную деревню не сошел бы, — сказала она, — но здесь Анкер,

в котором живет большая часть населения Рустама, где сосредоточены промышленность, богатство и культура, играет важнейшую роль. Окрестности Анкера хоть и редко населены, но, можно считать, уже приручены. У людей там есть время приобретать хорошие манеры. Возможно, для них эти манеры особенно важны: они как бы помогают отстраниться от былых тягот. А мы — просто грубые пионеры, осваивающие свое Пограничье.

— Ты имеешь в виду социальный разрыв? Нет, Локаберы не снобы. А мы — не хамье. Мы — ученые, ведущие исследования, которые не только интересны, но и необходимы.

— Согласна. Я преувеличила не умышленно. И все же мое знакомство с твоими друзьями — что-то вроде внезапной и короткой связи, которая в их безопасном мирке неизвестна, — вызвало у меня мысли о непреложном факте — о различии между нами и ими.

Дэн не мог целоваться с Мэри в Мундансе. На голове у нее был гласситовый шлем, необходимый для поддержания атмосферного давления, к которому она привыкла. Такое же давление поддерживалось и в маленькой гостинице, которая была на станции. Тому, чьи легкие были полны

воздухом Низин, приходилось проходить долгую и нудную процедуру декомпрессии, прежде чем войти в эту комнату. Впрочем, это было неважно — все равно Мэри комнату делила со своим братом.

Впрочем, даже за эти неудобства Дэн получал достойную компенсацию. Наконец-то он мог показать Мэри хоть малую частичку своего мира, занимавшего подавляющую часть этой планеты, которую она знала лишь по книгам, картинам, нескольким туристическим поездкам да еще по его рассказам. В течение пяти волшебных дней она и Ральф могли бродить с ним и с Евой по чему-то, напоминающему гигантский собор, обширным, таинственным и великолепным лесам, отправляться верхом на безумно увлекательную охоту или наблюдать за тем, как биологическая инженерия плюс упорная работа и терпение заставляют местную почву одаривать человека своими плодами, или…

Свет Ракша скользил по кривизне ее шлема и по длинным белокурым локонам внутри этого пузыря. Тот же свет формировал зыбкий мост, соединявший оба берега реки, которая плескалась о борта лодки куда громче и веселее, чем волны рек плато. Улегся ветер, но прохлада все еще

струилась в летнем воздухе, и даже парус и тот еще хранил очертания, приданные ему последним порывом ветра. Ни он, ни она не спешили црзвращаться на станцию.

Она спросила его:

— Откуда появилось название Мунданс?

— Ну, — ответил он, — озеро достаточно велико, чтобы на нем возникали приливы, когда Ракш подходит к Рустаму близко. Отражения луны вспыхивают на воде и бегут по ее поверхности так, как ты это видишь сейчас — отсюда и озеро Танцующей Луны.

Мэри дотронулась до его руки:

— Я подумала, что надо бы назвать его Мундэн. Твое озеро. Твоя луна. Я его всегда буду называть так. То, что ты здесь делаешь, воистину грандиозно.

— Ну уж ты скажешь… — Дэн даже стал заикаться. — Я же тут вроде обслуги. Я хочу сказать, что ученые дают мне приборы, которые надо поставить там-то и там-то, а затем забрать их обратно, потом приказывают организовать определенные экспедиции и наблюдения, а я эти распоряжения выполняю. Вот и все.

— И вовсе не все! И ты это отлично знаешь. Ты — тот, кто преодолевает трудности, кто импро-

визирует и изобретает перед лицом великого множества неожиданностей. Без таких, как ты, мы бы навсегда остались пленниками нескольких горных вершин. Как бы мне хотелось быть одной из вас!

— Мне бы тоже этого хотелось, — сказал он неуклюже.

Не показалось ли ему в ту минуту, что она тоже чего-то испугалась, как испугался и он своей смелости? Но она быстро оправилась и спросила:

— А куда отправились Ева и Ральф?

Он тоже поспешил спрятаться за обыденностью:

— Не знаю точно. Но думаю, что их флайер сейчас где-нибудь над долиной Сайруса. Она прямо влюбилась в вашу машину. Так и жаждет испытать ее в суровых условиях. Вертикальные воздушные потоки в тех местах…

В ее голосе прорезалось беспокойство.

— А это не опасно?

— Нет, конечно. Ева опытный пилот, имеющий лицензию на вождение любых летательных аппаратов в условиях атмосферы любой плотности. Эта модель в основном похожа ведь на X-17, не так ли? По сути дела модификация ее. — А поскольку их сейчас окружало великолепие его страны, Дэн

добавил: — Знаешь, Мэри, меня беспокоит не то, как хорошо работает эта машина, а то, каковы могут быть последствия работы ее мотора. Мне приходилось читать книги о том, какое губительное воздействие оказало ископаемое горючее на природу Терры, а вот теперь вы начинаете пользоваться двигателем внутреннего сгорания, работающим на нефти.

Ему показалось, что Мэри неприятно удивлена.

— Ты, значит, слышал? — Короткий смешок. — А я-то думала, что тебя занимали совсем другие мысли, когда ты гостил у нас. Нет, идея не в том, чтобы заменить водородный двигатель нефтяным навсегда, а в том, что нефтяные куда проще выпускать, они требуют меньших затрат труда, особенно из-за своих меньших баков, как ты понимаешь. Папа считает, что он сможет выпускать их и продавать до конца своей жизни. Но к этому времени Рустам уже будет обладать достаточно развитой промышленностью, так что можно будет вернуться к экономике, основанной на водородных двигателях. Несколько сот нефтяных двигателей внутреннего сгорания, которые проработают лет 30–40, не смогут принести сколько-нибудь заметный вред.

— Понятно. Что ж, ладно. Не могу сказать, что ты меня сильно удивила. Твой брат еще вчера рассказывал мне о той работе, которой он занят в свободное время, внушая детям, что старые ошибки повторять не следует… — Дэн снова почувствовал, что слишком близко подходит к теме, которая имеет для него огромное значение. — Хм… Между прочим, ты упомянула, что хотела бы получить побольше впечатлений и получше ознакомиться с Низинами на обратном пути домой, если найдешь пилота, который сможет без всякой опасности покатать вас над территорией еще не закартированной и лишенной радиомаяков. Ну, так я вам нашел такого.

Она придвинулась ближе. В ее глазах горел свет луны.

— Это ты, Дэн?

Он с сожалением покачал головой:

— Нет, мне бы очень хотелось, но за последние дни я сильно подзапустил работу. И Ева тоже. Но Билл Свобода должен вот-вот вернуться из отпуска и…

А теперь все эти трое растворились в безмолвии Низин.

Крик Евы рассек тишину кабины, как меч:

— Вон они!

Она так круто развернула машину, что та застонала, а затем передала управление автопилоту, приказав ему кружить на высоте около ста метров с определенным наклоном реактивных сопел. Дэн в это время безуспешно сражался с фонарем кабины. Он чуть не расплющил нос о стекло, так что слезы брызнули у него из глаз, мешая видеть, и он ощутил острую боль. Сердце билось как безумное.

— Они живы! — наконец выговорил он. — Кажется, даже не ранены. — Его напарница молча протянула ему бинокль. Усилием воли он заставил руки не дрожать и стал осматривать местность под каром.

Горы окружали кольцом светло-желтых и красновато-коричневых лесов и темных скалистых выступов долину, похожую на обширную плоскую чашу. Если не считать отдельных деревьев, ее покрывала бирюзовая трава, колеблющаяся и переливающаяся на ветру. В озерке, расположенном почти в центре, плыли отражения облаков. Должно быть, именно это в первую очередь и привлекло теразавров.

Они насчитали более тридцати взрослых животных — пять метров и даже больше темно-зеленой, покрытой прочной чешуей плоти

от коротких тупых морд до кончиков мощных хвостов. Их бочкообразные тела были столь толсты, что производили несколько гротескное впечатление. Но это только до тех пор, пока они не пускались вскачь, а земля начинала дрожать у них под ногами.

Телята и однолетки тоже были тут. Эти страшилища были более развиты, нежели земные рептилии, а потому заботились о своем молодняке. Полоса начисто съеденной растительности тянулась за ними через весь лес с юга на север. Без сомнения, Билл Свобода обнаружил эту полосу и пошел над ней, точно так же, как это сейчас сделала Ева.

На лугу поднимался холм. На его поросших травой пологих склонах и приземлилась машина горожан, которым хотелось понаблюдать за стадом с почтительного расстояния. И не потому, что теразавры легковозбудимы и готовы напасть. За исключением самцов во время гона, им не свойственна агрессия. Но в то же время эти гиганты не имеют никаких резонов заботиться о благополучии каких-то пигмеев, ставших на их пути.

— Что с ними? — выдохнула Ева. — Они же никогда так себя не ведут, во всяком случае летом.

— И все-таки это так, — Дэн говорил так же

нервно и отрывисто, как и она.

Аэрокар из Анкера еще был до некоторой степени узнаваем. Все машины, которые строились для Рустама, обязательно делались из самых прочных сплавов и синтетики. Но вся эта растоптанная, измятая, разбросанная груда лома не могла надеяться на то, что ее станут спасать. Топливо все еще сочилось из одного из баков, который только каким-то чудом не отвалился еще от корпуса аэрокара. Вытекающее горючее окрасило почву в еще более темный цвет там, где огромные ножищи размесили ее в жидкую грязь. То и дело кто-то из колоссальных зверюг оскользался на этой жиже, падал, поднимался весь измазанный в грязи и с еще более страшным ревом бросался обратно в тот дикий хаос, которым являлось сейчас стадо.

Вершина холма, вокруг которого ярились тераварвры, представляла собой скалистый утес, поднимавшийся на несколько метров, похожий на серый петушиный гребень. Именно на него и вскарабкались трое людей в поисках спасения. Охваченные яростью животные не могли до них добраться, хотя время от времени какой-нибудь обезумевший самец и пытался с громовым рыком взобраться на эту неприступную крутизну,

вытягивая мощную жилистую шею и щелкая челюстями с таким лязгом, что Дэн слышал этот звук, несмотря на расстояние и дикий шум других животных. Прочие теразавры беспорядочно метались по лугу, ревели, дрались друг с другом, пуская в ход зубы, передние лапы и мощные хвосты. Потом они расходились, полностью выдохшиеся и истекающие кровью, ожидая, когда к ним вернется сила и можно будет сцепиться с каким-то новым противником. Несколько самцов были мертвы или умирали — медленно и мучительно в лужах крови, над которыми вились облака хищных насекомых.

Самки выказывали меньшее безумство. Они держались в стороне от бушующих гигантов-самцов, но то и дело принимались описывать галопом круги. Испуганные и позабытые телята сбились в кучу у самого озерка.

А вверху просеянный сквозь облака свет неожиданно вспыхивал на крыльях птиц-мечей, которые ожидали своей очереди заняться ужином.

— Я думаю… да, вероятно, дело было вот как, — сказал Дэн. — Билл посадил машину там, где мы ее видим и сейчас. Стадо или отдельные животные подошли поближе. Эго было просто

любопытство, никаких оснований нападать у них не было. Надо думать, в это время все трое людей находились далеко от машины, выбирая наилучшую позицию для съемки. А затем вдруг началась атака. Это была полная неожиданность, а ты знаешь, какую скорость могут развивать теразавры, если им заблагорассудится. У людей не было времени добраться до машины и подняться в воздух. Счастье еще, что они успели взобраться на скалу, где и сидят с тех пор.

— Как ты думаешь, в каком они состоянии? — спросила Ева.

— Во всяком случае, они живы. Но какой кошмар им пришлось пережить, карабкаясь в темноте на скалу, нащупывая крошечные выступы для рук, слушая рев и визг обезумевших животных, чувствуя, как камень дрожит у них под ногами… Да еще без шлемов. Не пойму, почему без шлемов?

— Могу предположить, что они решили, будто смогут обойтись и без шлемов в течение тех нескольких минут, которые понадобятся для съемки.

— Но ведь все равно им пришлось бы проходить довольно длительную процедуру адаптации к изменившемуся давлению. — Дэн говорил почти

автоматически, все его внимание было отдано сценам, которые он видел в бинокль. Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что если все это продолжается уже несколько часов, как, ввдимо, оно и было на самом деле, то стадо должно было бы уже самоуничтожиться, если бы этому не мешала ночная темнота.

— Похоже, так оно и было, — сказала Ева. — Ральф много раз говорил мне, как ему хочется обзавестись опытом жителей Низин и хоть немного подышать здешним воздухом. — Ее кулак раз за разом наносил удары по панели управления. — О Господи, будь та проклята, эта проклятая бездна между нами.

— Точно. Почти то же говорила мне и Мэри… Правда, я всегда находил что-то такое, что могло отвлечь ее и дать почувствовать красоту этого…

Билл Свобода уже стоял на ногах и махал руками. Бинокль был сильный, и Дэн хорошо видел измученное, небритое и испуганное лицо этого человека. Мэри выглядела гораздо лучше. Впрочем, Мэри всегда выглядит лучше всех, подумал Дэн. На самом же деле ей плохо. Эта белокурая головка кружилась и готова была разорваться от боли, а в груди жгло, будто там рассыпали жаровню с углями. А еще голод, жажда, усталость

и страх. Она крепко держалась за свой выступ скалы, но все же ей удалось приветственно пошевелить рукой. Ее брат все еще лежал без движения.

— Судя по всему, Ральфу хуже всех, — продолжал Дэн. — Должно быть, он тяжелее других переносит интоксикацию, связанную с повышением давления.

— Дай мне взглянуть! — Ева чуть не силой вырвала у него бинокль.

— Ох! — сказал он. — А нельзя ли мне получить обратно хоть часть моих пальцев?

— Сейчас не время для шуток, Дэн Коффин.

— Конечно, нет. Согласен. Хотя… — Он облегченно вздохнул. — Все живы. Похоже, что никто сильно не пострадал, это точно. — Радость нахлынула на него вместе с волной слабости, так что Дэн бессильно откинулся в пилотском кресле.

— Все это еще может случиться, если мы не вернем их в привычную им атмосферу… Как скоро? Через несколько часов? — Ева опустила бинокль. — Ну что ж, спасательная машина долетит сюда из Верхней Америки раньше этого срока, особенно если мы немедленно радируем туда, а начальство тут же начнет шевелиться.

Дэн посмотрел на нее. Щеки и лоб блестят от

пота, дышит тяжело, а такое бледное лицо у нее он видит впервые. Но зубы крепко сжаты, а голос полон решимости.

— Ха! — сказал он. — И какова же должна быть эта спасательная машина, по-твоему?

— Что ж, пожалуй, придется уделить минуту-другую обсуждению этого вопроса. — Ева сложилась почти пополам и села в кресло рядом с ним. Улыбка была невеселая. — Поиронизируем, а? В этой колонии неизвестны проблемы войны и преступления. Но сейчас я дорого дала бы за хороший истребитель.

— Не понял… Нет, постой-ка! Ты что же — хочешь перебить теразавров?

— А как же иначе? Хорошая лазерная пушка, охота с воздуха… Ах, но к чему мечтать о вооружении, которого на Рустаме отродяоь не бывало. А что ты скажешь о нескольких фульгуритовых патронах? Папаша Билла вполне может отвалить нам из запасов на своей железорудной шахте. — Она скорчила гримасу и предупреждающе подняла руку. — Знаю. Это жестокий способ охоты. Большинство зверюг будет только изуродовано. Ладно, предположим, что сразу же после того, как наших друзей снимут с этой горки, пара здоровенных мужиков заявится сюда и избавит

животных от страданий с помощью отбойного молотка и зарядов взрывчатки…

Дэн с отвращением спросил:

— Ты готова уничтожить все стадо?

— Боюсь, придется, — вздохнула она. — В конце-то концов все эти зверюги спятили.

— Но почему это произошло? Мы должны выяснить это, Ева. Иначе кто-нибудь опять попадет в такую историю, только на этот раз результат может быть и хуже.

Она кивнула.

— Сомневаюсь, что нам удастся узнать что-либо у груды мертвых тел, — сказал он ей.

— Мы можем провести эксперименты позже на других стадах, — возразила Ева.

— Но какой ценой? Погляди на то, что случилось здесь. Возможно, нам придется уничтожить все поголовье теразавров в этом регионе. А они ведь не так уж часто встречаются. Все крупные животные обычно малочисленны. Но, судя по всему, теразавры играют большую роль в местной экологии. Ты видела доклад Джо де Смета о том, как они контролируют рост огненного кустарника? А ведь это только одно дело. Было бы странно, если б не обнаружилось еще что-то, поскольку мы о них знаем так мало. — Дэн сглотнул слюну. —

Кроме того, они… Ох, ну… они прекрасны. — Его слова были едва слышны сквозь шум внизу. — Я видел, как они идут в рассветном тумане — тише, чем само встающее солнце…

Ева смотрела на него, не веря собственным глазам. Наконец она спросила:

— Ты что — всерьез? Ты готов рискнуть жизнью Мэри Локабер и еще двух человек, чтобы спасти нескольких животных?

— О нет! Конечно же нет!

— Тогда что же ты предлагаешь?

— Разве это не очевидно? У нас с собой много всякого полевого снаряжения, в том числе лебедка и много веревок. Мы спустим веревку, укрепим ее как следует, а затем поднимем их всех на борт этого кара.

Минуту она сидела молча, обдумывая его предложение с той добросовестностью, которая была так хорошо знакома Дэну. Потом отрицательно качнула своей рыжей головкой.

— Нет, — сказала она, — мы не сможем опуститься ниже, так как выбросы из наших сопел могут создать воздушные вихри, которые сбросят их всех с той площадки, за которую они сейчас цепляются. День ветреный, сам холм содействует образованию вертикальных воздушных пото-

ков. Не думаю, что конец веревки упадет прямо возле них, разве что мы привяжем к нему нечто тяжелое. Но тогда мы получим маятник, который ветер будет швырять туда и сюда и который вернее всего вышибет им мозги или сбросит с кручи. Люди и без того еле живы, цепляясь за покатый уступ, подумай, как они, должно быть, устали!

— Все верно, — ответил Дэн, — кроме одной вещи. Груз на конце веревки не будет неуправляемым куском металла. Им буду я.

Ева чуть не закричала. Ее ладонь метнулась к открытому рту.

— Дэн! Нет! Ну пожалуйста, не делай этого!

Воздух в Низинах таков, что ему не нужно двигаться быстро, чтобы создать сильный напор. А топография в этом месте, казалось, была специально создана для появления всякого рода местных завихрений, инверсий и перепадов, чего в обычных условиях не бывает. Еве пришлось передать управление автопилоту, что означало, что аэрокар будет бросать сильнее, чем если бы он повиновался ее искусным рукам. Дэн висел на веревке, его болтало и кружило вокруг собственной оси, его то тащило вверх, то еще более внезапно швыряло вниз, швыряло по каким-то фантастическим дугам, превращая в язык коло-

кола, в который звонит оголтелый идиот.

Ветры грохотали и выли. В черепе Дэна звенела перебранка реактивных сопел, направленных к поверхности планеты с таким расчетом, чтобы их струи били мимо Дэна. А прямо под ним ревели теразавры и выбивали барабанную дробь из вздрагивающей под ними почвы. Обмотанная вокруг талии Дэна веревка с узлами, с одной стороны, не давала ему упасть, но с другой — при каждом движении болезненно врезалась в мышцы живота. Обеими руками он цеплялся за веревку над своей головой, стараясь хоть как-то контролировать ее движения, а она рвала ему кожу на ладонях и чуть не вывихивала руки. Жуткая вонь, исходившая от стада, заполнила его легкие. То ли от этого, то ли от верчения вокруг собственной оси Дэн был близок к потере сознания.

А вот и скала…

Примерно в двух метрах над ней Дэна пронесло по дуге, составлявшей примерно четверть окружности.

— Опускай! — крикнул он без надежды быть услышанным, но Ева поняла его и слегка стравила веревку. Он уже ждал, что сейчас его сапоги коснутся твердой поверхности скалы, но в это

мгновение аэрокар нырнул в очередную воздушную яму. Дэн рухнул вниз, крепко держась за веревку, и увидел, как каменный склон летит прямо на него. Еще мгновение — и они столкнутся.

Дэн всей тяжестью повис на веревке так, чтобы принять горизонтальное положение. Кривая, по которой его несло, прошла всего лишь в нескольких сантиметрах от вершины, что и спасло его от смертельного удара. Он разглядел лицо Билла Свободы с дико вытаращенными глазами и успел поджать ноги, чтобы не врезаться прямо в Билла.

Утес скрылся за спиной, а Дэн по-прежнему крепко цеплялся за канат. На обратном отрезке дуги его подошвы наконец коснулись скалы. Он позволил им сыграть роль тормозов, и хотя от этого его зубы выбили дробь, как кастаньеты, зато движение от этого почти прекратилось. Следующее соприкосновение маятника, которым был он сам, со скалой произошло мягко и медленно. Теперь он твердо стоял на ногах рядом со своими друзьями.

Ева немедленно стравила канат, теперь тот висел свободно и уже не мог стащить Дэна со скалы, даже если бы аэрокар внезапно рванулся вверх. Дэн в изнеможении опустился на камень. Сейчас

он мог утереть пот, избавиться от нервной дрожи и обрести нормальное дыхание.

Почти вплотную к нему сидел Билл Свобода.

— Ты в порядке? — невнятно спросил Билл. — Боже, ну и дела! Ты же мог отдать концы в любую минуту! И на черта тебе это понадобилось? Мы ведь вполне бы продержались до…

— А вы-то сами в порядке? — прохрипел Дэн.

— Д-да… Только Локаберы больны, но и их недолго вылечить.

Дэн на четвереньках подполз к Мэри.

— Я пришел за тобой, — шепнул он и крепко прижал к себе девушку. Почти уже без сознания, она пробормотала что-то невнятное. Дэн отпустил ее и начал совещаться с Биллом.

Ева стравила им еще больше каната, и они обвязали им людей под мышками с пятиметровыми интервалами. Билл в этой очереди был первым, так как его физическое состояние вполне позволяло ему помочь Еве, дальше шли Ральф и Мэри. Когда Дэн крепил на ней узлы, он чувствовал себя так, будто крепит какие-то особые интимные узы между ними. Последним на канате был сам Дэн, который лучше остальных мог выдержать сильные размахи маятника.

Дальше все было просто. Ева подняла аэрокар

выше, ведя его на минимально возможной скорости, пока наконец все четверо спасшихся не повисли в воздухе. Она продолжала поднимать машину, пока та не вышла из зоны сильных горизонтальных воздушных течений. После этого Ева передала управление автопилоту, а сама с помощью лебедки втащила их одного за другим на борт.

Хотя редукционные шлемы и были под рукой, но Ева на пути к станции Мунданс предпочла снизить давление в самой кабине. Локаберы сидели в креслах то ли в полусне, то ли в полузабытьи. Ева немедленно вызвала по радио врача станции, и он распорядился, чтобы люди с плато оставались в гостинице до тех пор, пока не восстановят свои силы настолько, что смогут выдержать перелет домой. Основываясь на отчете Билла, врач полагал, что это не потребует долгого времени и что уход за больными не будет сложнее, чем постельный режим и хорошее питание.

Дэн помалкивал. Казалось, он погружен в какие-то глубокие размышления. Сразу же после посадки он стал готовиться к новому вылету.

Когда с помощью воздушного шлюза Дэн прошел цикл адаптации к разреженной атмосфере, первой, кого он увидел, была Ева. Помещение

представляло собой общую спальню с небольшой кухонькой и еще более микроскопической ванной. Комната казалась голой и скучной, ее оживляли лишь окна, выходившие на лес и на озеро; однако отрывать их навстречу звонкому ветру за стеклом было нельзя. Ева поставила свой стул в узком проходе между рядами коек. Ральф лежал слева от нее, а Мэри — справа. Брат с сестрой были одеты в пижамы, под плечи им подложили мягкие подушки. Рядом с их койками стояла ваза с цветами трискиля, принесенными кем-то из посетителей. Золотое свечение цветов придавало комнате особую живописность и наполняло ее ароматом лета.

Дэн остановился как вкопанный. Ева плакала! Правда, потом она, видимо, сполоснула лицо, но, хотя он и редко видел ее плачущей, следы слез все-таки распознал.

— Привет, чужестранец, — приветствовал его шутливо Ральф. Однако в его голосе явно не хватало чувства, он был каким-то механическим. Локаберы явно шли на поправку, но вид их трудно было назвать счастливым. — Ну, как там экспедиционные делишки?

— Я бы сказал, весьма успешны. — Взгляд Дэна переместился на Мэри и явно не собирался по-

кидать ее. Ее волосы на белой подушке казались расплавленным золотом, а глаза были синей неба Верхней Америки. Она улыбнулась ему, но улыбка была неуверенная, даже робкая.

— А у вас тут как? — спросил Дэн, обращаясь в основном к Мэри.

— Да вообще-то все идет отлично. — Она говорила так тихо, что ему пришлось напрягать слух, чтобы расслышать слова в этом разреженном воздухе. — И это благодаря тебе.

— Ну, это просто пустяки! — Странно, но он не покраснел. Скорее уж по его коже прошел неожиданный холодок.

— Ничего себе пустяки! — Слова Ральфа звучали твердо. Он ведь по натуре тоже был лидером. — Немногие мужчины сделали бы то, что сделал ты: рискнули бы своей головой в такой ситуации.

— Я пыталась отговорить его, — глухо отозвалась Ева.

— Геройский поступок, — продолжал Ральф. — Ты спас нас еще от долгих часов терзаний. И не думай, что мы не благодарны тебе. Но все же мы здорово удивились. Зачем?

— Ради спасения ваших жизней, — ответил Дэн. — А может, даже больше — ради спасения ваших мозгов.

Мэри качнула головой.

— Нет, это вряд ли стояло на кону, дорогой, раз вы нас уже обнаружили, — сказала она медленно. — Мы могли бы продержаться еще какое-то время.

— Я не был уверен в этом, — ответил Дэн, чувствуя, что начинает сердиться из-за того, что она так поглощена собой. — Мне не было известно, сколько времени прошло с момента гибели вашей машины, а кроме того, вы могли принадлежать к той группе людей, чья выносливость к резко повышенному давлению очень низка. *Столь же низка, как моя — высока.*

— Мы не такие, — сказал Ральф. — Но все равно это был подвиг, и мы приносим за него искреннюю благодарность. — Он сделал паузу. — А затем ты тут же улетел обратно, даже не передохнув хоть немного… — Он хмыкнул, хотя явно не испытывал желания веселиться. — Я преклоняюсь перед тобой, вернее преклонюсь, как только врач разрешит мне покинуть постель.

Дэн был рад перемене темы разговора.

— В конце концов, все это моя работа. — Он поставил стул так, чтобы видеть их и Еву. Сидеть было чертовски приятно. Час за часом он только и делал, что тратил энергию. Полет отсюда об-

ратно к той долине, причем в условиях высокой турбулентности атмосферы; круговые полеты над все еще безумствующим стадом; бесстрастное холодное наблюдение за происходящим внизу, хотя агония животных причиняла ему почти такие же страдания, как и им. И то последнее, что он смог совершить. Но даже этот триумф не мог прогнать усталость, прочитавшую его до костей. Может, ему действительно следовало поспать хоть немного, прежде чем приходить сюда?

— Ты волновался из-за теразавров? — спросила его Мэри. — Ева говорила, что ты решил вернуться туда, но больше она ничего сама не знала.

Дэн кивнул:

— Угу. Они являются очень важной частью окружающей среды, и я не мог пропустить возможность узнать о них нечто новое и постараться спасти тех, что еще оставались в живых.

Ева приподнялась со стула. В ее глазах стало чуть меньше тоски и боли.

— И ты это сделал? — вскричала она.

— Думаю, да. — В нем тоже проснулось что-то вроде счастья. — Если быть откровенным, то этим я готов хвалиться больше, чем тем, что болтался на веревке вместо грузила.

— Что же произошло? Что ты сделал? — Ева вся

потянулась к нему.

Дэн широко ухмыльнулся. Волна радости все еще омывала его.

— Ну, понимаешь ли, теразавры вообще балдеют во время гона. Причиной должны быть изменения их биохимии — гормональные или феромональные, кто их знает, однако известно, что ничтожно малые количества этих субстанций меняют характер поведения животных, включая сюда и человека. Но это стадо вело себя так не в брачный сезон и безумствовало больше, чем в период спаривания. Но какое-то сходство с этим в поведении стада было. И я задумался над тем, какой новый фактор мог вызвать подобную ярость вне брачного гона.

Дэн остановился, чтобы перевести дыхание.

— Продолжай же, — торопила его Ева.

Дэн поймал взгляд Ральфа.

— Нефть — очень сложное вещество, — сказал он. — Кроме того, что это сложнейшее углеводородное соединение, она содержит множество ароматических веществ, и только одни химики знают, чего еще. Кроме того, ваше реактивное топливо содержало еще полимеры или что-то в этом роде, оставшиеся после перегонки и очистки. Я понял, что среди этих молекул должна быть

одна или целый набор, которые имеют случайное сходство с тем, что вызывает взрыв половой активности у теразавров. — У Мэри перехватило дыхание. — Это не ваша вина, — поспешил поправиться Дэн. — Кто мог предвидеть такое? Но данное событие показывает нам еще раз необходимость глубокого изучения процессов, происходящих на этой планете. Верно?

Молодой блондин нахмурился.

— Ты хочешь сказать… Постой-ка… — сказал он. — Несколько самцов действительно подошли к нашему кару, вероятно просто из любопытства. Они ощутили запах не полностью сгоревшего топлива, содержащегося в выхлопах: мы оставили мотор работающим в качестве предосторожности… тогда мы считали это разумным. Этого запаха было достаточно, чтобы самцы пошли в атаку, отрезав нас от кара. Затем, когда первый бак был пробит и несколько сот литров топлива вылились на землю, в бешенство пришло все стадо. Ты это имел в виду?

Дэн снова кивнул:

— Верно. Хотя, конечно, тут вся ситуация была неправильная, несбалансированная. Молекулы, которые сыграли роль пускового механизма, должно быть, были сходны с естественными

половыми агентами, но все же не идентичны. Кроме того, время было совсем неподходящее и так далее. Неудивительно, что они впали в какое-то невиданное бешенство. Ты представь, что тебе вкатят мощную дозу какого-нибудь важного гормона…

— Любопытная мысль. Но ты уверен в ее правильности?

— Биохимикам придется отработать детали, но… да, я уверен, что в основе прав. Видишь ли, я слетал на то место, и животные все еще неистовствовали. Тогда я поджег разлитое горючее с помощью термитной бомбы. Оно тут же вспыхнуло и в этой атмосфере быстро сгорело. И почти сразу же животные стали успокаиваться. Ко времени моего отлета взрослые уже стали возвращаться к своим малышам.

— М-м-м…

— Мне понятно твое дурное настроение, Ральф. Твое семейное предприятие решило наладить массовое производство двигателей внутреннего сгорания, работающих на нефти. Теперь же вам придется предварительно провести огромную научно-исследовательскую работу. Дело-то коснется не только теразавров, как ты понимаешь. Тут речь пойдет обо всех родственных им видах,

а может, и обо всей экологии Низин.

— Так вот почему ты так старался спасти это стадо, — как бы про себя произнесла Мэри. — Ева рассказывала нам, что ты был непреклонен.

— О, тогда у меня еще не было никаких твердых доказательств… так, одни общие соображения, — ответил Дэн. Его настроение ухудшалось. Стараясь поднять его, он сказал: — Это ведь вовсе не означает, что проект твоего отца будет прикрыт навсегда. Как только удастся установить, какие именно химические вещества оказывают воздействие на животных, я уверен, их можно будет извлечь из горючего.

— Вполне возможно, — выдавил Ральф улыбку. — Значит, ты оказал нам огромную услугу. Не только спас нас, но и предотвратил большие финансовые потери.

— Но ведь ты же не знал! — вырвалось у Мэри.

Дэн так и подскочил на своем стуле:

— О чем ты?

— Ты не знал… тогда… но если бы и знал, так ведь есть же **и** другие стада… — Мэри разрыдалась.

Встревоженный, он шагнул к ней, встал на колени возле кровати и взял за руку. Ее рука лежала в его ладонях, холодная и безжизненная.

— Мэри, что случилось?

— Этого я и боялась… того, о чем говорили Ральф и Ева… перед тем, как ты пришел сюда… неужели не понимаешь? Ты так любишь эту страну… что ради того, чтобы спасти какую-то частичку ее… ты рискуешь…

— Только не твоей жизнью! — воскликнул он.

— Нет… Я д-д-думаю, нет… Зато ты рискуешь своей!

— А почему бы и нет, если я считаю это нужным? — спросил он, все еще ничего не понимая.

Ее отчаянный взгляд ни на мгновение не отрывался от его лица.

— Я думала… я надеялась… Все эти годы, которые мы могли бы пробыть вместе… ты рискнул и ими!

— Но… Но, Мэри, ведь это же моя работа.

Часто и глубоко втягивая в легкие воздух, она овладела собой и смогла продолжать, даже с легкой тенью улыбки:

— «Я б не любил тебя так сильно, когда бы больше не любил я честь». Дэн, мне никогда не был по душе такой подход. Или, вернее, я думаю, что двое должны делить между собой все, в том числе и честь, что ли… Если они хотят разделять прежде всего друг друга. Мы принадлежим раз-

ным странам, ты и я. Можешь ты это понять?

Он покачал головой:

— Нет. Боюсь, не могу. — Дэн встал, собираясь уходить. — Ты все еще не пришла в себя от этих испытаний, Мэри. Я не держу на тебя зла. Давай поговорим об этом попозже, хорошо?

Он наклонился над ее кроватью, и губы их слегка коснулись друг друга. Будто они чужие.

Хотя воздух снаружи был влажен и жарок, поднявшийся ветер уже шумел в вершинах деревьев, а над озером вставала быстро бегущая синевато-черная стена ливня, который должен был все промыть, все освежить.

Не видно было ни души, когда Дэн и Ева вышли из гостиницы. Однако они не пошли по дороге между домами, а вышли на берег. Вода плескалась у самых ног. Вдалеке вспыхивали молнии, отражаясь в стальной поверхности воды. По небу прокатились громовые раскаты.

— Что ж, — бросил Дэн ветру. — Полагаю, все кончено.

— Ты переживешь это, — отозвалась Ева так же тихо и безжизненно, как говорил он. — Вы оба перенесете и встретитесь друзьями, когда настанет время.

— Но все-таки, почему она не видит…

— Видит, Дэн. В том-то вся и беда, а может, и спасение! Она видит слишком четко.

— Ты хочешь сказать: потому, что я люблю эту страну, она считает, будто я не смогу любить ее — Мэри? Нет, у нее не такая мелкая душа!

— А я и не утверждала этого, Дэн. Она настоящий человек, мудрый и добрый. Пойми, она может жить здесь, всегда оставаясь в своей клетке — хижине и шлеме. Но заставить тебя сидеть там же около нее всю твою жизнь или большую часть ее для Мэри равносильно тому, что она посадит в клетку тебя. Тебя, у которого сейчас есть весь мир. Так лучше порвать сразу, пока вы еще любите друг Друга.

И ты, Ева, унаследуешь меня, подумал он с горечью. Он взглянул на нее, но лицо Евы было обращено в другую сторону, и Дэн видел лишь мечущиеся на ветру красно-рыжие волосы.

Ветер взревывал, гром перекатывал тяжелые ядра. Дэн едва расслышал то, что было сказано минутой позже.

— Именно это мне пришлось сказать Ральфу перед тем, как ты вошел в комнату. Он просил меня выйти за него замуж.

Дэн не мог даже вздохнуть. Первые жгучие капли дождя ударили его по лицу.

А затем она повернулась к нему и взяла за обе руки. В ее глазах Дэн увидел не мольбу, не приглашение, а вызов — начать все сначала.

ДОБРАЯ СДЕЛКА

Рустам вообще не знал такого времени года, как земная осень. Но на плато Верхней Америки было что-то хоть немного напоминавшее о листопаде и о бабьем лете той страны, по имени которой эта получила свое название, и то только потому, что многие растения с планеты-матери были завезены сюда и тут прижились. Во всяком случае, так рассказывали самые старые из переселенцев. Теперь таких осталось уже совсем мало. Дэниел Коффин знал Землю только по книгам и картинам; и еще его приемный отец когда-то показал крохотную звездочку вблизи созвездия Волопаса и сказал, что это земное Солнце.

Красные листья клена, желтая листва берез, отливающие золотом пурпурные листья римовых деревьев облетали под ветром, а над ними колебались голубые плюмажи перистого дуба, который на зиму не сбрасывает свою листву. Основателями Анкера были предусмотрительные мужчины и женщины. Они проложили широкие улицы, обсадив их саженцами деревьев, хотя сами первопоселенцы еще долго продолжали

ютиться в палатках и землянках. Летом деревья дарили городу тень, а сегодня они осыпали яркими листьями тротуары, стены из кирпича и цветного бетона, крыши старых сборных строений, которые еще сохранились, легковушки и грузовики и даже редкие фургоны с конской упряжкой. Эти сувениры первопоселенцев ветер разносил по всем улицам.

Ребятишки, бегущие в школу, шныряли меж взрослых пешеходов. Их веселые крики были слышны издалека. Коффин припомнил тяготы и нищету тех дней, когда ему приходилось так же трудно, как и всем остальным, и слегка улыбнулся. *Да, прогресс неплохая штуковина,* подумал он.

Ветерок обтекал Дэна, шепча ему что-то, холодил лицо и слегка обжигал ноздри. Небесный купол был чист, сиял нежной голубизной и был испещрен множеством птичьих стай, летевших на юг. На востоке восходило солнце — красно-оранжевое, не слепящее глаза.

Оно уже довольно высоко поднялось над снежными пиками Геркулесовых гор. Хотя окрестностями Анкера служила вся планета, но сам по себе он был невелик — около десяти тысяч постоянных жителей, из которых больше половины составляли дети. Можно считать, что тут жила

почти четверть всего человечества Рустама.

Взглянув в противоположную сторону, Коффин увидел рваные клочья дыма, поднимавшиеся над невысокими крышами домов. Порыв ветра донес до него крепкий запах тухлых яиц. Он поморщился. *Но иногда прогресс идет вкривь и вкось,* подумал он. Хотя сам Дэн этого своими глазами не видел, но по книгам и фильмам, **а** также по рассказам свидетелей прекрасно запомнил, что сделали с Землей перенаселенность и развитие промышленности.

А что до детей… Тут радость, доставленная ему прекрасным деньком, покинула его. Больница. Его сердце колотилось, а по ступенькам он поднимался куда медленнее, чем хотел бы.

— Доброе утро, мистер Коффин! — Медицинская сестра, сидевшая за конторкой, была совсем еще юной. Она говорила с ним почтительно-восторженным тоном, который он до сих пор находил забавным. Это с ним-то — с простым парнем Дэном Коффином, фермером с Низин!

Что ж, надо признаться, он получил известность, еще когда был молод, потому что оказался одним из немногих, кто мог исследовать огромные пространства Низин и добывать знания о Рустаме, необходимые всему местному челове-

честву. Кроме того… да, он попадал в истории, о которых долго еще вспоминали. Но сам он всегда морщился, когда слушал рассказы о них, и вспоминал старое присловье, что приключения бывают только у тех, кто не отличается большой компетентностью. Правда, он тут же делал скидку на то, что когда весь мир никому не известен, то предусмотреть все фокусы, которые способен выкинуть закон Мерфи[3], просто невозможно.

Да и вообще все это было в далеком прошлом. Он поселился в Низинах вблизи озера Мунданс уже тридцать пять лет назад. (Это двадцать земных лет, отозвалось в нем эхо его детства, когда все старожилы старались поддерживать традиции вроде Рождества.) О да, у него там самая крупная в тех местах, да и во всех Низинах тоже, плантация. Его можно назвать зажиточным. Соседи в радиусе трех-четырех сотен километров смотрят на него как на своего лидера и сделали его своим представителем в Верхней Америке. Тем более…

— Доброе утро, мисс Херцкович, — сказал он и поклонился, согласно тому, как было принято в Анкере, где на манеры обращалось куда больше

[3] Примечания: 3

Закон Мерфи гласит: все, что может испортиться, испортится. (Здесь и далее примеч. пер.)

внимания, чем у парней из Пограничья. — Хм… я знаю, сейчас еще рано, но у меня вскоре деловое свидание, и я подумал…

В ее глазах появилось выражение жалости, которое наполнило его душу страхом.

— Да-да, разумеется, мистер Коффин. Ваша жена уже проснулась, вы можете пройти прямо к ней.

Этот взгляд сопровождал его все время, пока он шел по коридору — плотный, мускулистый человек в простой дорожной одежде, готовый к тому, чтобы пуститься в путь сегодня же вечером; черты лица грубоватые и обветренные, черные волосы припорошены сединой. Он ощущал этот взгляд не только спиной, но и сердцем.

Дверь в палату Евы была открыта. Дэн прикрыл ее за собой. На какое-то время ему показалось, что он онемел. На высоко взбитых подушках солнечные лучи, падавшие в окно, вернули гриве ее волос прежний ярко-рыжий тон, тот самый, который был у нее, когда они впервые познакомились. Она кормила грудью их ребенка. На столе стояла ваза с розами. Их принес ей не он; он даже не знал, что в городе есть оранжерея. Должно быть, цветы от медиков. Но это значит…

Ева подняла глаза и взглянула на него. Зелень ее глаз выцвела от усталости и (он тут же понял

это) от недавно пролитых слез. По той же причине веснушки на ее курносом лице проступали особенно ярко. И все же она явно поправлялась — быстрее, чем могла бы и женщина куда моложе.

— Дэн… — Он уже давно имел затруднения со слухом. Воздух в Верхней Америке был почти так же разрежен, как воздух Земли. Теперь ему приходилось читать по губам. — Нам не отдают его!

Он сжал кулаки:

— Этого быть не может.

Сейчас она говорила громче, разделяя слова короткими паузами.

— Решение окончательное. Они проделали все анализы, какие только можно, и сомнения нет. Если мы возьмем Чарли в Низины, он умрет.

Дэн рухнул на стул, стоявший возле кровати, и потянулся за ее рукой. Она отстранилась. Крепко прижимая ребенка обеими руками, она тупо смотрела в стену прямо перед собой, а потом сказала без всякого выражения:

— Это произошло двенадцать или тринадцать часов назад. Пытались связаться с тобой, но не смогли.

— Да. Я… У меня были дела, неотложные дела.

— У тебя их всегда полно… даже пока я тут.

— О Боже, родная, разве я этого не знаю! — Он

слегка коснулся ее плеча. Его рука дрожала. — Но ведь и ты это знаешь, — молил он. — Я же объяснял тебе…

— Да, конечно. — Она повернула к нему лицо с тем решительным видом, который он знал очень хорошо. Она даже попыталась улыбнуться, но из этого ничего не получилось. — Просто мне было очень одиноко. Мне так не хватало тебя… — Больше сдерживаться она не могла, опустила голову и разрыдалась.

Он вскочил, склонился над ней и неуклюже прижал к груди и ее, и того ребенка, который, по мнению докторов, будет у нее последним.

— Я знаю полдесятка прекрасных семей, где будут счастливы усыновить его, — сказал он. — Именно это одна из причин того, что я был так занят. Надо было подготовиться на всякий случай. Мы сможем навещать его, когда захотим. Это же совсем не то, что смерть, верно? И, конечно, мы усыновим экзогенного ребенка, как только будет такая возможность. Родная, мы же оба знали, что наша удача не будет длиться вечно. Трое собственных детей, знаешь ли, прекрасный дар судьбы. Мы должны радоваться этому. Правда должны, девочка.

— Д-д-да, это так… только… маленький Чарли,

который сейчас сосет мою грудь… Может, мы сможем переселиться сюда, Дэн?

Он весь напрягся, прежде чем смог ответить серьезно и вдумчиво:

— Нет. Ничего это не даст. И ты это сама знаешь. Мы потеряем все… ради чего мы… и наши остальные дети… работали и надеялись. Мы будем тосковать по дому…

…По высоким горам, по рекам, стекающим, сверкая и звеня, с голых скал, по бескрайным лесам — бирюзовым, красно-коричневым и золотым, которые переходят в еще более бескрайние степи, где пасутся бесчисленные стада дивных животных; по морям, где вздымаются волны, вызванные деятельностью солнца и лун, бросающие вызов человеку, стремящемуся открыть дверь в мир на крошечных парусниках; по небесам, скрытым пологом серебристых облаков, где все внезапно меняется, где сверкают молнии, откуда внезапно обрушиваются чудовищные ливни, похожие на реки, бегущие через пороги; по воздуху — плотному и насыщенному запахами почвы, воды и жизни, благодаря чему **и** жизнь человечества становится богатой и исполненной сил; по дому, который выстроен их руками и из жалкой хижины превратился в изящный коттедж; по

огородам, садам и огромным полям, вспаханным их руками, по озеру, что похоже на море **и** лежит среди полей, по диким зарослям вокруг него; по друзьям, с которыми они пер>еплелись своими корнями **и** которые тейерь для них больше чем друзья, а их дочка стала первой любовью мальчика по имени Джошуа Коффин…

— Ты прав, — сказала Ева. — Ничего из этого не получится. Я… я… справлюсь с этим… попозже… А пока поддержи меня, Дэн, дорогой. Будь со мной рядом.

Он отпустил ее и встал:

— Не могу, Ева. Сейчас никак не могу.

Она смотрела на него почти с ужасом.

— Как раз сейчас судьба всей нашей общины зависит от… ну… от меня, — еле выговорил он. — От перемен. Мы — ты и я — обговаривали это не раз.

— Но… — Она переложила гукающего ребенка, чтобы освободить правую руку, и умоляюще протянула к нему: — Но разве это не может подождать немного? Оно и так ждет уже давно…

— Вот это и есть ответ. Все, ради чего я трудился, решается именно сейчас. Я не имею права мешкать. Сейчас самое выигрышное для нас время. Я чувствую это всей кожей. Я не могу поз-

волить… этому человеку остыть. Он тогда сможет увильнуть от соглашения, которое сейчас готов заключить. Я его изучил, поверь мне. В политике всегда так — ты или хватаешься за свой шанс, или…

Политика!

Все то недолгое время, которое у него еще оставалось, Дэн утешал Еву. В конце концов она приняла его прощальный поцелуй и обещание вернуться, как только он освободится от дел, принеся в качестве подарка свою победу и победу своих товарищей. Он не сказал ей, что победа отнюдь не гарантирована. Впрочем, это она знала и сама. Ее ум и воля давно уже стали частью его разума и воли. Сейчас она просто устала, она нуждается в нем, а он за всю жизнь не совершил такого трудного дела, как сейчас, когда покидал ее рыдающей, чтобы выполнить свой проклятый долг.

Или попробовать его выполнить. Что может быть надежного в мире, который никогда не предназначался для человека?

Взгляните на этот мир, такой странный и чуждый во всех отношениях, и прибавьте сюда тот факт, что никакой помощи ему с Земли быть не могло — с той самой Земли, которую крошечная

кучка свободолюбивых людей когда-то оставила за своей спиной. И еще учтите, что сила тяжести тут на четверть выше, чем на Земле, где ваш вид и его предки вплоть до первой полуживой плесени эволюционировали и видоизменялись.

Вряд ли переселенцам было легко привыкать к этой силе тяжести. Их дети, родившиеся уже на Рустаме, приспосабливались к ней уже лучше. Но вынашивать и рожать этих детей было куда как нелегко. И для большинства женщин это будет трудно и в будущем, пока естественный отбор не создаст совершенно новую человеческую расу.

Хуже было то, что высокая сила тяготения удерживала на планете более мощную атмосферную оболочку, чем на Земле. Поскольку она была куда плотнее, люди могли свободно дышать лишь вблизи вершин самых высоких гор. Когда они спускались вниз, концентрация различных газов резко возрастала, пока не превышала определенного порога, за которым лежали тяжкие для человеческого организма последствия: двуокись углерода начинала душить, азот производил опьяняющее действие, кислород медленно сжигал ткани. У среднего человека это вызывало заболевания, а при более длительном пребывании в такой атмосфере — смерть. Еще быстрее

умирали дети.

Надо сказать, что люди сильно отличаются друг от друга. То, что одному полезно, для другого — яд. Такое разнообразие типов требует для своего поддержания обширного генетического фонда. Первых колонистов на Рустаме было очень мало, они обладали слишком бедным набором хромосом, чтобы обеспечить надежное выживание расы в условиях глубоко чуждой человеку природной среды. Но они смогли привезти с собой запасы спермы и яйцеклеток доноров, как это обычно делалось с животными. Эти половые клетки можно было соединять и держать в специальных аппаратах, где и развивались экзогенные дети с различными сочетаниями хромосом. Таким образом, Рустам имел более миллиона потенциальных родителей.

Доноры на Земле отбирались с учетом их способности переносить высокое атмосферное давление.

Кое-кто из первых колонистов мог выдерживать давление на средних высотах; некоторые могли там даже жить. Но экзогены вроде Дэниела Коффина и Евы Спейн могли жить на любых уровнях: от океана до альпийских гор. Для них и для их потомков, а также для тех, кто родится с та-

кими же качествами, вся планета была открыта.

Люди бесконечно разнообразны. Те, что находятся на одном конце шкалы адаптивности, вовсе не обязательно дают точно таких же потомков. Безусловно, среди них окажутся и такие, что легко выжили бы на Земле, но к новым условиям приспосабливаются с трудом. А кое-кто, возможно, окажется совершенно негодным для жизни в условиях Рустама и умрет еще в утробе матери.

Вследствие такой вероятности каждая женщина, которая могла себе это позволить, стремилась провести вторую часть беременности в Верхней Америке. В прежние годы Коффин нередко навещал там Еву. В этом же — последнем — случае, она видела его очень редко, несмотря на то что почти все время он проводил на плато.

Томас де Смет был довольно молодым человеком. Несчастный случай, повлекший смерть его отца, рано поставил его у руля Кузницы. Дело он вел хорошо, производя большую часть тяжелых, машин Рустама, и сейчас планировал дальнейшее расширение производства. До сих пор это было сравнительно небольшое семейное предприятие, с немногочисленным наемным персоналом. С тех пор как машины стали строить другие машины, объем производства стал весьма

внушительным. Узким местом в этом мире всегда был недостаток рабочей силы, и поселенцы всячески изворачивались, чтобы справиться с этой проблемой.

Коффин был знаком с де Сметом еще со школьных лет, хотя и не очень близко. На Рустаме все семьи, игравшие заметную роль, так или иначе были знакомы друг с другом. Когда первые слухи о проекте де Смета дошли до слуха Коффина, он решил, что Том — тот человек, на которого можно сделать ставку. В этом году Дэн затратил уйму времени, чтобы наладить дружеские отношения с де Сметом.

Хуже всего то, думал Коффин, *что мне этот парень нравится. Он мне очень нравится, и я чувствую себя просто скотиной из-за того, что собираюсь с ним сделать.*

— Привет, Том, — сказал он. — Извини, опоздал.

— Пустяки, — ответил де Смет. — Все равно у меня сегодня выходной.

— Ну, это еще как сказать.

— Дэн, уж не думаешь ли ты снова вести пропаганду среди меня? Я-то полагал, что мы отправляемся на рыбалку.

— Сначала я хотел бы показать тебе кое-что.

Оно тебя заинтересует.

Де Смет — долговязый блондин — внимательно поглядел на Дэна. Ничего в слегка кривоватой улыбке, ленивой позе и протяжном говорке не выдавало серьезных намерений. Однако именно такой вид Коффин имел во время игры в покер.

— Как скажешь. Полетим?

Они сели в аэрокар. Поскольку Коффин должен был играть роль проводника в первой части их путешествия, де Смет жестом предложил ему занять место пилота. Машина вздрогнула, загудела и взлетела с посадочной площадки, находившейся на задах Кузницы. Анкер превратился в скопление кукольных домиков при слиянии рек Быстрая и Тихая, дававших начало Императорской реке. Все три потока сверкали, как обнаженные мечи. Вокруг лежала сельская местность — коричневые вспаханные и сжатые поля, янтарные поля поздних сортов зерновых, тускло-зеленые луга земных трав и клевера, сине-зеленые луга их местных эквивалентов, многоцветие древесных куп и лесов — сложная и прекрасная шахматная доска. Между редкими фермами вились темные нитки проселочных дорог. Далеко на севере, где обрывалось плато Верхней Америки, белое море облаков вскипало

над Низинами. На востоке вздымались белые пики Геркулесовых гор; на юге виднелся над горизонтом еще более высокий хребет Кентавровых гор. К западу обработанные поля уступали место лесным дебрям.

Коффин направил аэрокар на запад, передал управление автопилоту, откинулся на спинку кресла, вытащил из кармана трубку и кисет с табаком. Он не хотел вести машину на большой скорости. Равноденствие только что миновало, продолжительность дня все еще превышала тридцать часов.

— Как Ева? — спросил де Смет.

— Сама она уже почти здорова. — Коффин немного помолчал. — Как мы и опасались, нам не разрешают взять малыша домой.

Де Смет поморщился:

— Плохи дела. — Его пальцы коснулись руки Дэна. — Не могу выразить, как я огорчен.

Коффин старательно разминал табак в трубке.

— Нам уже приходилось видеть, как это было у наших соседей. Ева, конечно, переживает, но она — мужественный человек. Мы возьмем еще одного экзогенного ребенка, который сможет жить в наших условиях. — Они уже добавили к своим родным детям экзогенную девочку, как того тре-

бовал обычай от каждой семьи. — Я напомнил ей, что она, да и я любим Бетти не меньше, чем тех, которых смастерили сами. И это чистая правда.

— Естественно. Хм-м… а ты уже предпринял какие-нибудь шаги в отношении… своего?

— Пока нет. Мы ничего не могли делать, пока не было окончательного вердикта. — Коффин помолчал. — Не бойся ответить мне отказом, я понимаю, что это не мое дело, да и возможностей у нас много, но как вы с Джейн отнеслись бы к тому, чтобы взять в семью нашего Чарли?

— Что? Ну, м-м-м…

— Вы ведь еще не брали своего экзогена? А мы готовы взять второго. Правила разрешают семьям, как ты знаешь, проводить такого рода замену. Ева и я были бы счастливы, если бы именно вы воспитали Чарли. А уж потом вы сами сможете или заказать себе экзогена, или отказаться от этого — как захотите.

— Это несколько неожиданно, Дэн. — Де Смет погрузился в раздумье. — Мне придется обсудить все с Джейн, разумеется. Хотя, откровенно говоря, мне это представляется очень заманчивым предложением. Вместо того чтобы брать безусловно хорошего ребенка, но от неизвестных родителей, мы получим такого же, но из отличной семьи. —

Подумав еще, он добавил: — И… хм… такое дело создало бы новые узы между двумя влиятельными семьями на плато и в Низинах.

Коффин хмыкнул.

— Фактически, — сказал он, — мы просто меняемся детьми. Ты бы усыновил сироту из пробирки, а теперь это должна будет сделать Ева. Так что ты обретаешь свободу выбора, а мы получаем отличную семью для Чарли. Обе семьи заключают что-то вроде, как ты сказал, союза. И дети тоже выигрывают. Но мне еще необходимо обговорить все с Евой. Впрочем, я чувствую, что она будет в восторге, если Джейн согласится.

Он занялся трубкой. Смет хотя и не курил, но против табачного дыма не возражал. Среди многих достижений своей плантации Коффин числил то, что вместе с агрономом вывел сорт табака, который мог расти на почве Рустама, не становясь при этом нестерпимо крепким.

Он еще некоторое время попыхивал трубкой, а затем добавил:

— Это как раз то, на чем ты настаивал во время наших споров: добрая сделка — не грабеж.

Де Смет привел эту старинную поговорку экономистов Коффину в тот вечер, когда они в первый раз заговорили с ним о делах. Это было

несколько лунников спустя после того, как они достаточно хорошо познакомились друг с другом. Они даже развлекались, дотошно высчитывая, сколько именно лунников спустя. Что до самих лунников, то так называлось время, нужное для того, чтобы обе луны заняли на небе то же самое положение. Официально, но не слишком точно, лунник равнялся пяти местным дням.

Коффин тогда как раз вернулся из одной из своих частых экспедиций в лесные дебри плато, вернулся в Анкер, к Еве. Де Сметы пригласили его на обед. После обеда мужчины допоздна засиделись за беседой.

На Рустаме это означает нечто существенно меньшее, нежели на Терре. Люди здесь бодрствуют значительную часть очень длинной темной ночи. Но сейчас большая часть жителей Анкера действительно спала. Коффин спросил:

— Но *почему* ты не хочешь? Я говорю тебе, и готов к тому, чтобы твои эксперты все тщательно проверили; я уверяю, что все это окупится. Кузница получит прибыль.

Де Смет ответил не сразу. Они сидели бок о бок, рядом на столе стояла бутылка виски и стаканы, рука гостя сжимала трубку. Беседа шла на балконе. Было тепло, где-то громко стреко-

тал жук-скрипун, журчала и плескалась вода; окна Анкера уже погасли, на улице освещение отсутствовало, но город освещался бронзово-серебряным светом неба, полного звезд, в котором плыли луны — большой выпуклый Ракш и маленькая верткая Сухраб.

— Мне не хотелось бы показаться Скруджем[4], — сказал наконец де Смет, — но ты мне не даешь иного выбора. Очень уж мала прибыль.

— Вон оно как? Да при наших ресурсах…

Де Смет тяжело вздохнул:

— Разреши, я произнесу речь, Дэн. Я очень симпатизирую вам — понизовщикам — и особенно твоей общине, что возле Мунданса — самой большой из всех. Вы хотите к сельскому хозяйству, разработке леса и тому подобному добавить еще промышленность. Сейчас все машины, производящие машины, сосредоточены здесь, ибо колонизация началась тут — на плато — и еще потому, что Верхняя Америка — это то место, где живет подавляющая часть населения планеты. Ты хочешь, чтобы я перевел в Низины большую часть очень ценного оборудования и технического персонала и построил вам производственные

---

[4] Примечания: 4

Скрудж — скряга, герой повести Диккенса «Рождественская песнь в прозе».

предприятия, которые будут принадлежать вам, а не мне.

— Верно. Верно. Но мы не желаем никаких подарков. У нас есть деньги, заработанные продажей того, что мы производим…

Де Смет поднял руку:

— Подожди, я еще не кончил. Мне придется говорить о вещах абстрактных, с твоего позволения.

Деньги — всего лишь символ. Они дают тому, кто ими обладает, определенные права на труд и на собственность других людей. С деньгами можно играть в разнообразные игры, но в этом процессе можно и позабыть, что они такое, и остаться у разбитого корыта. К счастью, такая опасность на Рустаме пока отсутствует. Во-первых, потому, что нас слишком мало и грандиозные финансовые проекты тут не сработают. Во-вторых, у нас здесь свободная рыночная экономика и твердая, основанная на золотом стандарте, валюта.

А почему она у нас есть? Во-первых, потому, что основатели колонии хотели быть свободными, независимыми людьми. А право торговать, покупать и продавать как кому захочется — один из краеугольных камней этой свободы. Во-вто-

рых, они были хорошо начитаны в истории. Они знали, куда ведут дешевые деньги, ведут с такой же неизбежностью, как ведет к ожогу огонь, в который ты сунешь руку. Поэтому наш Общественный Договор привязывает нашу валюту к золоту, количество которого растет медленно и не может обогнать рост реального богатства страны. И поэтому все наши сделки проводятся только с помощью наличных денег. Конечно, возможен кредит, заем, если найдется желающий их предоставить. Но в этом случае кредитору можно только посоветовать держать свой карман туго застегнутым.

И как результат, сейчас, когда первые тяжелые годы миновали, сейчас, когда продукция растет куда быстрее, нежели растет количество денег, цена почти на все товары падает.

— Это-то мне хорошо известно, — запротестовал Коффин. — То, что я получил за свою пшеницу в прошлом году, еле покрыло расходы по ее производству.

Де Смет кивнул:

— Так и должно быть. Плодородные почвы, новые сорта семян, приспособленные к здешним условиям — и мы с легкостью получаем избытки, которые гонят цены вниз. А между тем машины

и рабочие руки пока в недостатке и спрос на них велик. Отсюда и следует рост цен на эти товары, или, вернее, цены на них не падают пропорционально падению цен на сырье.

— Тебе-то легко рассуждать!

— Но ведь ты не голодаешь? Одно из преимуществ отсутствия эмиссии денег заключается в том, что это ставит преграду спекуляции, причем в первую очередь отдельными гражданами. Человек не может потерять свою ферму из-за неуплаты по закладной, ибо, во-первых, он этой самой закладной нигде не получит, хотя его земля и представляет определенную ценность. — Тут он остановился и с тревогой сказал: — Я надеюсь, ты не думаешь, что я говорю с тобой, как с невеждой, Дэн. Это все та самая элементарная экономическая наука, которую мы проходили в школе. Я просто напоминаю ее тебе в самом сжатом виде. Хочу, чтобы ты понял — у меня есть более важные причины отказать тебе, нежели погоня за прибылью и жадность.

— Ладно, но взгляни, Том: я ведь зажиточнее большинства моих соседей в Низинах, но и я чувствую, когда меня щиплют.

— Ты хочешь сказать, что иногда у тебя появляется желание сделать нечто такое, чего ты не

можешь добиться без помощи Верхней Америки? Ты, например, возможно, мечтаешь о технически совершенной современной мельнице, а не о водяной или ветряной, или о том, чтобы не продавать свое зерно здесь, после чего ты вынужден покупать часть его обратно в виде готового хлеба, но по гораздо более высокой цене. Да, естественно. Но дело-то просто в том — ия очень сожалею об этом, — что вам все равно придется делать это до тех пор, пока не будет достаточно машин, чтобы можно было брать их в аренду или покупать по низким ценам. А пока вы можете только одно — перейти на экономическую самодостаточность. И никто не приставит вам к виску пистолет, заставляя вас производить больше, чем вы можете потребить сами.

Де Смет набрал побольше воздуха, чтобы продолжать.

— Видишь ли, если мы дадим вам субсидии, нам придется самим оплачивать их, либо с помощью налогообложения, либо инфляции. Неважно как, результат будет один: надо будет отнять доходы у жителей Верхней Америки, чтобы обогатить понизовщиков, которые нам ничего взамен не дадут. Фактически любой вид официального вмешательства в процесс ценообразования вносит

в экономику хаос. Вместо того чтобы встретить трудности лицом к лицу и решить проблему раз и навсегда, мы спрячем ее за фиговым листком бумажки. Так она станет еще более нерешаемой и родит новые завихрения, и так далее и так далее.

Машины и труд дороги потому, что на них есть спрос и они ценны в полном смысле этого слова. На свободном рынке цена товара есть не что иное, как показатель того, сколько люди готовы дать в обмен на него.

— А вы — горцы из Верхней Америки, — Коффин рубанул воздух ладонью, — имеете куда больше машин, чем вам положено, даже если пересчитать на душу населения. Это означает, что именно в ваши карманы текут денежки, как бы мы — понизовщики — ни старались изменить положение. А это уже несправедливо.

Де Смет отпил виски, а потом покачал головой и вздохнул:

— Дэн, Дэн, в тебе говорит человек из Пограничья. Ведь ты по опыту, добытому собственной шкурой, лучше меня знаешь, что одному человеку везет во всем, а другому — нет.

Но ведь твои люди не страдают, страдают разве что только их чувства. Самые бедные из них хорошо питаются, достаточно прилично одеты и

имеют крышу над головой. Ты сам, если судить по твоим же фотографиям, которые ты мне показывал, живешь в доме больше и лучше моего, живешь как какой-нибудь средневековый барон. Вы, понизовщики, имеете много вещей, которых нет у нас, например, обширные никем не заселенные территории, где можно разгуляться, и… тот, кому это не по душе, всегда может вернуться и найти свое место у нас. Мы ведь постоянно нуждаемся в рабочих руках, и такой человек всегда найдет здесь прекрасную плату за труд.

— Но мы хотим быть сами себе хозяевами! — рыкнул Коффин, хотя и без всякой враждебности.

— Ия восхищаюсь вами по этой причине, — сказал мягко де Смет. — И все же давай вспомним ваше происхождение. Люди, которые могли жить в Низинах, сначала отправились туда, чтобы изучать эти Низины, и Верхняя Америка платила за это, так как добытые ими знания могли оказаться очень важными. Потом эти люди полюбили тамошние земли и поселились на них. И это было хорошо, это было правильно. Человечество должно заселить всю эту планету.

Но процесс заселения шел медленно. И пока большинство из нас все еще привязано к высо-

когорному плато. И у нас есть такое же право, как и у вас — повышать свой уровень жизни, не так ли? И раз вы — понизовщики — можете присоединиться к нам, но не хотите этою сделать, то почему мы должны приносить жертвы и поддерживать вас в этом свободно сделанном выборе, гораздо более свободном, чем тот, которым обладаем мы?

Это именно тот случай, когда закон спроса и предложения отражается в социальной жизни общества. Верхняя Америка тоже еще молода, тут дел непочатый край. И мы должны сделать очень многое, ибо мы подойдем к перенаселенности куда раньше, чем понизовщик со своего крыльца увидит дымок из трубы дома своего соседа. Быстрый оборот капитала, высокая прибыль, полученная здесь же, все это отражает необходимость, как и тот факт, что здесь гораздо больше людей, нуждающихся в поддержке.

Пожалуйста, пойми меня правильно, но если по-честному, то мне кажется, что именно ваша община хочет отхватить кусок непропорционально большой, а не наша.

— Я уже сказал тебе, что нам не нужна милостыня, — ответил Коффин, и его тон свидетельствовал, что терпение понизовщика уже

на исходе. — Я могу доказать тебе, что прибыль от любых инвестиций, которые вы сделаете в Низины, будет хорошая. Может, и не столь высокая, как у инвестиций, сделанных в экономику Верхней Америки, но все равно вы выгадаете, и немало.

— Мы уже сделали значительные вложения в Низины, — указал де Смет.

Коффин яростно закивал головой:

— Да! Шахты, электростанции, транспортные пути — все это принадлежит вам — горцам. И вы нанимаете понизовщиков, чтобы они работали на вас, ибо это ваша собственность, и вся прибыль тоже идет вам.

Он резко наклонился вперед. Мундштук его трубки, которым он сделал выпад, остановился всего лишь в сантиметре от груди хозяина дома.

— А теперь разреши мне отвесить тебе порцию истины, — сказал Дэн. — Можешь верить, можешь не верить, но я знаю вашу экономику. И знаю, чего я прошу от имени моей общины. Я прошу тебя использовать часть оборудования и персонала, которыми ты распоряжаешься, направить их к нам, чтобы построить для нас… О, ту самую современную мельницу, завод по производству инструментов или еще что-то. Прийти и

построить их для нас, вместо того чтобы строить все это для Верхней Америки.

— Это я понимаю, — ответил, как бы извиняясь, де Смет. — Я у вас там был, разумеется, благодаря шлему для дыхания. И ты не первый понизовщик, с которым я разговариваю последние годы. Да, вы уже начали думать о себе как об особой расе, грубоватой, крутой, которой противостоят изнеженные и скупые горцы. Эти взгляды еще не полностью сформировались, но…

— Они обязательно сформируются. Если вы не придете нам на помощь. А если придете, то, может, эта планета еще останется единой. Или вас не волнует судьба ваших внуков? — Коффин помолчал, прежде чем добавил: — Не считай это угрозой. Но, пожалуйста, Том, запомни, что через несколько поколений горцы будут жить в своего рода анклаве. А почти все население сосредоточится в Низинах. А значит, и почти все могущество. Дружище, вам надо заслужить расположение этих людей, пока еще не поздно.

— Я думал об этом. Да, много думал. Я считаю, что эта проблема не принадлежит к числу тех, которые имеют решения по типу или — или. Если определенные соглашения будут достигнуты… экономически разумные соглашения,

разумеется, то ситуация может улучшиться. Но почему понизовщики требуют обязательно индустриализации? Через какое-то время, и не столь уж отдаленное, цены на продовольствие и древесину сильно поднимутся в связи с ростом их потребления в Верхней Америке. Разве не лучше подождать наступления этих дней? А пока вы сохраните в неприкосновенности вашу чудесную среду обитания.

— Не такая уж она прекрасная, если вам приходится наваливать на ваших детей неподъемный труд только потому, что не хватает оборудования, хотя нам известно, что его можно изготовить. А кроме того, никто и не желает оказаться в промышленных трущобах. Нет, конечно. Мы просто нуждаемся в некотором количестве специализированных предприятий. И у нас есть места, где такие фабрики можно построить без ущерба для природы. Есть и обширные территории для захоронения отходов производства, чтобы не отравить почву.

— А у нас этого нет. Во всяком случае, скоро не будет, если мы будем развиваться прежними темпами. — Де Смет твердо глянул в глаза гостю и сказал с каким-то новым для этого разговора чувством: — И это главная причина, которая

заставляет меня желать скорейшего обогащения. Я хочу купить как можно больше девственных земель и основать там заказник.

Коффин улыбнулся горячности этого человека. Именно любовь де Смета к вылазкам на природу была тем, что свело их вместе. Трудно не привязаться к человеку, с которым ты ходишь по лесным тропкам, плаваешь в лодке, ставишь палатку для ночлега.

— Может, мы сумеем что-то придумать, — закончил де Смет. — Однако это должно учитывать quid pro quo[5], иначе смысла нет. Как говорится, добрая сделка — не грабеж.

Озеро Роял, где они собирались рыбачить, посверкивало где-то справа от них, но кар быстро летел вперед. Вскоре в лесу обозначилась проплешина — безобразный шрам на том месте, где почвенный покров был содран на пространстве нескольких квадратных километров, безжизненный, если не считать нескольких видов сорняков, которые появились тут, чтобы залечить чудовищную рану.

Коффин ткнул в него черенком трубки:

— Сколько лет этой штуковине, а?

---

[5] Примечания: 5
Одно за другое (лат.).

Де Смет взглянул сквозь фонарь кабины.

— А, открытые разработки! — Он болезненно сморщился. — Семьдесят — восемьдесят лет, полагаю. Память о былом.

— Индустриализация, — крякнув, протянул Коффин.

Де Смет подозрительно взглянул на него:

— О чем ты говоришь? То была необходимость. Топливо было необходимо позарез. Атомный реактор сломался, на ремонт требовалось много времени, а зима была на носу. И вот у самой поверхности обнаруживается мощный пласт угля, который легко добывать и по воздуху доставлять в Анкер…

— Какая разница — все равно промышленность. Сегодня утром я глотнул столько вони от нефтеперегонного завода — только держись.

— Все это предстоит выправлять. Я нажму на владельца завода. Другие тоже. Ты, Дэн, понимаешь не хуже меня, что нам все время приходится идти на временные нарушения правил, но главное-то в том, что мы уже на пороге возвращения к чистой водородной экономике.

— А тогда чего же ты боишься индустриализации? Почему мечтаешь сохранить нетронутой часть дикой природы плато?

Казалось, де Смет недоумевает:

— Разве это не очевидно? Потому, что… я… и другие горожане, придерживающиеся тех же взглядов, мы никогда не сможем привыкнуть к дикой природе ваших Низин. Так почему бы и нам не иметь таких мест, где мы… ну, где наши души могли бы говорить с Богом. — Он нервно усмехнулся: — Извини. Не хотел, чтобы это прозвучало так напыщенно.

— Ничего. — Коффин выпустил колечко дыма. — Но разве по мере роста численности населения не будет расти и давление, которое превратит все плато в один расползшийся огромный город? Неужели ты действительно думаешь, что земля ваших заказников дикой природы не может быть выкуплена у вас или просто отнята?

Разве что часть промышленной продукции станет поступать сюда из Низин. Тогда жители Верхней Америки смогут позволить себе роскошь и оставят часть земли на плато неосвоенной. Что ж, правда, такое без торговли невозможно, а она разовьется, только если у понизовщиков окажется не только сырье, но и промышленные товары, которыми можно торговать.

Де Смет Ъткинулся на спинку кресла, оценивающе взглянул на Коффина и произнес:

— Ты мне обещал, что в выходной мы с тобой не станем открывать дискуссию на эту тему.

— А я и не нарушаю обещания, Том. Я просто напомнил тебе о том, что говорил раньше, для того, чтобы ты лучше оценил ту очень любопытную штуку, которую я тоже обещался тебе показать сегодня.

Автопилот пискнул. Коффин выключил его, взял управление на себя, сверился с какими-то ориентирами на местности и повел аэрокар вниз. Внизу тянулись гряды диких и необычайно красивых холмов. Среди них сверкало подобно звезде озеро, а над ним кружилось несчетное множество водоплавающей птицы. Солнце зажигало на крыльях летунов маленькие радуги.

— Ты помнишь, что несколько моих близких друзей и я частенько наведывались сюда, — сказал Коффин. — Мы говорили, что ведем ботанические исследования, которые нужны нам для решения проблемы, связанной с нашей собственной экологией. Это не совсем ложь — мы действительно собрали нужную нам информацию; впрочем, и без этого на нас никто внимания не обращал.

Де Смет настороженно ждал продолжения.

— А дополнительно мы тут вели геологоразве-

дочные работы, — говорил Коффин.

Ветер свистел в холмах. Земля, вызывая головокружение, внезапно прыгнула вверх.

— Понимаешь, — продолжал Коффин, — раз уж мы — понизовщики — зациклились на мысли развивать свою страну в том направлении, которое считаем нужным, а никто нам помочь не хочет, то, значит, нам придется самим себе помогать. Вот если бы мы сделали заявку на покупку земли в вашей стране, тогда доставка грузов в Анкер стала бы дешевой и быстрой, что создало бы для нас преимущества в конкурентной борьбе. Или, например, мы сумели бы продать ее с выгодой какому-нибудь вашему синдикату, или получить денежные отчисления за аренду. В любом случае мы заработали бы деньги, которые нужны нам на покупку оборудования и наем персонала.

— Никто тут не проводил разведочных работ, о которых стоило бы говорить, — задумчиво произнес де Смет.

— Вот потому-то мы их и решили провести. Вы считаете эти места слишком удаленными от Анкера, а для нас это место не дальше, чем Анкер.

Кар остановился, а потом сел прямо на лужайку. Коффин открыл дверь кабины со своей стороны. И тут же в нее хлынула тысяча птичьих голосов

и шорохов, волна осенней свежести и ароматов леса, окружавшего их — зрелого и пышного. Колыхались травы, деревья играли мириадами оттенков, совсем рядом мерцало озеро.

— Дивное место, — сказал Коффин. — Счастливчик, такое местечко купил.

— Я не счастливчик, я умница, — ответил де Смет, улыбаясь, несмотря на испытываемую тревогу. — Я решил, что это своего рода сердцевина моего будущего заказника, и сделал заявку на максимальную площадь, разрешаемую законом о гомстедах[6].

— Ты не сердишься, что я со своими ребятами располагался тут на стоянку?

— Нет, конечно, нет. Вы же не станете портить такое место.

— Понимаешь, отыскивая признаки наличия залежей различных минералов на ничейных землях, нам было очень важно представить себе геологию района в целом. Поэтому тут мы тоже немножко пошарили и сделали важное открытие. Поздравляю, Том.

---

[6] Примечания: 6

Гомстеды — участки определенного размера, — раздававшиеся в США почти бесплатно каждому желающему и, при условии соблюдения им некоторых правил, переходившие в его собственность. Закон о гомстедах был принят в 1862 году.

Теперь де Смет прислушивался не только внимательно, но даже с некоторым страхом.

— Что же вы нашли? — гаркнул он.

— Золото. Уйму золота.

— Ух ты!

— Это в высшей степени полезный металл, широко применяемый в производстве проводников и в электрохимии, для изготовления анитикоррозийных покрытий. Тот, кто сумеет наладить снабжение им промышленности, окажет обществу огромную услугу. — Коффин пальцем указал вправо. — Ты наверняка сам захочешь поглядеть, что тут и как. Я захватил с собой кое-что из оборудования. Мне известно, что ты с ним умеешь обращаться, иначе я захватил бы и техника, имя которого ты мне назвал бы сам. Давай начинай. Проверь кварцевые жилы в валунах, пробы пропусти через дробилку и сделай количественный анализ. Промой золотишко в этом ручейке и на песчаном берегу озера. Дружище, ты тут везде обнаружишь признаки того, что у тебя под ногами огромное коренное месторождение золота!

Де Смет помотал головой, как человек, которого чем-то только что огрели по лбу.

— Промышленности столько золота не надо. Во всяком случае в ближайшие десятилетия. Но

валюта…

— Ага! Будет дьявольски любопытно поглядеть, что случится с твердой валютой, которой вы так гордитесь. Не говоря уж о том, что произойдет с дикой природой, большая часть которой тебе еще не принадлежит, когда начнется золотая лихорадка. И будет очень трудно с рабочими руками, необходимыми для производства товаров, особенно тех, которые мы едим или носим на себе. Хотя, Том, лично ты станешь самым богатым человеком на Рустаме.

Начинай проверять, — продолжал он, — а я разобью лагерь. Я захватил с собой складное каноэ, а рыбалка тут не хуже, чем на Роял.

Глаза де Смета обшаривали его с макушки до пяток.

— Ты сам… думаешь… примкнуть… к искателям золота?

Коффин пожал плечами:

— В нынешних обстоятельствах у нас — понизовщиков — пожалуй, нет лучшего шанса, верно?

— Я… Послушай, Дэн…

— Берись за дело, Том. Ты тут все обнюхай, а заодно и мыслишки прополосни. К тому времени когда кончишь, у меня уже и завтрак поспеет. По-

том мы с тобой сходим к озеру и, может, во время рыбалки найдем времечко, чтоб поторговаться насчет всяких деталей.

Шагая твердо и широко, Дэн вошел в палату, схватил и крепко прижал к себе Еву, лежавшую в постели, и влепил ей сочный поцелуй.

— Дэн! — вскрикнула она. — Я не ждала…

— И я тоже, — ответил он и расхохотался. — Я даже надеяться не мог, что дела пойдут так быстро и так хорошо. — В палату заглянуло полуденное солнце. — Но они пошли, и все кончено, и с этой минуты, родная, я полностью и навеки твой.

— Что… что… Дэн, отпусти меня! Я тоже люблю тебя, но ты меня задушишь.

— Прости. — Он выпустил ее, осторожно уложил на постель и снова поцеловал с бесконечной нежностью. Потом уселся на стул и взял ее руку.

— Что случилось? — требовала Ева. — Говорите, Дэниел Коффин, или, клянусь небом, я собственными руками вытрясу из вас правду. — Ева одновременно плакала и смеялась.

Дэн поглядел на дверь, убедился, что плотно закрыл ее, входя, и понизил голос:

— Мы подписали контракт, Ева. Том де Смет вызвал своего адвоката, как только мы вернулись пару часов назад, и мы подписали контракт:

Кузница берется выполнить работу для общины Мунданс. А ты знаешь, Том своего слова никогда не нарушает. Это одна из причин, по которым я охотился именно за ним.

— Значит, тебе все-таки удалось убедить его? — поразилась Ева.

— Думаю, ты можешь назвать это убеждением. Я… Ладно, помнишь, я тебе когда-то сообщил по секрету, что я и мои ребята занялись исследованиями в глухих местах Верхней Америки и что мы там кой-какую геологическую разведку ведем?

— Да. И я еще никак не могла понять, к чему такая спешка. — Ева не обвиняла его, но и не извиняла. Было видно, что сейчас она просто спрашивает его о причинах непонятных ей действий, а прощать ей нечего. — Я все время говорила тебе, что минералы подождут, да и неприятности с экологией не требуют неотложных мер.

— А вот получение контракта их требовало. — Дэн опустил глаза, и его свободная рука сжалась в кулак. — И мне приходилось бросать тебя тут одну, зная, как тебе это тяжело, но не осмеливаясь сказать правду даже тебе.

Ева потянулась к нему, чтобы снова коснуться его губ. Когда же он смог продолжать, то сказал:

— Понимаешь, машин и инженеров тут не хватает. Кузница сама располагает не таким уж большим количеством и того и другого. В любое время мог появиться кто-то со своим проектом, который сделал бы эти ресурсы недоступными для нас на многие годы. А если бы хоть одно слово о том, что мы — понизовщики — думаем о таком деле, просочилось наружу, то наверняка сейчас же нашелся бы кто-то, кто сначала связал бы Кузницу контрактом, а уж потом стал бы размышлять о деталях проекта. И не потому, что хотел бы нас раздавить или еще что, но потому, что прибыль получить здесь можно куда большую, нежели у нас.

Разумеется, большой беды не было бы, если б ты, скажем, под наркозом сболтнула, что мы ведем понемножку геологическую разведку. Конечно, в Анкере забеспокоились бы. Но вообще-то, какого черта, мало ли народа роется в земле, только не в таких отдаленных местах? Но совсем другое дело — наша истинная цель.

— Понятно, понятно! И ты добился успеха! Ты просто чудо, Дэн!

— Если верить Тому де Смету, то я — подонок. — Он широко ухмыльнулся: — Потом, когда мы все обговорили, он сказал, что **я** чертовски славный

подонок и что он гордится правом считать меня своим другом. И мы сегодня же вечерком должны смотаться куда-нибудь и напиться до чертиков.

Глаза Евы потемнели от удивления.

— Что ты хочешь этим сказать, Дэн? Сначала ты говоришь **о** геологической разведке, но, по-видимому, своей жилы ты так и не нашел. Потом ты говоришь о заключенном контракте, за которым ты так долго охотился. Разве ты не убедил Тома подписать его?

Дэн покачал головой:

— Нет. Я пытался много раз, говорил целыми лунниками, но он не соглашался ни в какую. Правда, мне стало казаться, что внутренне он был бы рад помочь нам, но его глупая социально-экономическая совесть требовала, чтобы он придерживался диктата определенной экономической тебрии. В конце концов я сказал ему, что сам, похоже, зациклился на одной мысли, стал занудой и готов заткнуть свой фонтан и отправиться с ним на рыбалку.

— И? — Этот союз в ее устах звучал как признание в любви.

— Это секрет, который ты и я унесем с собой в могилу. Обещаешь? Ладно, твой кивок значит больше, чем клятва большинства людей.

Я привел Тома к коренному месторождению золота, которое я нашел на его собственной земле. Я объяснил, что мне, как и ему, отвратительна даже сама мысль о том, что произойдет с этой дивной природой, когда начнется золотая лихорадка. Не говоря уж о том, что случится с их денежной системой или с рабочими руками, которые будут отвлечены от производства всяких полезных вещей. Но у меня есть долг перед своей общиной, сказал я, и перед друзьями, которые просили меня быть их представителем. Я предложил ему свое молчание, а также молчание моих геологов — а я их отбирал очень тщательно — в обмен на контракт с нами. Мы можем включить в него пункт, что если мы проболтаемся, то он вправе расторгнуть этот контракт. Соглашайся или нет, дело твое, сказал я. Добрая сделка — не грабеж.

— Дэн, Дэн, дорогой! Обними меня!

Он встал на колени возле кровати, и они долго держали друг друга в объятиях.

Потом, успокоившись, он снова сел на стул, а она откинулась на свои подушки. Оба ни на мгновение не отрывали др#г от друга взгляда.

Спустя несколько секунд один глаз Евы медленно прищурился.

— Вы меня не обманете, Дэн Коффин, — ска-

зала она.

— Ты это о чем?

— Ао твоем представлении! Ах ты, простой, добродушный сельский сквайр! Вряд ли кому-нибудь удалось бы вести за собой кучу народа, не будь он дьявольским хитрюгой.

— Что ж… — Казалось, он несколько смутился.

— Любимый, — выговорила она еле слышно, — вероятно, впервые в истории случилось, что кто-то подложил наживку в рудник, который и без того принадлежал жертве розыгрыша.

— У меня есть контракт, который Том де Смет будет выполнять согласно его духу и букве. А больше я ничего не знаю. Ни единого словечка не знаю.

Ева задорно вздернула голову:

— А не приходила ли тебе в голову, Дэн, такая возможность, что Том своим умом дошел до всего, и что именно поэтому он не стал глубоко копаться в фактах и проверять их?

— Э-э? — Редко когда Еве приходилось наслаждаться зрелищем столь ошеломленного супруга.

Но когда Дэн ушел от нее — ненадолго, всего на несколько часов, — он шел гордой поступью молодого буканьера. Ветер крепчал, он пел, как

поднебесная труба, а каждый осенний листок трепетал на ветру, как флаг, с вызовом поднятый на мачту пиратского корабля.

ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА

Завязка сюжета: «сквозной» герой Дэнни Коффин сильно постарел и превратился в настоящего патриарха как внутри собственного семейства, так и в общественно-политической жизни колонии. И вот, спустя почти полвека отсутствия связи с матушкой-Землёй, оттуда приходит сообщение о посылке новой обширной партии колонистов, что влечёт за собой гарантированное возникновение крупной социальной нестабильности среди не способных полностью акклиматизироваться к местным условиям старожилов…

1975

Конституционный Конвент разошелся на зимние каникулы, и Дэниел Коффин вернулся в свой дом у озера Мунданс. В этой части Низин зимний сезон приносил с собой ревущие холодные ливни, ветры, которые дули с гор, заставляя леса сгибаться и стонать, а яркий свет и мрачные сумерки бешеной чередой сменяли друг друга, когда облачная пелена вдруг разрывалась, снова сходилась и снова рвалась в клочья, открывая глазам солнце, луны и звезды. Полеты на аэрока-

рах в это время становились небезопасными, а поэтому по обычаю люди сидели по домам, посещая лишь ближайших соседей; веселые пирушки укрепляли дружеские узы.

В прошлом году Дэн поступил иначе — он был гостем Тома и Джейн де Сметов в Анкере. Его собственный дом казался ему слишком большим и слишком пустым и в то же время полным призраков. Однако недавно его старшая внучка Тереза вместе с мужем Лео Свободой предложили съехаться с ним. Отчасти это было выражением доброты к старому человеку, которого они все любили; конечно, их собственный дом не был таким прекрасным особняком, как этот, но он был удобен, а дела их процветали. Но переезд давал им всем определенные преимущества — вроде централизованного контроля над огромными земельными владениями, принадлежавшими семье, особенно важного теперь, когда транспортные связи значительно улучшились. Так что никто старика милостыней не оскорблял. Дэн с радостью принял их предложение.

Пионеры женятся рано. Как бы ни был освоен их район, Пограничье лежало неподалеку, им была практически вся планета, манившая каждого жителя Низин на Рустаме. У Лео и Терезы

было уже двое ребятишек, а третий существовал в проекте. И снова в доме зазвучали веселые детские голоса, опять лужайки увидели на себе его собственных отпрысков, и Дэниел Коффин снова узнал счастье, которое именуется покоем.

Сегодня все домашние Дэна занимались украшением «елки». После этого он почувствовал, что устал. Он еще не совсем состарился, Дэн знал это точно. Пусть волосы его поредели и побелели, пусть широкое лицо покрылось морщинами, но глаза еще не нуждались в очках, мощный стан был прям, как всегда, а в ходьбе он мог загнать немало людей вдвое моложе его. И все-таки он немного переборщил, возясь с детишками. Пара спокойных часов перед обедом приведет его в порядок и позволит принять участие в ожидаемой церемонии и общем веселье.

Медленно прошелся он по комнатам и холлам. Многое в их простых и ясных пропорциях, в голубовато-серой отделке стен, в блестящих натертых деревянных полах, в мебели и каминах было обязано своим появлением на свет ему самому. А почти все портьеры и занавеси — работа Евы. Позже, когда на плантации прибавилось людей и она потребовала всего их времени, они с Евой наняли профессионалов, которые расширили их

дом. Но сердцем этого дома, думал Дэн, всегда будет его центральная часть, куда он и Ева вложили свои сердца.

Наверху находились их собственные покои — спальня, ванная комната и по рабочему кабинету для каждого. Сначала, когда Ева только что умерла, он хотел закрыть ее кабинет или сделать из него что-то вроде святыни. Но потом он понял, как бы она была возмущена таким поступком, она, которая всегда смотрела вперед, которая всегда жила в переполненном событиями завтра. Он отдал эту комнату Терезе для работы, и она могла вносить туда любые изменения, которые ей захочется.

Его личная комната осталась в том же виде, в каком была раньше — большой письменный стол, удобное кожаное кресло, стены, уставленные стеллажами с книгами и микропленками. Книгоиздательство для любителей роскоши стало процветающей отраслью так быстро, как никто и ожидать не мог в этом обособленном колониальном мирке. Высокие стеклянные двери выходили на балкон. Оконные стекла звенели под струями дождя, выл ветер, сверкали молнии, раскаты грома были столь мощны, что заставляли стены дома вздрагивать. Отсюда едва можно

было различить поросшие травой лужайки, деревья, дорожки, окаймленные цветниками, ведущие к большому озеру. Волны метались по его отливающей сталью поверхности. Ракш приближался к планете и поднимал приливы, усиливая те, что создавало солнце.

Кабинет гляделся мрачноватым, в нем было даже немного холодно. Дэн включил обогреватель и единственную флюоропанель, поставил на плейер Пятую («Бранденбургскую») симфонию Баха, налил себе немного виски в стакан и уселся в кресло со своей трубкой и «Письмами федералиста»[7].

> Мой долг прочесть эту книгу, если мы хотим создать правительство, которое будет охранять свободу граждан теперь, когда численность населения достигла такого уровня, при котором Рустаму нужно нечто большее, нежели мэр и Совет в Анкере, подумал он. Потом хмыкнул. Какого там черта — долг! Мне просто нравится стиль «Писем». Умели писать в

---

[7] Примечания: 7

«Письма федералиста» — сборник из 85 эссе, написанных в защиту американской Конституции 1787 года. Авторами статей были А. Гамильтон, Дж. Мэдисон и Д. Джей. Считается классикой политической философии.

те времена! Что бы сказали вы, Вашингтон, Джефферсон, Гамильтон, Мэдисон, если бы узнали, что когда-нибудь горстка людей пролетит двадцать световых лет, оторвется навсегда от планеты, где зародилось человечество, и все ради того, чтобы были живы идеи, которыми жили вы? Полагаю, вы сказали бы вот что: «Не подражайте нам, учитесь у нас, учитесь на наших ошибках, на том, что мы просмотрели, но также и на том, что мы сделали верно. Мы были первопроходцами».

«Становление нового правительства, с каким бы трудолюбием и мудростью оно ни создавалось, всегда породит проблемы борьбы путаницы и точности».

Тук-тук — раздалось у двери. Дэну был хорошо знаком этот застенчивый стук.

— Входи, — позвал он.

Вошла его правнучка.

— Привет, — сказала она.

— А я-то считал, что ты играешь с другими ребятишками, Элис, — ответил он, имея в виду скорее детей служащих поместья, чем ее млад-

шего братишку.

— Я тоже устала! — Крошечная фигурка в накрахмаленном белом платье прижалась к его ноге. — Расскажешь что-нибудь?

— Ах ты, хитрюшка! Ну ладно, залезай ко мне. — Коффин помог девчушке взобраться к себе на колени. Глаза у нее были синие и огромные, ее локоны, цвет кожи и какой-то солнечный запах, если память ему не изменяла, были точно такие же, как у Мэри Локабер в молодости. Впрочем, это не удивительно, ведь Мэри — одна из ее прародительниц.

От счастья она даже вздохнула.

— Так о чем же ты хотела бы услышать?

— О тебе и о бабуле Еве.

Воспоминание о смерти Евы, умершей всего лишь три года назад, пронзило его, и темнота навалилась на Дэна, подобно волне прибоя. Потом она схлынула. Он взглянул на портрет Евы, стоявший на столе, и подумал: как прекрасно, что он может передать этому комочку плоти от плоти Евы память о том, какой она была, и о ее делах. Потому что когда уйдет и он, и дети, которых они зачали, тоже уйдут в небытие, память о Еве будет жить еще долго.

Теперь ему уже не было больно, он испытывал

даже радость, глядя в прошлое.

— Хм-м-м… дай-ка подумать, — тихо сказал он. Потом выпустил несколько колец дыма, что привело Элис в восторг: девочка успела проткнуть каждое из них пальчиком, пока они проплывали мимо нее. Перед Дэном проходили образы прошлого, они были куда ярче и четче всего того, что окружало его в этой комнате, исключая эту девчушку и исходящее от нее тепло. Это казалось странным. Ведь те дни давно унесло ветром…

— Ага, конечно… — выбрал он. — Ты помнишь, я рассказывал тебе о том, что мы были изыскателями, пока не осели вот тут — я и твоя бабуля Ева?

— Да. И ты говорил мне о том, как т-т-теразавры, — выговорила она с триумфом, — как они бегали и бегали кругом большого камня, пока ты не заставил их остановиться.

— Я бы не сумел этого сделать, Элис, если бы не то, что сделала твоя бабуля Ева перед этим. О'кей, так вот вскоре после этого ей пришла в голову мысль отправиться на лодке к островам, куда еще не ступала нога человека. Над ними только летали, и сверху они выглядели ужасно красивыми. — (Фантастические коралловые образования могли дать ключ к пониманию морской экологии,

а это в свою очередь пригодилось бы рыболовству, если бы оно там стало развиваться. Но нет необходимости обрушивать эти технические подробности на малышку, да вряд ли нужны и другие детали, которых она просто не поймет, исходя из уровня своих йредставлений о мире. Ибо и Ева, и он хотели познакомиться с этим чудом, так сказать, ради него самого. Еву всегда манило новое, неизученное. Когда она стала матерью и хозяйкой плантации, юные исследовательские порывы остались при ней. У нее рождалось множество идей, соображений, предложений — куда больше, чем у Дэна, и большая часть новшеств на плантации была обязана своим появлением озарениям Евы.) — В те времена моторов было мала, как и других средств передвижения. Мало, очень мало. Все моторные лодки были заняты в других местах, но у нас была парусная лодка, способная плавать по морю. Такая же есть у меня и на озере, но та была куда больше, и если тебе это неизвестно, она называлась шлюпом.

— Это потому, что она делает шлюп-шлюп-шлюп, когда плывет по воде, да?

Коффин расхохотался:

— Никогда не думал об этом. Во всяком случае…

Зазвонил телефон. Звонок был так называемый «тревожный».

— Извини меня, милочка, — сказал Коффин и протянул руку к кнопке приема.

На экране появилось лицо Доркас Хираямы — мэра Анкера и по совместительству президента Конституционного Конвента. Лицо было сдержанным и спокойным.

— А, привет! — приветствовал ее Коффин. — Счастливых праздников тебе.

— Счастливых праздников, Элис, — сказала она. А потом, обратившись уже к Дэну, добавила: — Боюсь, тебе придется отпустить ее на некоторое время.

Коффин не стал спрашивать о причинах. Он только поинтересовался: надолго ли?

— Рассказ займет не больше пяти минут. Но потом, я полагаю, ты захочешь обдумать услышанное.

— Подожди минуту. — Коффин спустил Элис на пол и взял ее за ручку. — Не возражаешь, маленькая? — Он не представлял себе, что могут быть такие общественные дела, которые заставили бы его забыть о чувстве достоинства у ребенка. — У миледи Хираямы есть секрет. Может, ты возьмешь эту книгу… — Она заворковала от восторга,

получив фотоальбом со снимками эпохи приключенческой юности прадеда, — и посмотришь его в моей спальне? Я позову тебя сразу же, как только кончу.

Когда дверь в смежную спальню закрылась, Коффин вернулся к мэру:

— Извини, Доркас.

— Это я должна извиниться, что помешала тебе, Дэн. Но дело неотложное… хотя имеет чуть ли не тридцатипятилетнюю давность.

В течение нескольких секунд он стоял недвижимо. Холодок пробежал по спине и распространился по всему телу. За окном сверкнула молния, грянул гром, ливень с новой силой обрушился на окно.

Тридцать пять лет. Рустамских лет. Около двадцати по земному счету. Время, которое нужно свету, чтоб пробежать расстояние между Эриданом и Солом.

Он сел в кресло, заложил ногу на ногу и прижал пальцем уголек в трубке.

— Значит, это все же произошло? — спросил он ровным голосом.

— Да, это случилось. Нас извещают, что в течение ближайших пяти лет намерены направить к нам флот с переселенцами. Если ничего не

произошло, а это кажется маловероятным, то корабли к настоящему времени уже прошли одну треть, а может, и половину пути. Как видно, до их прибытия остается еще лет пятьдесят, не больше, а возможно, и меньше.

— И сколько же их на борту?

— Это более крупный флот, чем доставивший сюда наших Основателей. В извещении говорится примерно о пяти тысячах взрослых переселенцев.

Малая смерть замедленно функционирующего организма, в которую они вступили, мечтая о славном воскрешении на Рустаме.

— И что же об этом говорит народ?

— У человека, который прочел послание, хватило ума прийти прямо ко мне, благодарение Господу. А я взяла с него клятву молчать. Ты первый, с кем я говорю об этом.

— Почему я?

Хираяма опять улыбнулась, на этот раз с хитринкой:

— Ложная скромность тебе никогда не была к лицу, Дэниел. Ты знаешь, как я высоко ценю твой ум и опыт, но вряд ли я одинока в этом. Кроме того, ты делегат Конвента от Мунданса, лидер в своей округе и ее представитель в Анкере, а эта

округа — самая богатая и самая населенная в Низинах. Все это делает тебя самой крупной фигурой вне Верхней Америки, вполне сопоставимой по значению с любым деятелем в ней самой. Кроме того, ты знаешь своих людей лучше любого горца, которые, как и я, разгуливают среди них только в шлемах. Надо ли мне продолжать говорить прописные истины?

— Не надо. Я уж и без того сгорел от стыда. О'кей, Доркас, чем я могу быть тебе полезен?

— Во-первых, мне нужно твое мнение. Мы не сможем скрыть эту новость больше чем на несколько дней и за это время должны разработать свои планы и оценить свои силы. Но скажи мне без подготовки, какова будет реакция Низин?

Коффин пожал плечами:

— Умеренно благожелательная, особенно учитывая шумиху, возбуждение и все такое прочее. Не больше. Мы слишком заняты обживанием планеты. И пять тысяч новых иммигрантов для нас ничего не значат — ни в связи с проблемой перенаселенности, ни в связи с конкуренцией, поскольку нас самих-то не намного больше.

— Значит, ты подтверждаешь мои предположения.

— Кроме того, — продолжал Коффин без всякой радости, — должно быть, очень немногие из новоприбывших будут способны жить в наших условиях.

— Это бесспорно так. А вот в Верхней Америке известие о прибытии кораблей способно спустить дьявола с цепи. Ты, надо полагать, это понимаешь?

— Конечно, понимаю.

— Твои соображения?

Коффин помолчал, прежде чем ответить.

— Дай мне время спокойно подумать, как ты и предложила с самого начала. Я позвоню тебе после того, как все уснут. Идет?.

— А куда деваться? Что ж, счастливых праздников.

— И тебе того же. Не позволяй этой новости испортить тебе удовольствие, Доркас. Ни тебе, ни мне с новоприбывшими дела иметь не придется.

— Нет. Но вот твоей девчурке — придется.

— Это верно. Нам приходится принимать решение за нее. И надеюсь, мы это сделаем как надо. Пока.

Коффин дал отбой, пересек комнату и постучал в дверь спальни.

— Я кончил, Элис, — сказал он. — Хочешь слу-

шать дальше?

Затишье, которое наконец предсказало метео, позволило Коффину вылететь на аэрокаре, чтобы посетить некоторые усадьбы на огромной и не слишком четко ограниченной территории, которая поручила ему руководство ее общественными делами. Конечно, он мог бы всех обзвонить по телефону, но техника лишает возможности уловить важные нюансы разговора. Впрочем, никто не возражал против нарушения Дэном сложившихся обычаев этого сезона. Все были рады отплатить ему за гостеприимство, которое они с Евой оказывали когда-то им самим.

По этой причине он отправился на прогулку верхом с Джорджем Стейном, который обрабатывал часть земли, принадлежавшей ему, но, главное, был владельцем единственного в Низинах металлургического завода, почему и пользовался здесь большим влиянием. Стейн знал, что главная причина желания Коффина прокатиться — возможность поговорить наедине. Впрочем, выезд на природу был и сам по себе приятным развлечением.

Долина Сайруса лежала ниже и была теплее, чем окрестности озера Мунданс. Здесь многие деревья и кустарники — золотое дерево, высоко-

вершинник, псевдососна и гном — не сбрасывали листву весь год, а сине-зеленые «травы» лета уступали место краснокоричневому мху, чья пышность заглушала стук лошадиных копыт. Это была открытая лесная страна, где отдельные купы деревьев росли друг от друга на некотором расстоянии. В просветы между ними можно было видеть горный массив, чьи вершины терялись в перламутрово-серых облаках. Воздух был теплым и влажным, почти неподвижным и насыщенным запахами гумуса. Где-то вдалеке посвистывала птица-флейта.

Когда Коффин закончил свой рассказ, Стейн некоторое время молчал. Тихо поскрипывали кожаные седла, играли мышцы лошадей. *Какая дивная страна!* — подумал Коффин уже не в первый, да и не в сотый раз. *И как я рад тому, что, заселив ее, мы установили с природой мирные отношения. Как бы хотелось, чтобы на Рустаме всегда царили разум и спокойная мудрость!*

— Что ж, не так уж это и неожиданно, а? — сказал Стейн. — Я хочу сказать, что с тех пор, как был установлен радиоконтакт, становилось все яснее и яснее, что эта колония — отнюдь не последний вздох умирающего. Терра снова пересмотрела свое отношение к космическим делам. Возможно,

что сейчас уже несколько экспедиций ищут планеты земного типа, пригодные для обитания, как там принято говорить. Но наверняка они знают только одно — наша годится.

— Только на плато, — ответил Коффин с некоторой горячностью. — Сомневаюсь, что среди тех, кого они послали к нам, процент таких, кто может выдержать давление воздуха в Низинах, был бы выше, чем среди первопоселенцев. И… высокогорье заселено уже почти под завязку.

— Что? Дэн, ты шутишь!

— Никогда еще не был серьезнее, дружище. Там — в горах — уже почти не осталось пригодных для заселения земель. Почти все ценные для сельского хозяйства земли сосредоточены в Верхней Америке. Большая часть их уже находится в личной собственности в соответствии с законом о гомстедах, и ты можешь спорить на свой нос, что и остальная земля разойдется немедленно, когда эта новость станет известна.

— Ну и что? Почему надо бояться перенаселенности, если каждый понизовщик может прокормить сотню горцев, если мы расширим наши посевные площади? Пусть они занимаются промышленностью, если им нравится. — Стейн предостерегающе поднял руку. — О да, я помню

прежнюю вражду. Но все это было до того, как ты заставил часть промышленности переместиться сюда. Теперь нам нечего бояться экономического господства. В любой момент, когда они захотят содрать с нас шкуру, повышая цены, мы можем построить новые мощности и продавать товары им же, но по куда более низким ценам. Так что наладить специализацию по географическим зонам мне представляется вполне разумным делом.

— Трудность в том, — возразил Коффин, — что подобная перспектива особенно беспокоит наиболее думающих горцев из Верхней Америки. И беспокоит уже давно. Они ведь выросли в тех же традициях не толкаться локтями с соседями, иметь обширные территории нетронутой природы, Что и мы, Джордж. И они хотят сохранить эти преимущества своего мира для потомков. Территория же, которую эти потомки получат, будет весьма ограниченной и останется таковой долго — в историческом масштабе, — пока гены, дающие возможность переносить высокое давление атмосферы, не вытеснят старые гены у человечества Рустама.

Ты возьми, например, моего бывшего партнера Тома де Смета. Он в течение большого времени скупал земельные участки в лесных дебрях с

тех самых пор, как у него появились для этого свободные деньги. Он создал огромный заказник. Сейчас он готов передать его народу, *если* мы внесем в Конституцию статью, которая гарантировала бы вечное существование этого заказника плюс еще несколько природоохранных мер, которые он считает необходимыми. Если этого не произойдет, его семья намерена держать эту землю в личной собственности. В меньших масштабах такие дела уже имеют место — подобные баронские поместья появились во многих местах Верхней Америки. Люди не забыли, что принесла перенаселенность Терре, и они не хотят, чтобы по крайней мере их собственные потомки попали в такой же переплет.

— Но… О Боже! — воскликнул Стейн. — Сколько иммигрантов, ты сказал? Пять тысяч? Что ж, я согласен, что через сорок лет, то есть к тому сроку, когда они сюда прибудут, это будет все еще существенное добавление к численности населения. Однако они все равно будут меньшинством. И как бы они ни плодились, они не смогут поднять свой уровень рождаемости до такой степени, чтобы перестать быть меньшинством.

— Смогут, — ответил Коффин. — Без земли — по причинам, о которых я тебе говорил, — они

станут ядром, вокруг которого быстро возникнет новый класс людей, который у нас только что стал зарождаться.

— Какой класс?

— Пролетариат.

— Это еще что за штука?

— Не всем в Верхней Америке удалось стать независимыми фермерами, техническими экспертами или предпринимателями. Есть и такие, вполне достойные люди, которые не имели каких-либо талантов и стали поденщиками, клерками, слугами, обслугой всякого рода и так далее. Это те, которым удалось получить работу, но перспектив на карьеру у них никаких. Это те, чьи рабочие места съела автоматизация, когда наниматели стали пользоваться машинами, а рабочим пришлось либо соглашаться на еще более низкую плату, либо опускаться на дно социальной пирамиды.

— Ну так что же с ними такое? — спросил Стейн.

— Я вижу, ты не следил за событиями в Верхней Америке в последние годы. А я следил. Заметь, я не смотрю свысока на людей, о которых говорю. В своем большинстве это достойные, совестливые человеческие существа. И в ранние дни колонии

они сыграли очень важную роль.

Но дело в том, что былые времена давно прошли. Пограничье в Верхней Америке исчезло. У нас-то вся планета — наше Пограничье, но свободные земли находятся в Низинах, и никакой пользы от них мужчины и женщины, которые не могут дышать здесь без того, чтобы заболеть, ожидать не могут.

Анкер пока еще не имеет настоящего городского пролетариата, да и его сельское окружение тоже не обзавелось настоящим сельским. Однако тенденция уже существует. И она становится все заметней по мере роста числа машин и исчезновения хронической нехватки рабочих рук, которая у нас раньше всегда была..

Если ничего не будет сделано, Рустам повторит печальную историю Терры. Обнищавшие народные массы. Концентрация власти и богатства. Рост идей коллективизма. Еще позже — демагоги, проповедующие революцию, и аплодисменты многих зажиточных людей, тоже потерявших свои корни в этом распадающемся обществе. Восстания, которые неизбежно ведут к тирании. То есть то, от чего надеялись избавиться переселенцы на Рустам.

Стейн нахмурился:

— Не преувеличиваешь ли ты?

— Для Низин это, конечно, преувеличение, — согласился Коффин.

— Такую огромную территорию быстро не придушишь. А вот с Верхней Америкой дела обстоят совсем иначе.

— И что же они хотят сделать, чтобы помочь этим… этому пролетариату?

Коффин улыбнулся, но улыбку его трудно было назвать веселой.

— Хороший вопрос. Особенно учитывая, что вся идея Конституционного Конвента заключается в том, чтобы охранить личные права граждан и закрыть все дырки, через которые лезли те, которые на них посягали. Ограничить деятельность правительства только поддержанием порядка и охраной среды обитания, ибо, благодарение Богу, нам еще нет надобности беспокоиться о врагах внешних. — Потом сурово добавил: — Впрочем, мы еще можем породить внутренних. Поляризация — процесс, присущий обществу. А случаи возникновения гражданских войн в истории — не новость.

— С одной стороны, ты, значит, не хочешь, чтобы правительство командовало у нас всем. С другой — не осмеливаешься пустить все на

самотек, — констатировал Стейн. — Что же ты тогда предлагаешь?

— Полного решения этой проблемы никто предложить не может, — ответил Коффин. — Кроме того, нам хочется избежать ориентации на какую-либо идеологию, не считая одной — сохранения свободы. Однако… возможна официальная политика, которая будет поощрять органичное развитие. Например, ради общего блага правительство может принимать меры, обязывающие нанимателей обращаться со своими служащими как с человеческими существами — с индивидуальностями, — а не просто как с легко заменяемыми машинами или с организованными безликими массами. Могут быть созданы условия, поддерживающие развитие мелких, а не крупных предприятий. Кстати, здесь может оказаться полезным курс на твердую валюту, если при этом будет учитываться необходимость оказания помощи тем, кому не повезло. С другой стороны, в рамках задачи охраны среды обитания могут быть выработаны соглашения, которые помогут так размещать экономическую деятельность, чтобы у всех граждан был шанс преуспеть, вне зависимости от того, где они проживают. Конечно, это будут добровольные соглашения,

но за ними должна стоять идея выгоды. Правда, такая политика должна вырабатываться с учетом советов ученых, которые видят дальше и больше, нежели одну чистую прибыль.

Коффин вздохнул.

— Все это примеры, так сказать, сиюминутных решений, — сказал он. — Мы не можем предписывать поведение будущим поколениям. Все, что мы можем, — это обрисовать определенные дилеммы — нынешние и будущие, — выдвинуть некие идеи и внушить тем, кто придет нам на смену, с чем им придется встретиться в будущем и что будет лучше, если они к их решению начнут готовиться загодя.

Стейн ехал в глубокой задумчивости. Пел ветер, шептались листья. Из лесу выбежало стадо серозеров и помчалось через поляну грациозными прыжками. Наконец он сказал:

— Думаю, я понимаю, к чему ты клонишь, Дэниел. Через сорок или пятьдесят лет проблема пролетариата, таким образом, все еще будет в зародыше. Только немногие люди, в худшем случае, будут находиться в положении тех, кто лишился своих корней. Экономика будет развиваться, рабочих мест окажется много, образуется избыток средств, который можно будет использо-

вать для помощи тем, кто живет вдали от города, чтобы помочь им встать на ноги. Ничего такого, с чем нельзя справиться, если есть разум и добрая воля.

За исключением того, что произойдет, когда Терра швырнет в нас своими пятью тысячами поселенцев.

Коффин кивнул:

— Да.

— У которых не будет возможности стать независимыми фермерами, которым придется адаптироваться к более высокой силе тяжести, к более длинному дню и более короткому году и к массе других особенностей, прежде чем они смогут работать. Да и тогда, видимо, они не будут обладать теми навыками, на которые есть спрос, учитывая, что даже самые простые вещи здесь делаются иначе, чем на Терре. Вместо редких индивидуумов, которым надо время от времени чем-то помочь, Верхняя Америка получит мгновенно возникший пролетариат.

— К чему она будет совершенно не подготовлена, Джордж, ибо не имеет опыта в обращении с этим явлением. Черт, я тоже не представляю, как с ним надо обращаться, и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь в этом многоопытном Анкере знал об

этом больше меня.

— Все это вряд ли коснется Низин.

— Еще как коснется-то, если мы хотим удержать планету единой. — Коффин помолчал. — Или свободной. Принцип нетолкания локтями еще не гарантирует свободу. Кое-какие самые жестокие империи в истории Земли имели огромные пустынные пространства в своем распоряжении.

Он выпрямился в седле, хотя и начал уже уставать от верховой езды. Раньше он не счел бы такую поездку долгой.

— Вот почему я и объезжаю округу, разговариваю с влиятельными и почтенными людьми вроде тебя, — сказал он. — Мне нужна поддержка этой общины, потому что я собираюсь внести самое, черт бы его побрал, радикальное предложение, когда Конвент соберется снова.

Прежде чем ответить, Стейн некоторое время молча всматривался в лицо своего друга.

— Я могу соглашаться с тобой или не соглашаться, Дэниел. Откровенно говоря, моя страна, страна, которую я люблю, она здесь, а вовсе не в Верхней Америке. Но я, разумеется, выслушаю тебя.

А если понадобится, подумал Коффин, *то у меня найдутся и кое-какие резервы, чтобы надавить*

на тебя. И он начал говорить.

Дом де Смета, где Коффин останавливался, когда гостил в Анкере, был расположен довольно далеко от центра, в районе, где большинство домов обладали большими участками и стояли в рощах или садах. Уличные фонари были редки, деревья тонули в легкой дымке. Так что тут почти ничто не мешало видеть небо, когда лидер Мунданса отправился на прогулку.

Зима на плато выдалась тихая и холодная. Мороз пощипывал лицо, тело с удовольствием ощущало приятное тепло от зимней одежды, при дыхании в носу тотчас образовывалась влага, а изо рта вырывались облачка пара. Там, где тротуары не были замощены, земля под ногами звенела. Повсюду лежал снег, поблескивал иней там, куда достигал взгляд, а дальше лежали тени и ночная тьма. Иногда из окон падал желтый свет ламп, который казался одновременно и мягким, и каким-то бесконечно слабым. Далеко на востоке пики Геркулесовых гор сияли своими глетчерами.

А над всем этим простиралось небо. В Низинах мало кто наблюдал подобное чудо, хотя всяких других чудес взамен этого там хватало. Звезды теснили темноту неба — искры морозного огня,

далее расплавлявшиеся в Млечный Путь. Сегодня этот колоссальный поток сверкал, как сверкает море в часы свечения. Три планеты — сестры Рустама — горели бронзой, серебром и янтарем. Среди них быстро бежала пигмей Сухраб, тогда как Ракш, достигший половинной фазы, висел так низко на западе, что казался огромным. Он отбрасывал тени от деревьев, медленно проплывая над поверхностью Рустама.

Ева очень любила это зрелище.

Тропа вывела Дэна к Императорской реке и потянулась дальше вдоль берега. Реку накрепко сковывал ледяной покров. На противоположном берегу лежали под снегом поля и пастбища; они постепенно поднимались к холмам и лесным зарослям. Там в темноте дрожали редкие огоньки — это была одна из деревень, которые сейчас быстро возникали по всему плато.

Городские звуки казались Коффину совсем глухими в этом сильно разреженном воздухе, да и вообще он стал слышать хуже в последние годы. Поэтому для него встреча с конькобежцами была полной неожиданностью, пока он не обогнул изгиб реки, скрытый рощицей перистых дубов. Здесь дорога выходила на мост. Вокруг устоев моста и по всей ширине реки плавно скользили

десятка два мальчишек и девчонок. Они свистели, сталкивались, обхватив друг друга за талии, катались цугом. Их крики и смех далеко разносились в морозном воздухе.

Коффин вышел на мост, чтобы полюбоваться катающимися. И обнаружил, что он не один. Юноша был высок и не только одет во все черное, но еще и его лицо выдавало африканское происхождение, благодаря чему он был почти невидим даже на небольшом расстоянии. Коньки, которые он снял, лежали на земле, отражая свет луны.

— Ох… привет, — сказал Коффин, приглядываясь к нему.

— Ой! — юноша круто повернулся к нему. — Мистер Коффин! Как вы поживаете, сэр?

Коффин узнал его. Алекс Бернс — сын соседа де Смета — умненький и хорошо воспитанный мальчик.

— Отдыхаешь?

— Не совсем так, сэр. — Алекс крепко сжал металлическое ограждение и отвернулся. — Просто захотелось подумать.

— В такую-то ночь? Боюсь, ты лишаешь себя большого удовольствия. Мне и самому захотелось прокатиться на коньках.

— Правда? Пожалуйста, сэр, возьмите мои!

— Спасибо, но в мои годы падение при рустамской силе тяжести может оказаться делом серьезным. А у меня еще впереди дел много.

— Да, сэр. Об этом все говорят. — Юноша снова повернулся к нему и вдруг спросил с каким-то отчаянием в голосе: — Мистер Коффин, можно мне поговорить с вами?

— Конечно. Хотя я и не уверен, что от такого старца, как я, ты услышишь что-то дельное. *И все же я помню своих сыновей такими же, как ты — и как недавно еще это было…* подумал Коффин.

— Эта новость… о космических кораблях, идущих от Сола… это правда? — Почему-то чисто детская интонация вопроса не казалась странной.

— Насколько нам известно. Двадцать световых лет расстояния делают наши коммуникации весьма ненадежными. За это время правительство Терры могло изменить свои планы. Они ведь резко свернули свои космические исследования после того, как наши предки улетели с Терры. Слишком дорого, если учесть непрерывно возрастающее давление на ресурсы со стороны увеличивающегося населения. Культура все дальше уходит от науки и техники в сторону мистицизма и всяких там пышных обрядов.

— Это нам и учителя говорят. Вот почему я и боюсь, что все это окажется просто ложной тревогой.

— Нет, я так не думаю. Видишь ли, организация отъезда конституционалистов на Рустам была уловкой, рассчитанной на то, чтобы от них избавиться. Но те, кто попал на корабли, вовсе не исчерпывали всех конституционалистов на Терре, не говоря уж о множестве других диссидентов. Как только мы стали посылать туда свои сообщения, наш пример, вероятно, послужил определенным психологическим толчком и породил у многих стремление последовать нашему примеру. Я подозреваю, что у правительства не было другого выбора, кроме решения снова запустить космические программы, во всяком случае хотя бы на несколько десятилетий, пока политический климат снова не стабилизируется. Они говорят, что ищут и другие пригодные для обитания планеты… Нет, я думаю, что этот флот с переселенцами действительно на подходе.

— *Но почему наш народ против них?!*

Боль, прозвучавшая в этом вопросе, удивила Коффина.

— Ну… хм… ну… кое-кто боится отрицательных последствий для нашего общества. Но далеко не

все, Алекс. Уверяю тебя, средний понизовщик не имеет ничего против прибытия нескольких тысяч новых колонистов.

— Но зато средний горец…

— Никто ведь еще не проводил голосования. Я сам еще не уверен в том, какой может быть расклад голосов при голосовании по этому вопросу.

Алекс поднял руку и указал на небо. Созвездия, видимые с Рустама, не так уж сильно отличались от видимых с Терры. Во Вселенной двадцать световых лет — всего лишь один шаг спотыкающегося ребенка. Над Волопасом мигала крошечная светлая точка — Сол.

— Они могут долететь до нас, — сказал мальчик задумчиво. — Так почему же мы не можем долететь до них?

— У нас нет промышленности, способной строить космические корабли. И не будет еще несколько поколений или даже столетий.

— А пока мы будем обречены жить здесь! Всю жизнь! — Не слезы ли блеснули в свете луны на лице Алекса?

Теперь Коффин понял.

— А какой у тебя индекс выносливости на давление атмосферы? — спросил он мягко.

— Могу жить на высоте двух километров.

— Неплохо! На этом уровне лежат обширные территории. Ты можешь вести там жизнь, полную приключений.

— Да, сэр. Я тоже так считаю.

— Насколько я помню, ты хочешь стать ученым. Что ж, у нас там непочатый край работы для исследователя. А если захочешь, можешь спуститься и ниже, теперь у нас есть новые модели шлемов, они очень хороши.

— Это все не то. — Алекс проглотил какой-то комок и сжал кулаки, а потом быстро и нервно сказал: — Пожалуйста, сэр, не думайте, что я хнычу. Или что я… хм… задираю нос перед кем-нибудь. Но большинство понизовщиков, с которыми я встречался… нет, нет, вы — другой… большинство их мне… нет, мы не дрались, ничего такого не было, но у нас мало общих тем для разговора…

Коффин кивнул:

— Пограничье не рождает интеллектуалов, не так ли? Но ты должен знать, сынок, что все эти поисковики, лесорубы, фермеры, рыбаки, все они отнюдь не болваны. У них просто другие интересы в сравнении с хорошо обжитой Верхней Америкой. Кроме того, в хорошо организованных общинах, как, например, в Мундансе, и образ

мышления, и внешний вид у понизовщиков уже не те.

Нет, они теперь стали всего лишь сквайрами, осознавшими пользу богатства, йоменами, все еще придерживающимися простонародных вкусов, не неженками, не закостенелыми ретроградами… И все же мы набрались самодовольства, стали приземленными… На моей плантации так не было, Ева такого не допустила бы. Она заставляла и меня, и детей отрываться от повседневности. В других местах, однако… Нет, думаю, Алекс нашел бы в округе Мунданса не много людей своего склада…

— Для тебя компромиссом могло бы быть вот что, — сказал он. — Ты мог бы проводить полевые исследования вместе с какими-нибудь грубоватыми местными проводниками, которые могут быть отличными спутниками — они и есть отличные ребята, если ты найдешь к ним правильный подход. А потом ты возвращался бы сюда обрабатывать свои материалы, сюда, где люди более культурны.

— Культура! — взвился Алекс. — Они думают, что культура заключается в том, чтобы слушать те же симфонии и читать те же книги, которые слушали и читали их прадеды!

— Это не совсем верно. У нас есть художники, писатели, композиторы, не говоря уж об ученых, чьи работы вполне оригинальны.

— А насколько они оригинальны? Наука у нас пользуется надежными и испытанными методиками, но она почти совсем не занимается фундаментальными исследованиями. Она дает копии старых моделей, повторяя их снова и снова.

А ведь он говорит правду, подумал Коффин.

Палец Алекса опять устремился к звездам.

— Если они были бы оригинальны, сэр, — кипел он, — то они не стремились бы оградить нас от всего этого. Нет, не хотели бы!

Коффин постарался насколько мог успокоить его.

Сомнительно, чтобы человечество когда-либо смогло отказаться от наследства той планеты, где оно зародилось. Человек может натренировать себя и привыкнуть к изменениям древнего ритма, порожденного вращением Терры, но не настолько, чтобы стать чисто дневным существом на Рустаме. В средних широтах, где лежит Анкер, в середине зимы ночь продолжается сорок два часа. По необходимости между двумя отрезками ночи по четырнадцать часов каждый внутреннее

и внешнее освещение превращает город в скопление маленьких солнц, горящих в темноте.

Под этой отгораживающей небо крышей из городского света делегаты второй сессии Конституционного Конвента поднимались по лестнице Вулф-Холла. Их насчитывалось около пятидесяти — мужчин и женщин. Хотя все были одеты соответственно с важностью предстоящего события, но сами костюмы различались столь же сильно, как и возраст делегатов. (Дэниел Коффин был самым старым, а самым юным был молодой человек, который и брился-то не чаще раза в сутки. Был тут профессор — важный и тощий, одетый в форменный мундир и брюки, серые как его голова, но с великолепной академической мантией на плечах; был инженер, вернувшийся к древней моде и напяливший на себя длинную юбку; а там морской капитан в форменной фуражке и медных блестящих пуговицах, загорелый и косоглазый, важно стоял рядом с летчиком в голубом мундире. Владелец ранчо в Низинах — Норт Перенс — в других отношениях вполне нормальный человек, нарядился в костюм из кожи и в ожерелье из зубов каких-то хищников. Женщина-врач подчеркивала свой социальный статус безукоризненным покроем жакета… Среди

них Коффин чувствовал себя золушкой.

И все же, думал он, они чуть-чуть переигрывают, уж слишком умышленно живописны.

Простые граждане толпились на улице у входа, разглядывая делегатов в настороженном молчании. Анкер уже привык к разного рода ассамблеям, но на этот раз все было иначе. На этот раз решалась проблема, которая отстояла от них на двадцать световых лет, но в то же время уже сейчас задевала каждого. Скоро они пойдут домой, чтобы следить за происходящим по телевизорам, а потом начнут спорить в домах, на полях, в магазинах, лабораториях, школах, лагерях, тавернах, и кто знает, какие страсти там могут разгореться.

Коффин задержался в вестибюле, чтобы сдать в гардероб пальто. Большинство же остальных пришли без верхней одежды, считая процесс раздевания и одевания нарушением торжественности собрания; они пришли сюда прямо из дома, храня чуть подмороженное достоинство. Кругом шли оживленные, но слегка приглушенные разговоры. В суставах левой руки Коффин вдруг ощутил легкую боль — следует подлечить свой артрит. Он постарался отвлечься от окружающей сутолоки, чтобы еще раз проверить план своих

действий. Он должен получить свою взбучку пораньше, вряд ли у него теперь хватит сил, чтобы выдержать 10–12 часов непрерывных дебатов. Ладно, он и Доркас Хираяма уже заранее обсудили этот вопрос в частном порядке.

Само здание Холла неоднократно перестраивалось за эти годы, но зал заседаний остался таким же, каким был построен вначале. Его березовая стенная отделка и грубые балки тщательно охранялись как местная достопримечательность. На полу стояли кресла с откидными сиденьями. В дальнем конце зала находилась эстрада с красно-бело-синей обивкой. На задней стене было укреплено Знамя Свободы. Сама эстрада в течение жизни трех поколений слышала уйму речей ораторов, актерских представлений, выступлений оркестров и командирских голосов лихих распорядителей танцев.

На мгновение Коффину показалось, что никакой ассамблеи вообще нет. А есть что-то совсем другое, и он вместе с Мэри Локабер бегут, взявшись за руки, подобно конькобежцам, чтобы присоединиться к другим. А потом ему еще предстояло провожать ее домой под звездами и лунами…

Нет, это было раньше. А потом Мэри вышла за-

муж за Билла Сэндберга, а я женился на Еве Спейн. И это было счастьем для нас обоих, и мы соединились с Мэри в Элис и Дэвиде. Извини меня, Ева.

И ему показалось, что он услышал ее смешок и почувствовал, как она ерошит ему волосы.

А пока делегаты занимали свои места, и то там, то здесь возникали шорохи и приглушенные разговоры. *Здесь скверно топят. Или просто моя старая кровь остывает. Но они еще увидят, что она может и закипеть, если потребуется.*

Ударил молоток председателя. Интересно, из какой мглы веков пришел этот обычай? Может, от того пещерного патриарха, который грохнул своим каменным молотом по бревну? От этой мысли была какая-то сила, чувство, что ты еще не унесен потокбм времени, что ты не одинок. Неудивительно, что колонисты так тщательно соблюдают обычаи Терры, что они даже оживили кое-что из тех, которые там уже давно забыты. Вроде свободы, которую они привезли сюда с собой, чтобы спасти. А когда из этих обычаев ничего не получается в мире, совсем не приспособленном для землян, они изобретают свои собственные табу.

— От имени народа Рустама, ради которого мы собрались здесь, объявляю заседание откры-

тым, — сказал ясный женский голос. Он звучал все время, пока шли всякие парламентские формальности, к которым никто особенно не прислушивался, даже те, к кому они непосредственно относились.

Наконец прозвучало:

— Как вам безусловно известно, нам прямо на колени обронили подарочек. — Коффин почувствовал, что уголок его рта дернулся в усмешке. Теперь Доркас начинает действовать в своем излюбленном стиле. Она наклонилась вперед, руки на пюпитре, рост маленький, а личного обаяния — вагон. — Впрочем, может, это и к лучшему, что все произошло сейчас, когда мы пишем Основной Закон планеты: нам напомнили, что мы во Вселенной не одни.

Во всяком случае, многие люди, включая и членов этого собрания, считают, что нам следует решить эту проблему, прежде чем мы приступим к нашей основной повестке дня. В силу прав, которыми я наделена, я образовала два комитета, чтобы изучить возможные последствия прибытия флота с переселенцами и дать надлежащие рекомендации. Это сэкономит нам время, леди и джентльмены. Общей дискуссии не будет. Идея в том, чтобы, получив изложенные с предель-

ной ясностью различные точки зрения, затем разойтись, дабы продумать их хорошенько, а уж потом собраться вновь и обменяться мнением о различных деталях.

Не желает ли комитет О'Малли выступить первым?

Только один председатель комитета встал и присоединился к Доркас. Он, надо думать, подавил всех других членов, поскольку унаследовал все гены своего деда. *Только Джек О'Малли управлял всеми с помощью юмора,* вспомнил Коффин свои детские годы. *И еще… я не скажу, что Моррис О'Малли сильно уступает ему, но заведующий лабораторией совсем не то, что изыскатель, который способен на пирушке отправить под стол всю свою банду, разбудить их в шесть часов и бодрый, как гончая, вести их на поиски новш чудес.*

Докладчик шелестел страницами.:

— Миледи председатель, коллеги, может быть, будет лучше, если я кратко суммирую вам взгляды моего комитета на данную ситуацию, — сказал О'Малли и затем говорил так долго, что Хираяма уже начала барабанить ногтями по подлокотнику своего кресла.

— Итак, — голос О'Малли звучал победоносно, — вопрос, стоящий перед нами, имеет две

части. Первая — разрешить ли пришельцам поселиться среди нас, и вторая: если нет, можно ли предотвратить их высадку?

Второй вопрос решается просто. Мы можем это сделать. Примем постулат, что флот уже летит к нам. Терон Свобода — глава отдела межзвездной связи — считает, что у нас есть неплохой шанс перехватить их мазерным лучом и вручить послание. Тогда они могут либо изменить курс, направившись к какой-нибудь другой звезде, либо, что более вероятно, вернуться в Солнечную систему.

Если всего этого не произойдет и корабли прибудут к Рустаму, мы — вернее, наши потомки — будем полностью контролировать ситуацию. Меньшинство нашего комитета предложило начать строительство ракет с атомными боеголовками, чтобы эта уверенность была подкреплена. Большинство же полагают эту меру излишней тратой сил. Учитывая потребности кораблей в топливе, можно с уверенностью предположить, что они прибудут сюда невооруженными. Они будут полностью зависеть от нас по части получения реактивной массы для того, чтобы добраться обратно до Терры. Ни в коем случае горстка обескураженных пришельцев не сможет навязать

свою волю целой планете.

Он сделал паузу, чтобы выпить глоток воды.

— Хорошо. Тогда вернемся к проблеме, следует ли нам принять этих свалившихся к нам на голову непрошеных чужаков?

Они не являются для нас благом. Нам придется нянчиться с ними всю дорогу, пока они не адаптируются к Рустаму, поскольку мы, естественно, не можем позволить им страдать и умирать страшной смертью, какой умирали наши прадеды, которым не помогал никто. Далее, нам предстоит тратить на них дорогое для нас время, чтобы обучить их обычаям, техническим находкам и уловкам, которые были выработаны обитателями Рустама. И какую же награду мы получим в конце концов? Как рабочие они оставляют желать лучшего, поскольку будут весьма ограничены в своих возможностях. Может быть, это будут даже не рабочие, а просто паразиты. К этому вопросу я еще вернусь позднее.

Никаких моральных обязательств, которые требовали бы, чтоб мы их сюда допустили, у нас нет. Наш комитет сегодня тщательно проверил все записи переговоров между Рустамом и Террой. Некоторые наши послания, возможно, и подогрели энтузиазм землян. Но никогда ни

одно наше правительство не посылало никаких приглашений и не давало никаких обещаний, возможно, потому, что мы не имели формально организованного правительства.

Если их завернут обратно, то никто, кроме вахтенных офицеров, даже не увидит Земли Обетованной. Человеческий груз будет находиться в состоянии замедленной жизнедеятельности до тех пор, пока их не разбудят на земной орбите, или, как можно предполагать, на орбите одной из новых планет. Если они будут разочарованы, что ж, каждому человеку в этой жизни приходится переносить разочарования.

У нас есть сила, чтобы изгнать их, и у нас есть право сделать это. Наш комитет считает, что это не просто право, это наш долг — изгнать их.

Коффин выслушал аргументацию против внезапного возникновения пролетариата. Он нисколько не удивился, что она почти идентична позиции, которую он обрисовал Джорджу Стейну и другим. О'Малли был по-своему образованный человек и хорошо знал историю. Коффин снова почувствовал на своем лице кривоватую улыбку. *Имеешь право задрать нос, Дэниел, мой мальчик, а?*

Зато он весь напрягся, когда О'Малли стал

продолжать, так как теперь тот говорил не о социальных абстракциях, а о том, что касалось слушателей непосредственно и не могло оставить их равнодушными.

— Но еще более важно, леди и джентльмены и народ Рустама, несравненно более важно, то, о чем я буду говорить сейчас. Смеем ли мы вообще открывать двери банде иностранцев?

О'Малли сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность сказанного, а затем продолжил:

— Наш комитет вовсе не намерен чернить чье-либо человеческое достоинство, — говорил он. И Коффин подумал, что эти тщательно продуманные словосочетания, эти обертоны сочувствия и жалости принадлежат самому лучшему оратору из всех слышанных им. — Уверяю вас, мы вовсе не являемся сторонниками какой-либо жестокой и несправедливой доктрины расового неравенства. — Тут он сделал небольшой поклон в сторону Хираямы, потом такой же наклон головы в сторону Габриеля Бернса и наконец — всему залу и всей планете.

— Если мы и принадлежим в основном к кавказской расе и к ее североамериканскому типу, мы не только эта раса, и мы гордимся, что в нас течет кровь всего человечества.

Но… — Он поднял палец. — Было бы столь же абсурдно, а в дальнейшем и так же жестоко, притворяться, что *культуры* не различны в своей основе. И пусть нас не смутит жалкое блеяние, что, дескать, у них нет коренных различий в моральных ценностях. Свобода, которой мы пользуемся, выше, нежели деспотизм, царящий на Терре, а рационалистическое мышление, которое мы культивируем, куда человечнее, нежели тупое повиновение и слепая вера, которые победили там.

Народ Рустама, ты легко можешь представить себе, что те тысячи людей, которые сейчас направляются сюда, такие же, как и наши прадеды — может, другие по цвету кожи или по форме глазных век, но такие же во внутреннем смысле. Если бы это было так, мы могли бы надеяться, что не дадим им превратиться в пролей, как бы это ни было трудно.

Но подумайте! Терра не оставалась неизменной с тех пор, как наши Отцы-основатели предприняли свой тягостный исход сюда. Изучи известия, направленные нам оттуда, народ Рустама. Вы увидите, как социальная эволюция, по-видимому, стирает последние клочки американской… нет, западной цивилизации. Те ее клочки, кото-

рые мы поклялись сохранить и сделать основой нового и более прочного Дома Свободы!

Но теперешние эмигранты вовсе не ищут свободы. Эта концепция на Терре практически исчезла. По-видимому, они тоже диссиденты, но их идеалы вовсе не похожи на идеалы человека, требующего безусловного выполнения законов о правах личности. Чего они ищут, что толкнуло их на конфликт с правительством, нам неизвестно. Вполне возможно, что это какое-то ответвление неоконфуцианства, но с парадоксальным экстатическим элементом. Кто может предсказать? В условиях, когда между заданным вопросом и полученным ответом проходит более семидесяти лет, никакого взаимопонимания быть не может.

Одно ясно — они чужаки, иностранцы.

Так станем ли мы, мы, которые сами все еще живем в мире, полном смертельных неожиданностей, станем ли мы взваливать на свои плечи неподъемный груз не поддающихся ассимиляции чужаков?

О'Малли понизил голос, опустив его почти до шепота.

— И будет ли это добрым делом по отношению к ним самим? Я уже показал, что потенциально это класс неимущих. Теперь я скажу, что,

поскольку они чужаки, поскольку у нас тут неизбежно возникнут преступления и столкновения, они станут жертвами ненависти и даже внесудебных расправ. Мы тут на Рустаме — тоже, знаете ли, не святые. У нас нет иммунитета к древним болезням ксенофобии, бессердечности, легализованным грабежам и жестокости толпы. Не будем же навлекать на наш дом те же самые незаживающие раны, от которых страдала матушка-Земля.

Не введи нас во искушение.

О'Малли сошел вниз в буре аплодисментов. Особенно бушевали городские члены Конвента, так что в их шуме потонули слова Хираямы, объявившей о получасовом перерыве.

Коффин со своей трубкой (хотя вкус табака имел какой-то странный привкус в морозном воздухе) стоял на балконе. Анкер светился **и** шумел внизу, занятый своими делами и своими надеждами. Его освещение мешало разглядеть и лед на реке, и далекие поля под снегом, и вершины гор, и звезды. *Но стоит пройти лишь несколько километров,* думал Коффин, *и сразу окажешься наедине с тем, что лежит вне человека и вечно.*

Конечно, я стою к этому ближе по времени, добавил его разум. *И скоро я и вообще сольюсь с*

ним. Странное это было ощущение!

Чей-то голос вернул его к действительности.

— А, приветствую вас, Дэниел. Сбежали от толкучки?

Дэн увидел аскетичное лицо Морриса О'Малли, хорошо освещенное уличными фонарями и луной.

— Да, — ответил он, и ветер унес в ночь вылетевший у него изо рта пар дыхания. — Знаете, вы произнесли великолепную речь. Если сказать правду, она гораздо лучше, чем я мог предположить.

Его собеседник улыбнулся:

— Спасибо. Я ведь не Демосфен. Но когда излагаешь то, в чем убежден, это здорово помогает.

— Вы действительно во все это верите?

— Конечно. Я же ни за какой личной выгодой не гонюсь. Может, я и доживу до прибытия флота, но еще до того, как дела обострятся, я уже уютно устроюсь в своей могиле. Я беспокоюсь о своих внуках.

— **И** вы действительно верите, что на них обрушится столько горя из-за кучки добродушных азиатов, африканцев или еще кого-то? Это ведь большая планета, Моррис.

Тон О'Малли стал заметно холоднее:

— Она велика только для таких, как вы.

— Но так считал и ваш дед, несмотря на то что ему приходилось носить редукционный шлем — один из тех примитивных, что приводились в действие мышцами человека — каждый раз, как он спускался ниже трех километров.

— Он только помогал картировать Низины. Сам он там не жил.

Мы же прикованы к Верхней Америке… — Произнесенная им речь сделала менее удивительным жест этого сухаря, Когда он положил руку на плечо Коффина. — Дэниел, я знаю, что излишне упростил многое. Я знаю, что проблема куда тоньше и сложнее, что она содержит в себе много возможностей и ответвлений. Это и страшит меня больше всего.

— Ваш дед никогда бы не позволил чему-либо напугать себя, во всяком случае надолго, насколько мне известно.

— Тогда была другая жизнь. Простая проблема выживания.

— Мне кажется, что в своей основе все проблемы имеют много общего. Все держится на одних и тех же принципах. И для вашего сведения скажу, что выживание далеко не всегда просто и сводится к вопросу: или — или.

О'Малли некоторое время молчал, а затем тихо произнес:

— Мне сказали, что после перерыва будете говорить вы.

Коффин наклонил голову:

— Моя речь будет куда менее красноречивой и гораздо более короткой, чем ваша, Моррис.

Как много знакомых лиц! Вон сидит мать Лео Свободы, вот сын Мэри Сэндберг, вот частый компаньон Дэна по покеру Рэй Гонзалес, вот молодой Трегеннис, который работал с ним до того, как отправился искать счастья на Западных островах, вот сидит его собственный сын и сын Евы Чарли, которого воспитали Том и Джейн де Смет, потому что тот не мог жить в Низинах. У него уже много седины в волосах.

…Рустам все еще тайна и необъятность до сего дня, а человечество Рустама еще немногочисленно, но связано прочными узами и в том числе — любовью.

— Это не совсем доклад, знаете ли, — начал Коффин. — Я представляю район озера Танцующей Луны, и так как мы достигли чего-то вроде единства мнений, то я попросил председателя разрешить мне изложить наш взгляд на проблему.

В горле першило. Подобно своему оппоненту, он выпил воды. Он хорошо знал эту воду, ее слабый железистый привкус вернул его память к тому ручью вблизи фермы у Расщелины, когда он был ребенком. Как много того, что он знал давным-давно, все еще удерживается его памятью…

— Я постараюсь быть кратким, — продолжал он, — поскольку мой уважаемый коллега доктор О'Малли тщательно проанализировал основные аспекты проблемы, оставив мне лишь отдельные частности. Замечу, что философия и теория — вещи чрезвычайно важные. Без них мы в лучшем случае блуждаем вслепую, а в худшем — превращаемся в скотов. Но они не должны замыкаться сами на себя, иначе рискуют превратиться в разновидность салонных игр. Они обязаны вести нас к действию. Жизнь зависит от того, что мы *делаем* или не делаем.

Примем мы или не примем изгоев с Земли в наши рады? Я считаю, что на этот вопрос мы должны дать быстрый ответ, исходящий из практических соображений, а затем поскорее вернуться к нашим текущим делам.

Он видел, что завоевал их внимание. Он уже не был просто старикашкой, которого пустили побалабонить из уважения к тому, каким он был

раньше. Внезапно он ухватил за хвост реальность, и сделал это на глазах у всех.

— Что касается проблем, которые возникнут для Верхней Америки, если мы допустим туда чужестранцев, — продолжал он, пользуясь преимуществом, которое давало ему отсутствие показного красноречия, благодаря чему он мог воздействовать на их чувства тоном беспристрастной доверительности, — то многие из вас, видимо, приняли на веру постулат, что Верхней Америке придется решать их в одиночестве. Какое нам — по-низовщикам — дело до всего этого! Если это так, то я сочувствую горцам, которые хотят использовать свое превосходство в численности, — а оно, вероятно, сохранится и к моменту прибытия кораблей, — чтобы запретить высадку пассажиров на планету.

Ну что ж, я пришел сюда, чтобы сказать вам, что община Мунданс и ее окрестности, вплоть до долины Сайруса, озабочена сложившейся ситуацией и собирается оказать вам помощь. — Он услышал, как пятьдесят пар легких одновременно испустили вздох облегчения. Несомненно, то же самое произошло сейчас на всей планете. Коффин усмехнулся про себя. Половина его усилий ушла на то, чтобы удержать шило в мешке и

не выдать свой секрет, дабы иметь возможность сегодня произвести наибольший эффект.

А вторая половина ушла на споры, умасливание, всяческие махинации и даже на замаскированные взятки для того, чтобы получить их поддержку, которая ему так нужна.

— Я уверен, что родственные нам общины понизовщйков последуют нашему примеру, — продолжал он, делая реверанс ради достижения общего согласия. — Народ Пограничья всегда отличался прагматизмом. У нас есть идеалы, но первая мысль всегда обращена к вопросу — какие ресурсы необходимо задействовать, чтобы заставить эти идеалы работать.

В данном случае практическая сторона проблемы состоит в том, что Верхняя Америка считает трудным, а может, даже невозможным с экономической и социальной точек зрения: принять пять тысяч человек экзотического происхождения, которые не могут расселиться по всей планете и абсорбироваться, а должны остаться там, где они способны дышать.

Коффин достал трубку и кисет с табаком. На самом деле ему не хотелось курить, да еще так скоро после последней выкуренной трубки, но такой домашний жест, как набивание трубки,

должен был сделать решение проблемы более простым, свести ее в плоскость более спокойную и менее взвинченную.

— Ну, стало быть, всему этому надо найти решение, — в растяжечку продолжал он. — Что касается цены, то Мунданс готов солидную часть затрат покрыть своими деньгами, материалами, трудом и всем, что понадобится. Я повторяю, что уверен — другие общины понизовщиков присоединятся к нам. При таком раскладе издержки лягут на всю планету и не будут обременительными для кого-либо.

И знаете, это было бы неплохим прецедентом, символом и функцией нашего единства. Доктор О'Малли великолепный оппонент, но дело в том, что среди нашего народа есть фундаментальные различия не только социального плана, а генетические, фактически расовые. Некоторые из нас могут жить внизу, а другие — нет. И нам необходимо найти как можно больше простых человеческих связей, чтобы преодолеть это обстоятельство. Вы согласны со мной?

Немного помолчав, он продолжал:

— Поглядите — шлемы для дыхания безмерно улучшились с тех пор, когда я был еще юнцом. Да что там, когда я был ребенком, их не было вовсе.

А кто сказал, что мы должны на этом остановиться? Кто сказал, что мы не сумеем изобрести нечто лучшее, что-нибудь вроде биохимических препаратов, которые позволят любому мужчине, женщине и ребенку жить на Рустаме там, где они захотят?.

Среди делегатов ассамблеи послышался шум, возгласы, но Коффин продолжал, не обращая внимания на голоса:

— Мунданс предлагает совместный исследовательский проект, который и сам по себе уже будет фактором укрепления единства. Проект по изысканию средств преодоления Того недостатка, от которого страдают наши дети. Я знаю, об этом мечтают давно. Частично причиной, по которым эти мечты не осуществились, является то, что тут необходима координация усилий обеих групп нашего народа, а мы — понизовщики — не имели серьезных мотиваций для такого рода работ, особенно учитывая, как много нам еще остается сделать. Сегодня мы принуждены от мечтаний перейти к реальным делам.

Если мы сумеем успешно решить это, проблемы, связанные с приездом иммигрантов, станут просто тривиальными. Далее, если мы примем политику открытых дверей, тогда знание, что

флот приближается к нашей планете, станет важнейшим стимулом для решения чисто научной проблемы первостепенной важности!

Он выпил еще стакан воды и очень тихо и мягко произнес:

— Конечно, без политики открытых дверей у понизовщиков не будет оснований помогать в этом проекте или нести расходы, если проект окончится неудачей. Если вы решите забить двери наглухо, тогда можете проваливать ко всем чертям. Оставайтесь в изоляции, которая вам по душе.

Возмущенные крики. Доркас Хираяма стучит молотком. Чей-то голос из зала вопит:

— Да зачем тебе нужна эта банда вшивых долбаных иностранцев?

Коффин закурил трубку.

— Я как раз собираюсь перейти к этому вопросу, — сказал он, — как бы грубо он ни был сформулирован.

Сумеем мы или не сумеем решить проблему атмосферного барьера, мы не можем ожидать, что процесс ассимиляции пройдет быстро и легко. В некотором смысле, вполне возможно, полной ассимиляции вообще не будет. Вряд ли они или их дети будут идентичны нам. Кроме препят-

ствий, вытекающих из того, что они не знакомы с Рустамом, они ведь летят сюда для того, чтобы сохранить свой образ жизни, а не расплавить его в общем плавильном котле.

Как я уже говорил, мне представляется, что жертвы со стороны горцев и понизовщиков, как бы там ни было, не способны полностью предотвратить появление пролетариата. Что ж, мы как-нибудь перетерпим это и постараемся провести определенные социальные и экономические меры, чтобы обеспечить людей работой. Но что касается второго аспекта, о котором говорил доктор О'Малли, — вопроса об интродукции чуждой нам философии и характера мышления, которые так несходны с нашими…

Он отложил трубку, набрал в легкие побольше воздуха и заорал на весь зал, так что эхо, отброшенное стенами, дошло даже до его глохнущих ушей.

— *Черт вас всех побери, так это же именно то, в чем мы нуждаемся!*

А потом сказал мягко и доверительно еще не опомнившемуся от шока залу:

— Несколько часов назад я стоял на Северном мосту и разговаривал с одним из недоумевающих и даже рассерженных ребят. Он никак не мог

понять, почему старшее поколение хочет отрезать его от звезд. И мы с ним закончили разговор тем, что обсудили пути и средства, с помощью которых Рустам мог бы получить такой корабль, когда они сюда прилетят.

Из этого вряд ли что-то выйдет, конечно. Но важно то, что новость о прилете кораблей заставила его понять, как он задыха-' ется в том болоте, в которое мы постепенно превращаемся. О да, у нас еще много больших дел. Но кто будет их осуществлять? Люди, такие же, как и мы! Если так, что же останется грядущим поколениям? Сидеть на заднице и восхищаться достижениями предков?

Я скажу вам, что случится тогда. Нам придется дорого платить за собственную глупость.

Я слышал, как многие бьют тревогу по поводу внезапного появления пролетариата — безродного, обнищавшего пролетариата, у которого нет никаких целей, который не заинтересован в поддержке существования того общества, которое его породило. Леди и джентльмены, а рассматривали ли вы опасность появления пролетариата души?

Так пусть приходят иностранцы! Давайте с радостью приветствовать неожиданные прозрения, странные обычаи, удивительные мысли и

чувства. Они не всегда будут нам приятны… чаще всего мы захотим их отвергнуть. Что ж, испытаем их на прочность. Это заставит нас пристальней приглядеться к фундаменту наших собственных верований. И если есть хоть что-то в идее Свободы и ценностей индивидуализма, которые, как считается, мы защищаем, то от вызова, брошенного нам, мы только обогатимся. Но вы же знаете — подобные вещи работают с отдачей. Они ведь тоже будут учиться у нас. Рука об руку прежние и новые обитатели Рустама будут работать и думать, как достичь того, чего по отдельности им и не мечталось достигнуть.

Коффин перевел дыхание. У него слегка кружилась голова от такой длинной речи. На коже проступил пот, а колени дрожали. Хриплым голосом он закончил:

— Как многим из вас известно, поскольку я люблю прихвастнуть, у меня есть парочка правнуков. Я не хочу отрывать их от космоса, так же как тот мальчуган, о котором я говорил, не хочет, чтобы его отгородили.

Нет, они заслуживают лучшей судьбы!

Прошли лунники, дебаты завершились, трудная торговля между представителями разных взглядов кончилась, резолюции внесены и при-

няты, заявление, что Рустам примет и поможет сынам Земли, принято…

Дэниел Коффин сидел один в своей комнате в доме де Смета. Флюор он выключил. Лунный свет струился в открытое окно, прохладный, как и сам воздух. Снаружи в комнату вливалась упругая тишина зимней ночи, которую не мог нарушить даже рев реки, хотя на льду уже появились трещины, вызванные первым дыханием приближающейся весны.

Прохлада дохнула на портрет Евы, стоявший на столе. Коффин взял его в руки. Руки дрожали. Дэн очень устал. Хорошо бы лечь и отдохнуть хорошенько.

— Любимая, — шепнул он. — Как бы я хотел, чтобы ты это видела. — Он покачал головой и всей пятерней расчесал волосы. — А может, это сделала ты? Не знаю.

— Видишь, — сказал он, обращаясь к ее памяти. — Я сделал то, что сделал, только потому, что ты тоже захотела бы этого. Только поэтому.